

Автобіографія Николая Ивановича Иванникова.

Начато въ 1943 году, въ Майѣ мѣсяцѣ въ Вологдѣ.

116 листовъ.

Минувшихъ лѣтъ угасшее веселье

Мнѣ тяжело, какъ слухомъ похмѣлье;

Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней

Въ душѣ моей чѣмъ старѣ, тѣмъ омытѣя.

А. Пушкинъ.

Дѣтство и жизнь въ Вологдѣ.

Цвѣно хотѣлось мнѣ описать всю прошедшую жизнь мою; но до сихъ поръ не могъ собраться: то недосуги, то лѣнь мѣшала этому благому намеренію.

А жалко, что я доживу до 27 лѣтъ, не записать ни одного случая изъ моей жизни, хотя многіе стоятъ того, чтобы хранить ихъ въ памяти до могилы. Теперь я читаю статью Гете: *Wahrheit und Dichtung*; она то и подстрекнула меня привести въ исполненіе давнишнее мое намѣреніе. Начиная писать; но не для читателей, какъ Гете, а для самого себя, и потому мое описаніе будетъ самое искреннее, а слѣд. и справедливое.

Родители мои говорили, что я родился въ Широгорѣ, въ 26-ти верстахъ отъ Вологды. Это случилось 2 Января 1816 года, въ одиннадцатомъ часу вечера. Крестною матерью моею была близкая подруга Генеральнаго Шущупова, а крестнымъ отцомъ дядя мой Н. Ѳ. Андреевъ. Я былъ очень здоровой и красивой ребенкомъ. Черезъ годъ отецъ мой перешелъ въ управители на Сероговской сатоваренной заводъ. Онъ уѣхалъ туда лѣтомъ; а маманька отправилась къ нему по первому анжаму пути, съ старшимъ братомъ моимъ, которому было тогда 2½ года, и со мною. Мы ѣхали въ своей повозкѣ на почтовыхъ. Провожать насъ присланный отъ помещика челоуѣкъ, по имени Никола. Говорить, онъ былъ бошой хитрецъ и плутыкъ. Мнѣ все хотѣлось сидѣть вывѣтъ съ конемъ и съ кучеромъ на облучкѣ, — и я безпрестанно танулся туда къ кибиткѣ, Никола бралъ меня на руки, и когда морозъ убѣлѣлъ мою носъ и окоченѣлъ руки, тогда снова укладывали меня въ кибитку. Когда лошади шли тихо, и ямщикъ скупился погонять ихъ, Никола свисталъ самымъ пронзительнымъ свистомъ въ нерочно слѣвавшую изъ трубочку, и лошади, принимая это за свистъ медвѣдя, желили во всю дупу. Ямщикъ сердился, а Никола говорилъ, что онъ свистѣтъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пугать лошадей, а только, чтобы погнѣтить дичь, т. е. меня. Въ Сероговскомъ заводѣ прожилъ я четыре года съ половиною, и началъ немного понимать себя. Вотъ два случая, которые оспомятаю я, и которые можно назвать самыми первыми, принятыми и сохраненными памятію. Однажды лѣтомъ, вѣроятно въ 1821 году, деньъ былъ прекрасный; я сидѣлъ передъ домомъ на скамейкѣ и смотрѣлъ на рѣку, на которой въ это время несло плотъ, а на плоту сидѣла женщина..... Этотъ ничтожный случай сильно врѣзавшій въ мою память, и ономъ я не знаю по какой причинѣ; онъ былъ самый первый, гдѣ начала дѣйствовать моя память. Другой, также маловажный: я шелъ съ маманькой въ церковь, и вышелъ на дорогѣ цѣпакъ. Разумѣется, я тотчасъ отдалъ его, а попадѣ, которая не знала какъ тутъ случилось, очень хвалила меня, что я не воспользовался находкою. Странно! Прочіе случаи изъ жизни моей въ Сероговѣ представляются теперь, какъ несвязный и самый темный сонъ: мелькаютъ въ памяти какія-то безымянные лица, какія-то неопредѣленные мѣстоположенія.... Но рассказывать знаю теперь, что я во все время такъ былъ здоровъ, любилъ безпрестанно бѣгать по двору, играть и пр. Природа надѣлила меня крѣпкимъ тѣлоположеніемъ и кровою наружностію. Что еслибы дары ея я успѣлъ сохра-

нить донынь? Но прощадного не моротить: по крайней мѣрѣ я долженъ благодарить Природу за то, что она некупно наградила меня, и если я не нахожу теплѣ въ себѣ и десятой доли этихъ даровъ, то виновать самъ.... Нянькой моею была старуха, которую плавали Горюхиной. Говорить, она очень любила меня, и часто говорила мнѣ: „агушондыль (красное солнышко) ты мой! у самого ты Царя приваннымъ будешь!“ Но въ памяти моей не сохранилось образа этой доброй старушки.... Отрадно, что мы чѣто видимъ въ дѣтствѣ, того не поминимъ, а иногда хранимъ въ памяти случаи самые ничтожныя, какъ напр. гл., которые записалъ я выше, или вотъ эти: мы бѣжали на рѣкѣ въ харбасѣ, не зная куда. Отъ насъ былъ и самоваръ. Я игралъ шипечкой, отворнутой отъ крышки самовара и уронялъ ее въ воду. Несмотря на то, что дѣло въ этомъ мѣстѣ было глубокимъ, мѣдная блестящая шипечка видна была на чистомъ пескѣ Вьмон. Другой случай: это было уже въ домѣ Нѣмчинова, куда перешли мы, когда отецъ мой сдѣлалъ управленіе завода другому управителю. Мы помѣщались во второмъ этажѣ. Однажды въ зимнее воскресное утро всталъ мы съ братомъ на разсвѣтъ и подошли къ окну, въ одѣлѣхъ рубаскахъ: передъ окнами была армарка, которая обыкновенно производилась каждое воскресенье.... Еще помню,—это было тоже зимой—какую-то сильную драку между мужиками, которыхъ не знаю, по какому случаю, собралось очень много: они пили, гуляли и наконецъ дрались. Одинокъ изъ нихъ, мѣлнѣе уже до прови, спрятать священника у себя въ лѣтѣ. И стоятъ на крыльцѣ: два мужика или много меня и посело разговаривали; но вдругъ остановились и начали усердно колотить другъ друга.... Вотъ все, что еще околѣе никому въ моемъ видѣ сохранила моя память; а прочее сливается въ одну нестройную, неясную картину. Къроэтно, дикая природа сѣвера, постоянный и суровый климатъ, и жизнь: не комнатная, а воегда открытая, благотворно дѣйствовали на развитіе моихъ физическихъ и нравственныхъ силъ: не отъ чего было мнѣ ни сохнуть, ни блѣднѣть, и приучаться къ хитрости, лукавству, обманамъ, однимъ словомъ, ко всемъ подлостямъ, которыя господствуютъ въ обществахъ. Отецъ мой перешелъ служить въ Вологду; и маменька со всеми дѣтьми (кромя старшаго брата и меня тогда были уже двѣ сестры и еще большой братъ одного году) отправилась къ нему весною на каюкъ (такъ назывался судя). Помню, что когда каюкъ отчаливалъ отъ берегу,—это было вечеромъ на закатѣ солнца,—то на берегу стоялъ священникъ съ семействомъ и съ нимъ много народу: все они кланялись намъ и желали счастливаго пути.... Мы бѣжали въ самую большую воду, но всегдѣ тихо; потому что каюкъ тащили лошадыми; и въ обѣдъ останавливались часа на четыре; на ужинѣ часа на два, а ночь всю стояли на мѣстѣ. Изъ всей нашей пятидѣльной поѣздки я помню только, и то чуть-чуть, какъ останавливались мы въ Устюгѣ и жили у священника Аралова, и какъ провожали насъ берегомъ какіе-то мужикомъ и женщины.

Опока ещё вѣдалась въ памяти. Какъ теперь вижу эту ужасную скалу, почти нависшую надъ водою; рѣка дѣлаетъ крутой поворотъ кругомъ этой скалы, и между каменистыми порогами образуетъ опасныя водовороты. Мы вѣхали въ это мѣсто въ ясный воскресный день, вѣтерокъ, около вечера, — и вдругъ лодки, которыя шли въ ямъсъ по узкой дорожкѣ, подъ навѣсомъ скалы, упали на когѣны; потому что судно сильно водоворота вышло; рабичины едва могли ладить съ рулемъ; хозяинъ молодой человекъ и какъ видно довольно малодушный, совершенно растерялся; онъ всталъ на когѣны на палубѣ и молилъ о помощи. Маменька моя, какъ женщина, такъ очень отрусилла. Она держала на рукахъ моего брата и горько плакала. Женщина, которая была съ нами, держала маленькую мою сестру, а старшій братъ, я и покойная сестра стояли кругомъ нѣ, и съ любопытствомъ смотрѣли на эту суматоху. Впрочемъ, тутъ шутки плохи: мы действительно были въ большой опасности. Къ счастью въ деревнѣ находящейся на противоположномъ берегу рѣки, было гулянье. Много мужиковъ пришло отсюда въ лодкахъ; они пристегнулись къ бичевѣ, и судно благополучно вышло изъ опасности. Помню также, что одинъ мужикъ былъ очень пьянъ: онъ безпрестанно пазалъ, и шумѣлъ, какъ будто отъ него зависѣло все спасеніе.

Вотъ все, что я помню изъ порыхъ годовъ моего дѣтства. Прѣхалъ моя въ Вологду (ѣхалъ въ 1823 году) не вѣдалъ въ памяти: можетъ быть это потому, что Вологда въ тогдѣшнее время не представляла предметовъ замѣтельныхъ, или—что являлись—и были разлечены разнообразіемъ жизни и не могъ ни на чемъ остановить вниманія. Перваа наша квартира была на Соборной горѣ, гдѣ нынѣ разведенъ садъ. Тогда на этомъ мѣстѣ было нѣсколько старыхъ домовъ, и въ одномъ изъ нихъ—въ домѣ Северикова прожили мы нѣсколько мѣсяцовъ. Потомъ мы перѣхали за рѣку, въ Калашную улицу, въ домъ Волкова, недалеко отъ церкви Св. Георгія. Здѣсь я продолжалъ учиться читать; но больше—игралъ. Зимой слѣдующаго года отецъ мой купилъ домъ въ дворянской улицѣ. Здѣсь начали уже мою учить серьезнѣ. Нашимъ семинариста, и заставили на книгу дѣлать съ старшимъ братомъ. И проходили начала ариметики и грамматики, кое-что изъ исторіи и занимался чистоисчисленіемъ, а старшій братъ, кромѣ этого, читалъ и писалъ латинскѣ. Объ новыхъ языкахъ и слово не было: тогда они не считались еще необходимыми для образованія дѣтей; на нѣхъ смотрѣли, какъ на роскошь, и даже видѣли въ нихъ что-то противное православному нравственности. Разумѣется отецъ не имовалъ въ этомъ упущеніи: онъ платилъ дань понятіямъ своего вѣка, да—главное—и не имѣлъ средствъ шить Француза или Нѣмца, а семинаристъ-учитель въ зубъ ткнулъ не зналъ ни на какомъ новомъ языкѣ. Онъ обыкновенно приходилъ на урокъ ежедневно въ вечерни и сидѣлъ до 6 часовъ; за это отецъ мой платилъ ему 2 рублевыхъ

въ ибоясь. Ученые прозвонились разубиется по старой методѣ, т. е. учителя дасть намъ выучить папашу параграфъ изъ исторіи, или грамматикѣ и постѣ прослушивать. Вотъ и все! О развитіи же способностей тогда нѣтъ и не думать, по крайній мѣрѣ въ Вологдѣ: все предоставляли природѣ.... Хорошо что еще она была въ мигъ довольно милостива, и я не остался навсегда дуракомъ! Утромъ мы съ братомъ учили уроки, а день весь играли—амной въ комнатѣ, а лѣтомъ или на дворѣ, или всего чаще въ саду. Эти занятія были конечно полезнѣе уроковъ учителя; потому что развивали наши физическія силы. Я отъ природы былъ крѣпкого сложенія, имѣлъ правильныя черты и прекрасный цвѣтъ лица; а жизнь на открытомъ воздухѣ еще болѣе укрѣпила мои силы. Словосохотнымъ старушки называли меня *длинный варагой*, а молодые барыни безпрестанно старались цѣловать меня. Не понимая еще настоящаго значенія и прелести поцѣлуя, я бѣгалъ отъ нихъ, а иногда даже плакалъ, когда какая нибудь Аринда успѣвала въ распахъ потѣловать меня.

Съ братомъ я жилъ довольно дружно, хотя, разубиется, первѣе случалось, что игры наши оканчивались дракой. Онъ былъ старше меня почти двумя годами, и гораздо окритивѣе и хитрѣе. Я былъ очень жидень, горячъ, легкоблѣвно и откровененъ. Меня стоило только подотрекнуть въ чему нибудь, и я, не разсуждая о пренятствіяхъ и послѣдствіяхъ, тотчасъ бросался на все. Братъ злѣроушю понималъ мой характеръ, и потому научалъ иногда сдѣлать такое дѣло, за которое виновный подвергается отвѣтственности; онъ оставался въ сторонѣ, а меня наказывали. Я никогда не понималъ обидъ, и ежели братъ дѣлалъ иногда что нибудь худое, я никогда не жаловался на него, хотя самъ нерѣдко терпѣлъ отъ его жадобъ. За одно ласковое слово я готовъ былъ открыть всю мою душу и простить какую угодно обиду. Грустно вспомнить теперь, что всѣ эти лучшія свойства моего сердца не получили надлежащаго образованія, и должны были развиваться сама собою, иногда подъ вліяніемъ обстоятельствъ самыхъ неблагопріятныхъ. Одна только развѣія, или лучше сказать, разные религіозные обряды благотворно питали мое дѣтское сердце. Родители мои строго держались устава церковнаго, и потому отъ дѣтства ввухили намъ благоговѣніе и страхъ во всему священному. Каждое воскресенье, несмотря ни на какую погоду, мы должны были идти съ маменькой въ церковь, и соблюдать, несмотря ни на какія обстоятельства, всѣ посты, т. е. великій постъ, Филипповъ, Петровъ, Успенскій, и кромѣ того круглый годъ постился каждую среду и пятницу. Это очень хорошо дѣлалъ не въ физическомъ, а въ нравственномъ отношеніи.

Въ 1824 году, во 9-му году отъ роду, и отдавъ былъ вмѣстѣ съ братомъ въ Гимназію, которая тогда еще была патриархальная школа, и частью дворянская. Моимъ принятымъ во второй классъ, а брата въ 3-й. Учители мои были народъ самый жалкій: всѣ почти выпущенные изъ Семинаріи, перьями, напѣвками и—мво-

гіе—пьянцы. Среди учениковъ, изъ которыхъ большая часть были дѣти мѣщанъ и солдатъ, они существовали по-султански. Порядка и методы въ преподаваніи не было никакихъ: кто что зналъ, то и проходилъ, кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и обанчивалъ предметъ. Надзору ни за учителями, ни за учениками не было никакого. Учители приходили и уходили когда кто хотѣлъ и въ какомъ видѣ было ему угодно. Нерѣдко являлись и пьяные. Ученики собирались въ классѣ рано, и до прихода учителя, или въ небытность его, что случалось очень часто, шалости какъ только было возможно. Я разумѣется скоро привыкъ къ этому новому образу жизни, и не уступалъ другимъ въ шалостяхъ. Помѣщеніе классовъ было самое дурное: три нижнихъ класса заперты были въ ялау, а 4 старшихъ помѣщались вверху. Однакожъ это продолжалось недолго. Въ октябрѣ мѣсяцѣ и нѣсь переехали вверхъ.—именно вотъ по какому случаю. Еще за годъ до этого времени кня Волгодъ говорила уже, что скоро придетъ Государь: улицы и монастыри исправлялись, я устроивались вновь; ядохъ по дворянской Обуховской улицѣ, начиная отъ Винтеровскаго моста, и мимо Владимірокой церкви, въ поворотѣ до улицы, идущей отъ рынка къ Синю на болото, отдѣлая быть буланцы; всадъ подѣзаны тротуары. Наконецъ получено было извѣстіе, что Государь, будучи въ Октябрѣ. Передъ каждымъ домомъ устроены были деревянные гирлянды для иллюминацій; въ разныхъ частяхъ города и на рѣкѣ отдѣланы б шитовъ съ пестрыми изображениями Императора. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія Монарха, тѣмъ болѣе, что въ Вологдѣ со времени Петра Великаго не бывалъ никто изъ Царской Фамиліи. Мы, Губернскіе, были распушены до полѣсти, чтобы не заглохнуть вымысливъ половъ, и только каждый день, обирались, на нѣсколько минутъ въ одинъ изъ нижнихъ классовъ, гдѣ мнѣ учили кланяться. Наконецъ настала день (числа не помню). Около вечера полиціею стеръ и множество людей разныхъ сословій выдѣланы къ Московской заставѣ. Родители мои со мною и съ старшимъ братомъ отправились, въ удѣльную деревню Кошино, гдѣ приготовлено было домикъ для переезда Государя. Крестьяне окружили этотъ домикъ стѣе съ рѣзнымъ обѣда. Мы поспѣшнѣе вошли въ домъ молчаливо. Въ это время была оттепель, и ядропыкать дождикъ. Часу въ 8 вечера приѣхалъ адъютантъ съ мундиромъ Государя; а въ 9-мъ прибылъ и самъ Императоръ въ открытой коляскѣ, въ которой онъ сидѣлъ вѣстѣ съ Дибичемъ. Несмотря на то, что вся деревня ярко освѣщена была плашками и зажженными смоляными бочками, я не могъ одиноко разсмотрѣть лица Монарха; потому что онъ проѣхалъ очень скоро. Мужики изъ вѣдѣ снѣ кричали: ура! Императоръ остановился у приготовленнаго домика, съ крыльца раскланялся со всѣмъ народомъ, и пошелъ переезжаться. Шинель его ваялъ на руки членомъ приставъ, и, неосторожно держа ее надъ зажженными на крыльцѣ стаканами, промѣлъ на ней порочную дыру. Въ ту же ночь, разумѣется, ее сшили,

и Государь не жалея обь этомъ. Переодѣвшись, Императоръ обьѣзжалъ въ коляску, и отправился въ городъ. Впереди ѣхали саенъ съ зашпигенными факелами для освѣщенія дороги. Народъ ѣхалъ за коляской и кричалъ: ура! Императоръ отправился сначала къ Спасу приложиться къ нерукотворенному образу, и потомъ пробѣжать въ Соборъ, гдѣ ожидалъ его Архіерей и все дворянство. На рынокъ невозможно бы было пробѣжать, если бы шесть мандаринъ, которые ожидали впереди Императора, не расчистили дороги. Такъ тѣснился народъ, чтобы только хоть разъ взглянуть на своего Монарха. Изъ Собора, отступивъ тамъ молебствъ, Императоръ отправился въ отведенную для него квартиру, въ домъ купца Витушечникова. Народъ окружилъ домъ и безпрестанно кричалъ: ура! Говорятъ, Государь долженъ былъ нѣсколько разъ выходить на балконы и раскланиваться на всѣ стороны. На другой день мы собрались въ Гимназію въ 4 часа утра, и разучится до прихода учителей дурочились. Въ 8 часовъ начали сходиться учителя, напуганные, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. А мы одѣты были во маскарадный: кто во фракѣ, кто въ курточкѣ, кто въ сюртукѣ. Не дозволялось только быть въ шиворотѣ, подвоясанности кушаками. Часу въ 12 вонъ площадь передъ домомъ Гимназіи и всѣ сосѣднія улицы были наводнены народомъ; при появленіи Государя всѣ кидали шапки вверхъ, и кричали: ура! Въ 12 часовъ Государь прибылъ въ Гимназію, въ сопровожденіи Дюбича, полковника Соловья, Волковскаго и еще какихъ-то лицъ. Директоръ Шапкинъ шелъ подлѣ Императора и показывать классы. Когда онъ сказалъ—первый классъ! мы поклонились въ поветъ. Государь отвѣчалъ легкимъ склоненіемъ головы, и прошелъ далѣе. Только а его и видѣлъ. Говорятъ, въ залѣ, гдѣ собраны были четыре верхніе классы, Императоръ останавливался на нѣсколько минутъ и говорить съ Директоромъ. Для этой-то короткой встрѣчи готовились мы такъ много и долго! Послѣ обѣда Государь ѣздитъ въ коляскѣ по городу, но я не видѣлъ его. Вечеромъ снова весь городъ былъ иллюминированъ. Государь былъ на балѣ въ Дворянскомъ собраніи. На другой день утромъ Онтъ осматривалъ гарнизонъ, и послѣ обѣда уѣхалъ въ Череповецъ.

Начальное ученіе мое въ Гимназіи было очень не завидно; учили кое-кто и кое-чему, а потому и мы учились кое-какъ. Большую часть времени проводили въ лавостяхъ. Во время отсутствія учителя проходили драки классовъ на классъ, и разучится не всегда безвредныя. Чудно еще, какъ хранилъ явь Господь Богъ! Директоръ ѣздитъ въ Гимназію въ недѣлю разъ, и потому учителя рѣдко лаяются въ классы, а если и приходили, то часто въ неурочномъ видѣ. Я ничему почти не учился, и несмотря на это, былъ нѣ числа хорошихъ учениковъ. Въ 3-мъ классѣ оставили меня на другой годъ по молодости лѣтъ. Съ товарищами и жилъ дружно, и они очень любили меня. По преданіямъ многіе изъ нихъ собирались ко мнѣ играть. Зимой мы устраивали въ саду изъ

спёсу крёпость, и разыгрывали военные приступы, а дѣлосъ или игрыны изъ городки и бѣжки, или уходили въ поле на рѣчку Соднецу. Тамъ игрыны въ лапту и кулачны. Иногда же ѣздили по Вологдѣ въ лодкѣ, только по секрету; потому что родители боялись, чтобы я не потонулъ, а не пускали меня на рѣку. Впрочемъ, эти шалости нравились мнѣ потому только, что не было ни какихъ другихъ. Если бы изъ среды моихъ товарищей нашлось хоть пѣсочнышко челоуѣка, съ такими же живыми, изобрѣтательными, чисто-поэтическимъ духомъ, какой имѣлъ я, то самыя игры наши получили бы болѣе благородный и оживленный характеръ. И бредить не бабками и не златой, а военными эволюціями: Норманнской духъ мучить меня! Это не было оцѣдиваемъ какихъ нибудь постороннихъ вліяній, а врожденное чувство, обличавшее во мнѣ болѣе возвышенныя понятія и мечты, нежели какия занимали моихъ сверстниковъ. Я былъ кротокъ и снисходителенъ, даже слѣпкомъ мягокъ характеромъ, и любовь къ родинѣ происходила во мнѣ не изъ буйства, а изъ какого-то темнаго инстинкта о славѣ, о любви къ отечеству....

Въ 1827 году я перешелъ въ четвертый классъ, или въ собственно, такъ называемую, Гимназію; потому что, до введенія новаго устава, первый классъ назывался приходскимъ училищемъ, второй и третій — уѣзднымъ, а четверо послѣднихъ — Гимназіею. Неразходъ этотъ къ тогдашнему премію для насъ былъ очень важенъ; во первыхъ потому, что на экзаменахъ присутствовали все новые учителя, которыхъ мы знали мало, и — невѣдѣние почему — боялись; во вторыхъ потому, что съ четвертаго — или съ тогдашняго перваго, — класса Гимназіи изучались нѣкоторые новыя для насъ предметы. Но всѣмъ новостямъ внимаетъ насъ только до тѣхъ поръ, пока не привыкнемъ къ ней. Такъ точно и мы, получившись въ четвертомъ классѣ въѣзда два, увидѣвъ доно, что *ничего не можемъ подѣлать*. Предметы были такъ же безтолковы, какъ и прежде; учителя тѣ же самыя и мало-свѣдущія, какъ и раньше. Однихъ изъ нихъ — учителей сѣдовости Дружининъ — были во мнѣмъ самымъ самымъ учившимся челоуѣкомъ. И дѣятельно, по схоластическимъ понятіямъ XVIII вѣка, который тогда еще благополучно катался въ Вологдѣ, Дружининъ имѣлъ полное классическое образованіе, т. е. былъ ученая голова, но безъ сердца и безъ чувства. Логика, которую онъ преподавалъ намъ въ этомъ классѣ, мы рѣшительно не понимали; а онъ и не спрашивалъ насъ: понимаемъ ли мы ее или нѣтъ? потому что преподавалъ совершенно не по-дѣтски. Такое изощреніе: къ чему ведетъ такое ученіе? не могъ имѣть нѣтъ ни въ головахъ учениковъ, ни въ головахъ учителей. Природа дѣлающая отдѣльно отъ ученія, которое, разумеется, не могло поладить съ ней.... О прочихъ учителяхъ и говорить нечего: но ѣ они были семинаристами, по имѣнцію ни о чемъ не имѣли, — а впрочемъ, добрые люди. Нѣкоторые изъ нихъ крѣпко придерживались чароуки, и сами учителя нѣтъ въ классѣ, то это считалось

дѣломъ обыкновеннымъ. Не могу до сихъ поръ надвинуть голову своей, какъ онъ изъ этого класса не вышла совершенною растрепой, и какъ въ ней не погудѣла совершенно эта искра любви къ наукамъ, которая разлилась теплѣе въ ней тихими прекрасными пламенемъ!

Нельзя не сказать здѣсь нѣсколько словъ о рѣшительныхъ характерахъ моихъ наставниковъ. *Веденскій*, учитель исторіи, художникъ и довольно крѣпкій старичекъ, не зналъ ничего, кромѣ курса Кандидана. Онъ былъ добръ и неважно-толенъ. Самымъ лучшимъ ученикомъ у него считался тотъ, который отвѣчалъ заданную страничку не запинаясь, мѣрно останавливаясь на точкахъ и запятыхъ. Живомъ огнѣ ходилъ въ темномъ фракѣ, въ синеватыхъ пинталонахъ блянжавую цѣпь, въ шляпѣ и съ палкою; а зимой въ валеникахъ и въ бешевѣ съ мерзучатыми поротничкомъ. Когда читалъ изъ исторіи что-нибудь впередъ, то надѣвалъ очки. Но чрезъ каждыя десять минутъ останавливался; клалъ ямичу на столѣ, обнималъ очки и утыкалъ ихъ въ нѣдѣ рожекъ на ямичѣ; потомъ вынималъ изъ кармана кѣтъчатый бумажный платокъ, аккуратно сложенный, разгладивалъ его осязъ мѣрно и медленно, и изъ послѣдняго угла вынималъ круглую табакерку, гладилъ ее ладьями правой руки, осторожно сжималъ крышку, подкапывалъ ее подъ дно табакерки, потомъ указательнымъ пальцомъ соскребивалъ табакъ съ крышки на средину, потомъ бралъ песточку и медленно несъ къ носу, потомъ вдрутъ съ какимъ-то одушевленіемъ сильно тлнуть носомъ, такъ что по всему классу раздавался храпъ; потомъ обтиралъ пальцы о края табакерки, и потомъ опять въ обратномъ порядкѣ совершалъ всѣ прежнія дѣйствія. Это всегда продолжалось по крайней мѣрѣ пять минутъ. Говорилъ онъ то басомъ, то дискантомъ, ѡбѣли въ другомъ классѣ, во время отсутствія учителя, случался шумъ, то онъ открывалъ туда двери, и грозилъ двумя пальцами, говорилъ медленно и басомъ: „тише бездѣльники, тише!“ потомъ вдрутъ оканчивалъ эту фразу стряпкого и дискантомъ: „чтобы тихо было!“ Когда онъ въ церкви молился Богу, то обыкновенно, сотворивъ большой крестъ, начинать всѣмъ корпусомъ наклоняться къ землѣ и правою рукою достывать до полу; при этомъ случалъ отъ натуки онъ крестить самымъ неприятнымъ образомъ. *Добряковъ*, учитель Греческаго и Латинскаго языковъ, былъ ужасно толстъ, такъ что насилу ходилъ. Онъ обыкновенно носилъ зеленый фракъ, штаны горохового цвѣта и ботфорты съ кноточками у колытъ. Училъ онъ плохо, а сажалъ въ сосѣднемъ классѣ былъ Дружининъ, тогда весь урокъ мы не дѣлали ничего; потому что Дружининъ, улыбаясь глосъ, Добрякова, обыкновенно открывалъ въ нему въ классѣ двери, и скрестивши на груди руки, безмолвно смотрѣлъ на него. Добряковъ поднималъ съ хрюканъ и катился какъ шаръ къ своему пріятелю. Потомъ начинался разговоръ и продолжался до конца класса. Можно судить, какими должны быть наши успѣхи въ древнихъ языкахъ подъ рукоюподствомъ такого наставника.

Фортунатовъ, учившій математика, зная свой предметъ очень плохо, и рѣшительно ничего не могъ объяснять. Обыкновенно онъ приходилъ въ классъ и оправдывалъ, шепеляя: „сто вы сегодня учили?“ Мы очень откровенно отбѣчали всегда, что не учили ничего... „Да сто во это такое?“ говоритъ Фортунатовъ съ надвинутой мкией. Мы, въ утѣшеніе ему, отбѣчали, что сейчасъ выучили. Онъ успокоивался и начиналъ прохаживаться по классу. Минуту черезъ 5 первый изъ насъ поднимался и говорить, что онъ выучилъ первый пунктъ. Фортунатовъ простукивалъ его, потомъ тоже самое спрашивалъ другаго, потомъ третьяго и т. д., а перья между тѣмъ учили слѣдующія пункты. Вотъ въ какомъ жадномъ видѣ бывалъ у насъ математика. Дружинина, какъ я сказалъ уже, былъ ученикъ въ духѣ XVIII столѣтія. Онъ отягчался пышностью и первешествомъ. Ходилъ онъ обыкновенно въ широкомъ и длинномъ коричневомъ фракѣ, нижнюю петлю одной полы застегивалъ на третью пуговицу другой, и такимъ образомъ пазуха предоступала у него надъ пестерки; изъ нѣя выглядывала огромная тубачка. Волосы у него всегда были расстрепаны и часто зачесаны въ луху. Приходя въ классъ, онъ обыкновенно никому не кланялся, катъ дурачку на столѣ, пошмыгивалъ на кого нибудь изъ учениковъ пальцомъ, и начиналъ, пощупывъ голову отъ затылка и безпрестанно перебирая пальцами тубакъ въ табакеркѣ, просудиваться по классу. Тотъ, на кого обращенъ быть пороть его, вставалъ и отбѣчалъ урокъ; по Дружинина не слушалъ и спокойно думалъ о своемъ. Когда ученикъ оканчивалъ, тогда садился на мѣсто, — и каждый могъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ; потому что Дружинина не обращалъ никакого вниманія. Только при окончаніи класса, онъ бралъ книгу или тетрадь, и отпѣвалъ нѣмощь — сколько выучилъ въ слѣдующему классу. Рѣдко, рѣдко, въ годъ два два или три, случалось, что онъ разговаривалъ и что нибудь объяснилъ. Но это, когда былъ пьянъ, тогда все передъ нимъ трепетало. Тогда онъ обыкновенно, спросивъ кого нибудь, становился передъ нимъ, расшаркивалъ ноги, опершись кулаками объ столъ и выпучивъ глаза. Если отпѣть быть удовлетворителенъ, тогда онъ былъ спокоенъ; но если ученикъ взманился, тогда ругательство выпалило градомъ. Чертова воловка, филинь залепной, кобылий рожъ и тому подобныя фразы были дѣломъ обыкновеннымъ. Дуракомъ и канашей называлъ онъ въ похвалу. Вотъ киде оригиналы были мои наставники. И теперь даже самъ дѣла могу изречь, въ какомъ азамокъ положеніи была у насъ ученическая часть, назидъ тому лѣтъ 12-ти, — чужокъ если подобныя анекдоты какой нибудь записавшій житель XIX столѣтія разскажетъ человѣку XX лѣтъ!! Другіе учителя, хотя не отличались такими оригинальными характерами, но охотно мыли съ цереміи тѣмъ, что ничего не знали, и вовсе не умѣли учить.

Въ 4-мъ классѣ по молодости лѣтъ я остался на второй годъ. Въ это время нѣмощь, нѣтъ особеннымъ покровительствомъ Директора Шиткова, обра-

вовались прекрасно. Общались они пѣли въ церкви І. Предтечи, а исповѣсь въ Гимназіи въ VII классѣ, который занималъ тогда довольно большую залу. Меня также выбрали къ пѣвчіе, и всѣ ахнули отъ удивленія, когда я запылъ такимъ дискантомъ, какого никто еще не слыхалъ въ Вологдѣ. Шипиловъ смѣлъ наблюдать надъ моимъ уменьемъ, и на четвертой пѣдѣлѣ постои я уже пѣлъ оди́нъ перваго дисканта—, «аѣте тихіѣ!» Дѣлательство, у меня голосъ былъ рѣзкій, несмотря на то, что чадорѣвка три или четыре нѣдѣли нашего хора годились бы въ солисты для придворной церкви. Только пѣлъ я доиспѣнно трусливо; это безъ оминіи происходило отъ неуверенности въ знаніи нотъ; потому что когда я анализъ какую нибудь пѣсню наизусть, тогда пѣлъ свободно. Многие съѣзжались въ церковь нарочно загѣмъ, чтобы послушать насъ.

И много имѣлъ въ впаствѣ силъ физіологическихъ и нравственныхъ, быть хорошаго и далеко превосходить другихъ умотвенными способностями. Во мнѣ была поэзія, т. е. тѣлесное свойство души, о которомъ хотя всѣ толкуютъ и пишутъ очень много, однакоже понимаютъ его только тѣ, которые сами явлены имъ. Поэзія первоначально обнаруживалась во мнѣ въ живости, прямотѣ и открытости характера, въ горячей любви къ предметамъ занимавшимся мномъ, въ испригнорности друзей, дамы въ самоотверженіи для тѣхъ, которые были для меня нмъ и дорогимъ. Въ 5-мъ классѣ я весь ждалъ товариществомъ и дружествомъ, а товарищи любили меня. Это чувство внушало мнѣ и перыце стиха, которые написать я, не имѣя еще понятія о *меланхолическомъ звуковѣ*, но уже страстно любилъ по какому-то тайному инстинкту. Вотъ начальныя стихи посланія, писаннаго къ одному изъ моихъ товарищей, на 14-мъ году моей жизни:

Тамъ, гдѣ Чорнаки протекають

Среди нѣбѣщихъ береговъ,

Гдѣ тихіа Куна обитаетъ

Въ тѣни развѣсистыхъ деревь....

Дальше не помню ни одного стиха. Этотъ воспытый Куна былъ Илья Метелевъ, одинъ изъ лучшихъ товарищей, очень добрый и саромный мальчикъ, къ которому лѣтомъ мы часто собирались играть въ залту, спускать змѣйку и пр. Послѣдніе къ пѣху и задувать имѣли потому, что въ это время у многихъ нѣзъ насъ была острасть къ чтенію отиковъ. Но не имѣя ерадѣсти достать ни одного порядочнаго шпера вродѣ, мы обыкновенно доставали рукописныя тетради одѣ Ломовосова, Держанина, нѣкоторыхъ поэтовъ Пушкина, сказокъ Дмитріева, бакаладъ Жуковского и т. п.; все это прилежно описывали и большую часть выучивали наизусть. Опять ни могу не удивиться, какимъ образомъ, при тогдашнемъ преподаваніи, могли рождаться и образовываться такіа острасти! Ничего ученики снабжены уже, нмѣютъ, всѣмъ, предметы преподаются имъ въ возможной полнотѣ и удобопонятливости, и несмотря на все это нѣ. нихъ пѣтъ и десктой доли

той любви къ знаниямъ, какая во время оно одушевляла меня! Вероятно, это происходитъ отъ того, что настоящее покоище дѣтей одѣяно предшествующаго, или отъ того, что въ нѣкое время не предупреждали природы, которая въ тихій совершила великое дѣло образованія.... Имѣя во извѣст. вѣкомахъ замѣтны подостатокъ полноты и плодovitости мысли, я, какъ мнѣ кажется, отъ того, что слишкомъ торопясь дѣтей жистъ.... Вообще этотъ фактъ дѣлаетъ самымъ основательнаго и приложнаго размышленія педагоговъ!

При переходѣ въ VI, — или по тогдашнему въ III-я, — классъ, къ намъ приходѣли изъ Петербурга новыя учителя естественной исторіи — Назаревъ. Это былъ первый человѣкъ, говорившій съ нами по человѣчески, и внушившій намъ лучшія понятія о наукѣ. Самая наружность его резко противурѣчала со всѣми другими. До прихода его съ именемъ учителя мы привыкли соединять понятие о старости, человѣчѣ неоприятномъ, похлывѣ, строгомъ и т. п. А теперь мы увидѣли молодого человѣка, чисто одѣтаго, очень дѣльнаго и ласковаго, и въ заключеніе всего училе нашихъ старыхъ учителей. Назаревъ началъ проходить ботанику, и предмета этотъ очень запалъ намъ. Вѣсто того, чтобы предаваться наслѣдствѣ, какъ дѣлають то нѣкоторые ученики, мы ходили по полямъ и собирали растенія; а послѣ, когда начали проходить зоологію и минералогію, составляли макетныя кабинеты насекомыхъ и камней. Между тѣмъ, въ Ся-тябрь или въ Октябрь этого—1830—года начался холера. Первое впечатлѣніе, произведенное ею на жителей, было сильно. Всѣ трусливы этой аэраціи, какъ быча небеснаго. Учрежденіе карантинныхъ усилило всеобщее упугиве; улицы опустѣли, торговля дни прекратилась; молва объ ужасахъ болѣзни волновала суеверный народъ; классы у насъ были закрыты на неопредѣленное время. Мы гуляли, и между тѣмъ близкій день слышали о какомъ нибудь новомъ покойникѣ. Впрочемъ на этотъ разъ холера была довольно милостива къ Вологдѣ: въ продолженіи 6 или 7 недѣль умерло не болѣе 40 или 50 человѣкъ этой болѣзни. Холодными осенью прекратила извѣ; городъ снова ожилъ. Святки прошли весело, и съ нѣ-сколькими товарищами маскарerade, и это очень занимало меня. Костюмы устраивались по моему плану и болѣею частью юными средствами. Съ Февраля опять началась холера и довольно сильная; бывали такіе дни, что умирало человѣкъ по 10 и по 15. Карантинны возобновились; прельзны были изъ разныхъ мѣстъ лѣкаря; но домамъ каждое утро ходили разносчики отъ Думы и управ-лялись о здоровьи. Намъ опять распустили; а въ Мадѣ мы снова собрались; потому что холера прекратилась. Но въ началѣ Іюня лавъ снова началась и еще съ болѣею силою. Намъ опять распустили. Книжки прошди помнить не очень весело, потому что нельзя было гулять за городомъ; лавѣ были каран-тинны. Изъ нашихъ учителей этой болѣзни умерло двое: учитель математики—Фортуналовъ и учитель Латинскаго языка—Остроумовъ, который было поступилъ

на мѣсто покойника Добрякова. Онъ былъ очень умный человѣкъ, только неспособный для учительскаго званія и притомъ—крѣпко предрасполагающийся чарошникъ. Въ этомъ же году, вълѣтѣ весной, мнѣ пришла въ голову довольно глупая мысль выйти въ гражданскую службу. Сославшись мнѣ къ этому Михайловъ, бывшій губернскимъ контролеромъ. Онъ очень любилъ меня; потому что я былъ друженъ съ его сыномъ. Но такая любовь чуть было не повредила мнѣ: онъ хотѣлъ непремѣнно имѣть меня у себя въ отдѣленіи, и такими прекрасными чертами изобразилъ мнѣ прелесть моего новаго положенія, что я было напосады уже просьбу. Однакожъ чувство, вложенное въ меня Природою, было наконецъ верхъ, и я отказался отъ этихъ сумасбродныхъ плановъ.... И прекрасно сдѣлалъ! какъ бы послѣ долженъ былъ жалѣть объ этомъ поступкѣ! Михайловъ не могъ мнѣ составить большой протекціи; притомъ же годъ черезъ три послѣ этого онъ умеръ, и я бы остался безъ всякой помощи. Да главное—я вовсе не соизволи для гражданской службы: я рожденъ и долженъ жить только для науки. Поступая на 16 году въ крутъ подъячійхъ, я бы остался рѣшительно безъ всякаго образованія: способности мои, при ихъ живой приемлемости и подвижности, могли бы приняты бы вредныя для меня направленія; и бы скоро пустился въ пьянство и наконецъ кончить бы своею карьеръ—женильбою!.... Вотъ какъ иногда бывало бываетъ человѣкъ въ погнѣбѣ. Одно только какое-то неясное пророческое чувство спасло меня, и именно въ ту минуту, когда уже я стоялъ надъ этою бездною: просьба была уже написана, оставалось только подать....

Въ 7 классѣ я пережилъ съ такими разрозненными свѣдѣніями, что стыдно въ люди сказать. По Латынѣ не зналъ почти ничего, по Гречески столько же; по Нѣмецки и по Французски кое-что, т. е. словъ сотни дѣй-трѣ, да кое-что изъ грамматикъ, а переводить рѣшительно не умѣлъ. Изъ исторіи въ 4-мъ классѣ мы прошли по Кайданову два первыхъ періода древней исторіи; въ пятomъ—второй періодъ средней; а въ шестомъ—первый періодъ новой. Можно судить, что же было у насъ въ головѣ! Объ математикѣ не имѣлъ и понятія, хотя могъ рѣшать практически образомъ кое-какія задачи, и доказывать нѣкоторыя теоремы. Изъ Запови Божію по крайней мѣрѣ зналъ наизуотъ Богословію Платона, которую прежде проходили вмѣстѣ Катеихизма. Одна словесность была въ головѣ хотя сколько нибудь въ систематическомъ видѣ: но зато схоластическій духъ еи не пяталъ души и во глубинѣ сердца: правила ея оставались безъ примѣненія. Хотя Дружонинъ строго жалекимъ: въ сочиненіи, и требовалъ, чтобы они писались по образцамъ библейской древности: но природа брала свое, и оказало ни отрывались мы приближаться къ великимъ учителямъ Греціи и Рима, современность все-таки брала верхъ надъ бездушными классическими. Мы стали изпадать наконецъ въ безнадежное отчаяніе и думали, что современному человечеству и не суждено стать на такую высоту, на которой были Греція и Римъ.... Что

касается до самого чтения, то оно было очень ограничено. Первые книги, которые начали читать, мы еще съ 4-го класса, были романы Радклифф и Дюкре-ди-Меннля. Мечтательный тонъ ихъ равнялся только напе воображенію, и несколько не дѣйствовалъ на умъ и сердце. Въ головѣ нашихъ возникла вѣра въ какой-то фантастическій міръ, гдѣ все идеально—и природа и люди... Опять жизни нисколько не занимали насъ: на все дѣйствительное мы смотрѣли, какъ на сонъ, а въ привражи, толпящіеся въ молодомъ воображеніи, ибродили безу-множно: тамъ находили мы и другіе характеры, и другой образъ мыслей, и другія чувства, и другія мечты. Такое чтеніе особенно было вредно для меня; я имѣлъ горючія чувства и живое воображеніе; вѣра въ дѣятельность при-зраковъ, такъ утвердилась во мнѣ, что различія впечатлѣній жизни нискогда не производили на меня такого ошущаго паденія и не раздражали такъ нервовъ, какъ картины жизни мечтательной. Кромѣ Радклифф и Дюкре-ди-Меннля помню мало книгъ попадаловъ въ руки. О Ломоносовѣ, Державинѣ, Жуковскомъ, Дмит-ріевѣ и отчасти Пушкинѣ мы имѣли понятіе только по тѣмъ рукописнымъ те-традямъ, о которыхъ я говорилъ выше. Отъ этого самый слогъ сочиненій нашихъ отсталъ отъ XVIII столѣтія; а объ мысляхъ и говорить нечего. Темы, на которыя писали мы сочиненія, были самыя общія, нисколько не занимавшія насъ, а формы были чисто риторическія. Стало бытъ, чтожъ въ нихъ было хорошаго? Хрип и ораторскія рѣчи нисколько не были сообразны ни съ нашими образами представленій, ни съ нашими мыслями: мы писали ихъ потому только, что такъ было введено... Между тѣмъ природа требовала своего,—и потому у насъ суще-ствовали другая секретная литература. Мы писали другъ къ другу письма, въ которыхъ, уже не боясь цензуры учителя, свободно высказывали то, что вани-мало имѣло, о чемъ мы думали и что чувствовали. Часто между немногими из-бранными товарищами заключались такъ называемыя союзы, дружбы. Обыкно-венно на разрисованномъ листѣ писалось клятвенное обязательство любить друга нелицемѣнно, помогать во всемъ другъ другу и пр. и пр. и пр.,—и подъ этимъ листомъ избранные друзья подписывались собственноручно. Я участвовалъ почти во всѣхъ такого рода союзахъ, которые, разумеется, обходились самою до первой осоры. Въ письмахъ къ друзьямъ, съ которыми конечно видѣлось каждый день, мы больше мечтали, нежели говорили правду. Да и можно ли было каяться въ нѣжной дружбѣ, не зная не только характера того, кому клянемся, но даже и своего собственнаго? Все это доказываетъ только, что мы были мальчики съ горячими чувствами; но жили больше въ мірѣ мечтательномъ, нежели въ дѣя-тельности. У меня хранятся почти всѣ такого рода письма, и нѣмало теперь не успѣются. Смотря на нихъ. Въ этихъ письмахъ говорится много и о любви къ прекрасному полу, хотя любовь эта, какъ и всѣ другія наши страсти, была только мечтательная. Но могу теперь припомнить, какъ рано начало развиваться во

мнѣ это чувствіе, или по крайней мѣрѣ желаніе чувствовать. Помню только, что первый предметъ, вызвавшій мое воображеніе, кажется, году на 18-мъ, была наипа торничавшая Азотилъ, дѣвушка лѣтъ 18 или 19, красавица собой. Я любилъ ее чисто платоническою любовью, и понималъ уже нѣсколько ревности; потому что у Азотилъ были любовники, и я зналъ объ этомъ. Впрочемъ воображеніе мое было въ то время такъ настроено, что я готовъ былъ влюбиться даже въ козу, если бы только она могла нравиться. Въ 6-мъ классѣ, сдружась съ Михайломъ, и познакомился въ его домѣ съ Н. П. С., и разумеется, тотчасъ же влюбился; началъ преслѣдовать ее вѣдѣ,—и для чего? для того только, чтобы посмотреть на нее; потому что, по понятіямъ нашихъ того времени, любовь должна быть безжизненна, и могла выражаться только во взглядахъ, во вздохахъ, въ словахъ. Надиктовка дѣйствительно была хороша собой; но больше я уже рѣшительно ничего не могу сказать объ ней; потому что говорилъ съ нею редко, и то по нѣскольку только словъ, да притомъ смотрѣлъ на нее влюбленными глазами, слѣд. все въ ней казалось мнѣ антипатичнымъ. Ей было лѣтъ 18, а мнѣ 15, и несмотря на такую разницу въ лѣтахъ и положеніяхъ, я все таки мечталъ соединиться съ нею когданибудь вѣчными узамъ. Прежде всего я открылся въ этой страсти Михайлону, и онъ всегда извѣщалъ меня, когда Н. приходила къ его сестрамъ. И разумеется тотчасъ жался къ ней,—и былъ очень счастливъ, если Н. о чемъ нибудь спрашивала меня, или дарилъ конфетной билетикъ. По праздникамъ я иногда вѣдалъ ее въ церкви, и однимъ взглядомъ лѣбалъ меня блаженными. Михайлонъ черезъ сестру извѣстилъ и Н. о моей страсти къ ней. Не знаю, что она думала объ этомъ; но вѣроятно ей, какъ женщины, пріятнѣе было личнаго обожанія, хотя это было 15-лѣтній мальчикъ. При томъ же она не имѣла причинъ чувствовать ко мнѣ антипатію; потому что я былъ очень хорошъ собой. Только конечно въ ней не было и той любви, которую питалъ я къ ней; она очень благоразумно дѣлала, что считала это ребячествомъ, и нѣтъ никакого удивленія, что она меня милымъ взглядомъ или нѣжною улыбкою... Однакожъ я не былъ доволенъ этимъ, по самой простой причинѣ: вся нѣжа моя была та, чтобы завести переписку съ избраннымъ предметомъ. Это, по понятіямъ ншихъ насъ, было самымъ величайшимъ близкостствомъ въ дѣлахъ любовныхъ. Михайлонъ приготовилъ черное письмо, списавъ его нѣ въ письмовникѣ Курганова; потому что, по тогдашнимъ понятіямъ нашимъ, вся сила крестовичія заключалась въ хитро-оплетенныхъ образахъ, а не въ теплотѣ мысли и чувства. Помнится, оно начиналось такими словами: „Очаровательница сердцѣ! Судьба моя рѣшилась—и я долженъ любить Васъ“.... Я переписалъ это посланіе, и съ помощью старшей сестры Мих-ва передалъ Н. С. Черезъ недѣлю она написала мнѣ въ отвѣтъ маленькую записочку, которая не сохранилась у меня, но который содержаніе, сколько помню, совершенно не согласовалось съ моими вѣнчичи-

нии мечтами. Н. С., как поступила бы на ся мѣстѣ и всякая опытная дѣвуха, написала только, что ей не хотѣлось отвѣчать на мое письмо, но что наконецъ она принуждена къ этому; потомъ добавило еще нѣсколько подобныхъ фразъ, — и наконецъ подошла — Н. С.-за. Я однакожъ не слишкомъ былъ огорченъ такими отвѣтами: мнѣ пріятно было уже и то, что я имѣлъ письмо отъ дѣвушки.... Какая глупость! И вотъ такая-то шитрига состояла изъ многого содержанія нашихъ дружескихъ писемъ. Вообще, мы тогда, кажется, больше писали, нежели говорили и думали. Кромѣ писемъ, у насъ были еще другія занятія. Мы составили изъ среды себя родъ сундучика, и записались составленіемъ разныхъ дѣловыхъ бумагъ. Каждый имѣлъ свою должность, и носилъ особенное названіе: одинъ назывался *дьякаторомъ*, другой *трибуномъ* и т. д. Предметы дѣловыхъ бумагъ были вымышленные; мы сами выдумывали какою глупою дѣло, и произносили оудъ по истѣмъ правиламъ. Вотъ какого рода литературу занимала насъ болѣе всего; потому что сообразна была съ нашими требованіями, — я на ее то должно бы было обратити тогда вниманіе учителя; потому что авторъ мы свободно высказывали свои мысли и впечатлѣнія. Но счастливо, отъ насъ классическихъ ходуляхъ, не замѣчала того, что дѣлалось у насъ подъ ногами. Итакъ образованіе наше совершилось безъ всякаго руководствъ: оно отдаю было на произвожъ природы.

Въ 7-мъ классѣ дѣла пошли лучше. Выбѣго покойнаго Фортунатова математикѣ началъ учить Никандревъ, котораго очень любили мы, и который былъ действительно умный человѣкъ и заботѣ своего дѣла. Конечно онъ не могъ уже вознаградить того, что было упущено, по крайнѣй хѣтрѣ умѣлъ прихотить насъ къ наукѣ, и заставлялъ заниматься серьезно. На мѣсто покойнаго Остроумова прибѣхалъ изъ Петербурга новый учитель Латвійскаго языка—Посадняковъ. Онъ былъ отрогъ, и умѣлъ заставить насъ учиться: мѣсяца черезъ два мы уже апали болѣе, нежели сколько успѣвали прежде выучивать въ нѣсколько лѣтъ. Прочіе учителя оставались попрежнему. Директоромъ былъ Соколовъ, двоюродный братъ Шипилова, переведеннаго во вторую С. Петербургскую Гимназію. Насъ отдали дежурными, т. е. до прихода учителя каждый изъ насъ поочередно долженъ былъ ходитъ по классамъ и смотрѣть за порядкомъ. Такъ протянулось время до Сянтой недѣли; и на Божиню вышелъ новый, т. е. нынѣшній штатъ Гимназіи. Видѣніе его совершенно было торжественно. Послѣ обѣдинъ въ церкви Іоанна Предтеки, всѣ ученики и учителя, предводимые крестнымъ ходомъ, прибыли въ Гимназію. Здѣсь, въ присутствіи множества посѣтителей, открытъ былъ торжественный актъ, на которомъ между прочимъ и я читалъ свое сочиненіе—какую-то басню: *Голубя и Муравей*. Рукопись у меня не сохранилась. Въсѣмъ съ новымъ уставомъ начало понемногу вводиться и новое устройство въ управленіи и преподаваніи. Разумѣется, все это было къ лучшему, и мысленные ученики не могли уже питать такихъ справедливыхъ жалобъ, какія питали мы.

Между тѣмъ случилось одно очень важное происшествіе, сдѣлавшее предметомъ толковъ цѣлаго города. Напалгунъ праздника Преполовения я быть дежурнымъ и по обыкновенію оставался съ обѣдомъ въ Гимназіи. Уроки послѣобѣденные тогда начинались съ 3-хъ часовъ. Какъ теперь помню, я добывалъ таблицу Измерокъ неправильныхъ глаголовъ, и углубясь въ тетрадь ходилъ по классамъ для порядка. Была уже половина третіаго. Я шелъ черезъ 4-я классъ и замѣтилъ, что ученики сѣялись; но не обращая на это большого вниманія, прошелъ дальше, а потомъ точно такъ же опять дернулся назадъ, чтобы пройти въ первый классъ, гдѣ необходимость заставляла бывать чаще, нежели въ другихъ классахъ. Въ четвертомъ классѣ была мертвая тишина. Одинъ изъ учениковъ—Николаевскій, довольно высокій и стройный мальчикъ, изъ 15—подниметомъ съ мѣста и просить позволенія выйти. Я нагнувшись къ нему; онъ былъ очень блѣденъ; но полагая, что это происходитъ отъ круженія головы, я безъ всякихъ вопросовъ отпустилъ его, и самъ пошелъ въ первый классъ. Между тѣмъ изъ сѣдѣвъ за Николаевскимъ тихою походкою вышелъ 4-го класса еще двое—Иконниковъ и Деминскій. Я съ товарищемъ монотонно Зоимскимъ сидѣлъ на скамьѣ въ первомъ классѣ. Не прошло 10 минутъ, какъ вдругъ прибѣгаетъ Деминскій весь блѣдный отъ испугу, и говорить: „Ник. Изъ-чѣ! идите скорее на дворъ: Николаевскій умираетъ!“ Мы съ Зоимскимъ тотчасъ поставили у дверей солдата и не могли никакъ выпустить изъ классоваго, а сами побѣжали на дворъ. Иконниковъ стоялъ на старой галлереѣ и держалъ за плечи Николаевского, который сидѣлъ, опустивъ голову на грудь и былъ блѣденъ, какъ полотно. „Что съ тобой, Ник-ий?“ спросилъ я; но Ник-ий не отвѣчалъ ни слова; глаза у него закатились.... Тотчасъ мы послали одного солдата за Директоромъ, другого за докторомъ, Директоромъ, а вмѣстѣ и Инспекторомъ былъ тогда Ваденскій, бывший нашъ учитель исторіи. Онъ жилъ у Василья въ своемъ собственномъ домѣ; потому что уставъ Гимназіи былъ еще вѣдоу; Директоръ не имѣлъ еще мѣста для квартиры въ домѣ Гимназіи, а Инспекторъ не былъ еще оправдѣнъ; слѣд. вся Гимназія, въ избытокъ учителей, была подъ вѣдѣніемъ одного только дежурнаго ученика. Между тѣмъ Николаевскаго положили, и дыханіе его начало загибать. Черезъ полчаса начали собираться учителя; пришелъ и Директоръ, но онъ не поспѣлъ еще въ послѣднюю минуту къ нему, и потому ничего не зналъ. Я нашла его въ классахъ, и подошла къ нему, сказать: „Николаевскій на дворѣ“....—Какой Николаевскій? спросилъ Ваденскій. „Ученикъ, о которомъ позвали извѣститъ насъ: онъ умираетъ!“.... отвѣчалъ я....—Какъ? гдѣ? вскрикнулъ Ваденскій, и побѣжалъ на дворъ вмѣстѣ со мною. Увиди на галлереѣ умирающаго, онъ наклонился къ нему, и спрашивалъ: „Николаевскій! что съ тобой?“ Но Николаевскій былъ уже мертвъ. Между тѣмъ Дозе, для утѣшенія Ваденскаго, принесъ зеркало, приложили его ко рту покойника, и потомъ, махнувъ по стеклу пальцемъ, сказали:

„онъ дышитъ!“ Но мы ясно видѣли, что это одно только пустое утѣшеніе... Послали Деминскаго на квартиру въ Николаевскому узнику: не бывало ли съ нимъ прежде какихъ нибудь припадковъ? Квартира была почти противъ Гимназіи, въ Петровкѣ. Деминскій, отворивъ двери въ комнату и увидя тамъ нѣсколько незнакомыхъ женщинъ, спросилъ отрывисто: „не бывало ли прежде съ Николаевскимъ какихъ нибудь припадковъ?“ — „Нѣтъ!“ отвѣчала многія изъ женщинъ въ одиакъ голосъ: а что такое?“ Деминскій, не говоря болѣе ни слова, захлопнулъ двери и убрался. Тѣ, не понимая что это значить, побѣжали въ Гимназію. Многіе изъ вступившихъ, глядя на нихъ, также захотѣли полюбопытствовать—что такое случилось.—и дворъ Гимназіи черезъ нѣсколько минутъ началъ наполняться народомъ. Прибѣжалъ докторъ. Мертвого начали раздѣвать, и увидѣли на рубашкѣ противъ самаго сердца маленькое пятнышко крови. Это удивило всѣхъ: начали расспрашивать, и тогда только объяснилось, все дѣло. Николаевскій и Иконниковъ сидѣли въ классѣ рядомъ. Первая была веселый малый, а второй—удивительный флегматикъ, и потому между ними часто происходили довольно острѣныя сцены. Въ этотъ день, когда они пришли послѣ обѣда въ классъ, Николаевскій набодръ табакомъ пустой орѣзъ и далъ его Иконникову раскурить. Тотъ взбѣлился, а товарищи засмѣялись. Вотъ въ это-то время и проходилъ первый разъ черезъ ихъ классъ. Иконниковъ схватилъ перочинный ножикъ,—очень коротенькій, но оточенный въ видѣ шила,—и грозился кольнуть. Николаевскій шутя подставилъ ему лѣвый бокъ, а тотъ, разувѣтенъ думая только пострадать, валькнулъ его, но такъ неостаточно, что попалъ прямо въ сердце.... Николаевскій вдругъ началъ бѣдѣть: всѣ испугались; въ это время я обратилъ черезъ ихъ классъ, и Ник-ій, какъ и говорить уже, спросился выйти. Иконниковъ и еще нѣкоторые, не говоря мнѣ ни слова, вышли также за нѣмъ. На хвостѣ Ник-ія заматаясь: они вывели его подъ руки, и свели на галлерею; тамъ минутъ черезъ пять онъ уже пересталъ говорить.—и тогда только Деминскій приобѣжалъ сказать мнѣ, что Николаевскій умираетъ; но вѣстки не слышавъ отъ чего. Доктора велѣли дать звать полицію. Явился частный пристава, и началось судѣніе. Классовъ, разувѣтелъ, уже не было; потому что всѣ учителя заняты были разговорами объ этой происшествіи. Только одинъ Дружининъ былъ во всаму дежурителемъ и хладнокровенъ. Когда онъ проходилъ черезъ нашъ классъ, товарищъ мой Зосимскій, жалая скорѣе сообщить эту новость, подошелъ къ нему и сказалъ: „Петръ Ивановичъ! Николаевскій умеръ.“..... Дружининъ разсвѣтло взглянулъ на Зосимскаго, и отвѣчалъ: „нашакида и человѣкъ-то быть!“ Судѣніе по этому дѣлу тянулось недѣли двѣ: покойника на 3-й день анатомировали въ Гимназической банѣ; насъ беспрестанно допрашивали, и кончилось все тѣмъ, что Иконникова исключили изъ Гимназіи и послали на 6 мѣсяцевъ въ монастырь. Теперь онъ уже жепать и живеть въ Тотьмѣ.

Воскрѣе прїѣхалъ къ намъ изъ Петербурга новый учитель исторїи и статистики—М. Ф. Бѣляевъ. Этому человеку всѣ мы обязаны полною благодарностію. Онъ былъ очень добръ и ласковъ съ нами; мы отъ него ничего не скрывали, даже самыя сокровенныя мысли и чувства. Въ обществѣ часто смѣлялись надъ нимъ; потому что онъ любилъ падаптствовать, хвастать и вообще быть большою говорунъ. Но намъ до этихъ недостатковъ не было никакого дѣла; мы отъ души любили его, какъ добраго учителя, и часто ходили къ нему на квартиру, что, по тогдашнимъ понятіямъ, было новостью. Възвѣсть, зачитывать въ насъ желаніе учиться и выѣздить съ тѣмъ исполнитоу нашихъ свидѣній, уговорять всѣхъ насъ (а всѣхъ-то насъ было четверо: Зоенскій, Студентскій, Боголюбовскій и я) остаться еще на годъ въ 7-мъ классѣ, и потомъ ѣхать въ Университетъ. Вотъ истинная причина, которую онъ приносилъ намъ; потому что въ тогдашнее время никто почти въ Вологдѣ и не думалъ объ Университетѣ. Съ самаго перваго времени существованія Гимназій и до того году только двое уѣхали въ Университетъ: Фортунатовъ, сынъ нашего покойнаго учителя математики (въ 1880 г.) и братъ мой (въ 1881 году). Прочіе же, кончавшіе курсъ, выходили болѣею частью въ приказные, рѣдкіе въ военную службу, и очень, очень рѣдкіе въ Дамодовскія лицея. Слѣд. шавъ курсъ былъ первый, который всѣ рѣшились ѣхать въ Университетъ. Итакъ вспоминаю въ этотъ годъ мы все держали; а только на актѣ и читалъ разсужденіе о вліяніи *Монголо-Татарскаго владычества на Россію*. Это сочиненіе, мною первоначально написанное, все отъ начала до конца было написано мною самимъ Дружининимъ; потому что я трактовалъ этотъ предметъ, какъ должно, и никто не могъ втиснуть его въ схоластическія рамки. На актѣ были и дамы,—это также вещь дотогѣ неслыханная. Я прочиталъ превосходно, и когда кончилъ, всѣ одушевленіи начали аплодировать. Я переконфузился, и поспѣвая спрятался.

Во время каникулъ ѣздилъ въ Тотмъ—къ двоюродному дѣдушкѣ, Савинкову, и къ теткѣ, покойной Марѣ Максимовнѣ, которая была замужемъ. Всѣ они жили въ одномъ большомъ домѣ, на берегу Сухоны, подлѣ церкви, кажется, Андреевской. Не помню уже, какъ я проводилъ тамъ время; помню только, что дѣвчкія то барышни влюблялись въ меня, и безпрестанно строили мнѣ глазки. Изъ Тотмы ѣздилъ на нѣсколько дней на Леденскій заводъ, гдѣ жилъ родной мой дядя Николай Федоровичъ Андреевъ. Впрочемъ эта поѣздка въ Тотмъ была уже не первая: при переходѣ изъ третьяго класса въ четвертый я ѣздилъ въ Тотмъ съ братомъ и съ дядей; а при переходѣ изъ пятаго въ шестой съ маменькой, съ старшимъ братомъ, съ сестрой и съ теткой Анной Ивановной Савиновой. Но сила въ томъ, что изъ всѣхъ этихъ поѣздокъ я ничего не помню; стало быть онъ не прокавели на меня никакого особеннаго впечатлѣнія.

Наступили послѣдній годъ гимназическаго курса. Всѣ мы бредили Петер-

бургомь, не размышляя, разумеется, о средствах необходимых для такой побадки. Положение мое было незавидное. Отца получала жалованья 800 руб. въ годъ; семейство и отправка брата вовлекли его въ долги, которые для его состоянія были очень велики,—а теперь предстояли еще новыя издержки—отправлять меня. Другой на дѣлѣ отца ни за что бы не рѣшился на это, тѣмъ болѣе, что въ тогдѣшнее время, какъ я говорилъ уже, никто почти и не притцествовалъ полнѣе отъ образованія. Но отецъ мой, въ этомъ отношеніи, превосходилъ другихъ своими понятіями, а въ отношеніи къ издержкамъ полагался на авось.... Итакъ побадка моя въ Петербургъ была рѣшена, на основаніи самыхъ шаткихъ предположеній: авось достанемъ денегъ, авось примутъ меня на казенный коштъ, авось и кончу курсъ хорошо, авось въ послѣдствіи опредѣленъ буду старшимъ учителемъ въ Воеводу и пр. и пр. и пр. Хорошо, что всѣ эти авось сбылись,—а не то плохо бы были обстоятельства! Разумѣется, въ тогдѣшнее время я не понималъ настоящаго моего положенія; но вѣроятно логика отца дѣйствительно уже на меня навидѣла; потому что есть теперь въ характерѣ моята черта—не унывать ни въ какихъ обстоятельствахъ и дѣйствовать на авось!

Ученье мое въ этотъ годъ шло хорошо. Математику у Назарьева мы выучились столько, сколько было можно; начала ходочко знали худо, но этого и воротить было уже невозможно; по крайней мѣрѣ проšli основательно то, что положено проходить въ седьмыхъ классѣ, и кое-что повторили. Физику знали хорошо. Исторію всеобщую, сколько могли, повторяли сами, но знали довольно плохо; потому что руководство Кайданова немцыкому научить. Зато Русскую исторію и статистику у Вѣльева знали прекрасно. Словесность шла поштруму; теорія основывалась на схоластику, а въ практику—сбѣдали успѣхи. Стихи, какъ сказано выше, я началъ писать еще въ 4-мъ классѣ; но съ гѣхъ поръ оставилъ ихъ; а теперь снова принялся. Первое стихотвореніе, написанное въ 7-мъ классѣ, было переводомъ изъ греческаго перевода въ стихи Гесслеровой Идилліи—*Миримилла*. Другишкинъ очень хвалилъ его. Потомъ написалъ было еще нѣсколько стихотвореній; но они теперь уже потеряны. Наконецъ я написалъ поѣсть въ стихахъ, подъ названіемъ—*Хижина*. Здѣсь я высказывалъ лучшія мои убѣжденія и мечты; потому что былъ влюбленъ.... Эта поѣсть сохранилась у меня въ бумагахъ. По-Латынѣ Подлинковъ училъ очень хорошо; потому что строго намекали; Немецкій языкъ шель худо; Дозе вовсе не умѣлъ учить, и—главное—самъ былъ такой лодный и низкій теловѣкъ, какого я еще не видывалъ. Онъ особенно ненавидѣлъ меня, хотя я учился у него изъ послѣднихъ онѣ. Вояков терпѣніе должно было допустить, однакожъ я всетаки терпѣлъ. Не хочу да и не стоить припоминать всѣхъ гостей, какія дѣлалъ онѣ со мной; такихъ людей надобно награждать помянуть и глубокимъ презрѣніемъ.... Чертъ съ ними! Я всетаки счастливъ, а онѣ и до сихъ поръ живеть, какъ мерзавцы: подличаютъ, умиляются

какъ червякъ у ногъ великаго дурака, самъ дѣлаетъ глупости и пр. и пр. Французскія языкъ шель такъ же худо; потому что учителя чество мѣнялись, а послѣднѣй изъ нихъ—Оберъ—былъ совершенно оумаселѣвшій; дѣлалъ безпрестанныя глупости, смѣшилъ насъ и ничему не училъ. При такихъ недостаткахъ въ преподаваніи собственная наша релозность къ занятіямъ была велика: мы читали и писали столько, сколько было возможно по нашимъ силамъ и средствамъ. И на все доставало времени: и на занятія и на шалости и на развѣснѣства. Между собою мы жили очень дружно. Первыя годъ насъ было въ 7 классовъ четверо: Зосименія, Студитекія, Богомоловскія и я; а на второй годъ къ намъ перешли изъ неостаго класса: Михайловъ, Дубравинъ, Поляинъ и Титовъ. Всѣ они были хорошіе ребята. Студитекія жилъ у насъ въ домѣ. По праздникамъ мы обыкновенно собирались у кого нибудь изъ товарищей.—всего чаще у меня или у Пчелина или у Титова или у Михайлова. Шалости, разувѣснѣ, были самыя немнныя; больше занималось разговорами, а лѣтомъ ходили гулять въ поле, а купались на Сиднѣгѣ. Больше всего употреблялось времени на сочиненія и на писаніе другъ къ другу. Мы издавали журналъ, подъ названіемъ *Воскрекъ*,—гдѣ помещали разныя статьи въ прозѣ и въ стихахъ. Каждый мѣсяць выпускали мы по тетради, и отсылали въ 6-я классъ, а оттуда получали тоже тетрадику, подъ названіемъ *Муромскі*. Всѣ мы трудились и писали: намъ хотѣлось жить, только средствъ было мало, а въ учителяхъ видѣли мало прикрѣпленій... Непрѣмные ученіи не могутъ сказать, этого, и востанки они гораздо лѣннѣе, нежели были мы въ тошаднѣе время.... Ахъ, время, время! все это какъ будто вижу теперь во смѣ; а дажно ли это минувшее такъ полно было жизни и событія? Любоныя интриги кипѣли между нами въ полной силѣ. Я снова была влюбленъ. Волокитотно яв Н. П. С., не помню уже какииъ образомъ, прекратилосъ; вѣроятно мѣ въскоуило издохать безнадѣжно.... Теперь я влюбилась въ другую, или по крайней мѣрѣ воображала, что я влюбленъ. Это слѣдалосъ очень просто. Въ Декабрѣ 1882 года, не помню котораго числа, я была на именинахъ у А. 8. Тамъ было еще нѣсколько товарищей; мы играли въ лото, въ гусокъ и пр.,—а кто умѣлъ танцевать, гдѣ танцевали съ барышнями. Я была очень застенчива, — и потому не рѣшался близко подходить къ танцующимъ.... Но онѣ, т. е. барышни вѣроятно обращали на меня больше вниманія, нежели я на нихъ; потому что лицомъ я былъ гораздо лучше ихъ; и вѣками бы тогда одѣтъ меня въ женское платье, то многія бы музичныя шлобилили, въ мени по-уши. Какъ бы то ни было, только черезъ подѣлю А. 8. дасть мнѣ замѣтить, что одна барышня ко мнѣ очень неравнодушна. Это была М. Л. З.,—двоюродная сестра Дубравина; она вѣснѣтъ съ родной сестрой Дубравина училась у Дигельмейерской гувернантки. Мнѣ, разувѣснѣ, пріятно было слышать это,—и я тотчасъ воображалъ, что и самъ влюбленъ въ нее, хотя и не видѣлъ ее порядочно. Настали оватки, мы опять маспривылиси,—и я

несколько раз имела случай видеть М. З. Она, разумеется, узнавала меня, и всегда приветствовала, чтобы я сняла маску. Я очень хорошо понимала, что все это значит, — и рывшись написать письмо — только не къ ней, а къ Дубракину. Письмо, разумеется, было на цѣломъ листѣ, и въ самомъ сентиментальномъ родѣ. Жили только, что теперь не припомню его содержанія; но главная мысль была та, что я просила Дубракина помочь мнѣ.... Это конечно довольно образцовая глупость; а Дубракинъ тоже по глупости рѣшился исполнить мое порученіе, — и черезъ два дня я уже получилъ отъ него, что она также любитъ меня, и готова даже соединиться со мною на вѣки.... Ея было 16 лѣтъ, а мнѣ 17; просто стѣновало бы насѣчь насъ!... Связанія наши сдѣлались чаше, — и вскорѣ завелась перспіска.... Боже мой! сколько было клатъ и утѣреній и въ прозѣ и въ стихахъ!... Такими образомъ, начиная съ глупости, а подобными же глупостями такъ пристрастился къ М. З., что только и бредилъ ею. Впрочемъ она была действительно хороша, брнетка — въ полной формѣ. Объ ужѣ же и сердцѣ я не зналъ, да мнѣ это и въ голову не приходило; потому что любовь моя въ эту эпоху была чересчуръ отвлеченна: я любилъ не М. З., а идеализированный образъ ея, начертанный въ моемъ воображеніи.... Сколько было чувствъ, то восторжъ, то грустныхъ, то бурныхъ, то тихихъ!... Но замѣчательно то, что къ М. З. я не написалъ ни однихъ стиховъ; только въ поэмѣ *Хижина*, о которой я упомянуть выше, было несколько тирадъ, шушусныхъ ей... Причиной этого безъ сомнѣнія было дѣяніе схоластики, которая не позволяла выразить въ словѣ омыя дучія движенія сердца....

Всѣ, или почти всѣ, мои товарищи вели также свои любовныя интриги. Когда мы сходились вѣсть, то подѣляли другъ другу свои тайны, и были совершенно счастливы. Жаль, что все это почти наглядялось уже изъ памяти. — а то сколько любопытныхъ вещей можно бы было описать!

Между тѣмъ время уходило; прошла Масляная, прошелъ постъ, прошла Святая недѣля, наступили каникулы. Надобно было думать объ экзаменѣ и готовиться ѣхать въ Петербургъ. М. З. безпрестанно писала, чтобы я оставался въ Вологдѣ, что она умретъ съ тоски и пр. и пр. Но на этотъ разъ я ее не послушался, а утѣшалъ только, что на каникулы буду приѣзжать въ Вологду, что черезъ три года кончу курсъ въ Университетѣ, и тогда жажусь въ ней.... И изъ всего этого изъ послѣдствій вышла чепуха, гиль, просто ничего.... Экзамены кончили благополучно въ концѣ Августа. Медлить было нечего. 28 Августа я пришелъ въ Ангеліанскіеу, простился со всѣми, въ томъ числѣ и съ М. З.,^{*)} и 29. въ день Успенія главы Юлианъ Предтечи. въ 12 часу утра отправился въ Петербургъ на почтовыхъ, вмѣстѣ съ Михайловымъ, Зосимскимъ и Студит-

^{*)} Я съ нею увидѣлся черезъ 7 лѣтъ.

скимъ. Богодоловскія поѣхала въ Московскій Университетъ; Титовъ и Писляньскій въ учебныя учителя, а Дубравинъ остался еще на годъ въ 7-мъ классѣ.

Такимъ образомъ первый періодъ моей жизни кончился! Я развернулся, какъ цвѣтокъ, и физически и нравственно,—развернулся по лѣтъ родины, въ издрахъ семейства, оредѣ зботъ и попеченій родныхъ: это было цѣлый міръ, только неокрашенный яркими и блистательными красками; все было тихо, скромно, но зато полно такихъ чистыхъ радостей и такихъ искреннихъ печалей, что, кажется, воротилъ бы это блаженное время. Какъ жаль, что я не записывать своей жизни съ тѣхъ поръ, какъ началъ понимать себя! Сколько поступковъ, мыслей, чувствъ, желаній, надеждъ,—перебывали въ головахъ и въ сердцахъ въ продолженіи этихъ 17-ти лѣтъ! Откуда они приходили, и куда исчезло все это?... Кажется, я видѣлъ единъ только сонъ. Я былъ, въ полномъ смыслѣ, прекрасный юноша: цѣлту и милому выраженію лица моего въ заведымаи; голова моя была сформирована счастливо, лобъ широкій и полный, носъ прямой и довольно длинный; брови и волосы темные; грудь широкая и оплывая; шея жилистая и крѣпкая; голосъ звучный и пріятный; ростомъ былъ немногимъ ниже теперешняго; а теперь ростъ мой 2 арш. 8 вер. Въ нравственномъ отношеніи я также имѣлъ довольно счастливую организацію: я могъ скоро усвоивать все, и примѣнять каждую мысль къ жизни; память имѣла хорошую, воображеніе живое; быть чувствительнымъ и добръ даже до самоотверженія; только метательности развита была въ высшей степени. Однимъ словомъ я имѣлъ самое счастливое сложеніе тѣла и души.... Теперь, разлучаясь съ родиною, я долженъ былъ начать новую жизнь: образованъ дары Природы, пополнить недостатки, истрепать мало-по-малу пороки,—однимъ словомъ,—изъ юноши переобразовываться въ челоѣка.... Разумѣется, если бы тогда я понималъ это дѣло такъ, какъ теперь, то былъ бы очень порядочнымъ челоѣкомъ. Впрочемъ, я и не потерялся, и не слился съ толпой безсмысленныхъ педантовъ, которые могутъ доказать умъ свой развѣ только тѣмъ, что покажутъ своя кандидатскія дипломъ.

Передъ отъѣздомъ изъ Вологды я написалъ стихотвореніе, подъ названіемъ *прости*, въ которомъ прощался съ родиною, и болѣе всего съ М. З. Оно сохранилось у меня въ бумагахъ. Зналъ ли я тогда, что родину увижу черезъ 10 мѣсяцевъ, а М. З. черезъ 7 дѣтъ, и при какихъ обстоятельстве!

Мы отправились въ двухъ кибиткахъ, и ѣхали безъ отдыха 160 верстъ, до станціи *Давыдово*; потому что старался скорѣе догнать какаго учителя *Вѣлкова*, который отправился тоже въ Петербургъ, наканунѣ вѣчеромъ. На него сдѣланъ былъ какой-то доносъ, и по именному повелѣнію онъ долженъ былъ ѣхать для личнаго объясненія съ тайной полиціей. Догналъ его въ Давыдовѣ, мы поѣхали все вмѣстѣ. Сначала побѣда на почтовыхъ занимала меня, потому что была еще первая; но послѣ усталости и безсонница такъ измучили меня,

что но радъ уже быть и скорой бѣдѣ. Дорогой особенныхъ приключеній не было, кромѣ обыкновенныхъ осоръ Вѣляева съ хмѣльниками и со стационными смотрителями. Приближеніе къ Петербургу очень занимало меня, и заставляло забывать всю усталость. Велико слово—Петербургъ—для провинціала, не видавшаго ничего лучшаго, кромѣ своего губернскаго города! Первое совершенно новое впечатлѣніе произвело на меня широкое устье Волхова и видъ Ладожскаго озера: я никогда не видалъ еще такой огромной массы воды. Судя особенной конструкціи и привалъ сначала за корабли. Чѣмъ дальше, тѣмъ предметы были любопытнѣе. Шли въ Шлиссбургскъ, истокъ Невы, множество плавающихъ судовъ, крѣпость—совершенно поглотила мое вниманіе. На послѣдней стациіи, въ Муриникѣ, Вѣляевъ взялъ Петербургскаго извозчика на маленькихъ дрожкахъ, и ухвѣлъ впередъ. Мы отправились вдвои. Каждую стацию я звалъ по сторонамъ—на громадныхъ и великодушныхъ адяміа фабрикъ и заводовъ, на толпы пѣшихъ доиъ, на кавальерыи вѣдущихъ верхами доиъ и кавалеровъ, на множество вѣтренихъ экипажей. Города все еще не было видно: наконецъ вдругъ—застава, и у ней Преображенскіе усаи. Это было такъ ново для меня, что я не зналъ куда глѣдѣть. Мы отдали подорожныя и вѣхали въ городъ. Это было 2 Сентября, въ 8-иъ часу вечера. Экипажей, народу—тѣмъ: шумъ, газъ, движеніе—совершенноя прмарка. Мы остановились въ Яской улицѣ, въ гостиницѣ Запѣтѣа.

II.

Петербургъ и жизнь въ Университетѣ.

Переодѣвшись наскоро, я съ Михайловымъ отправился въ Университетъ, который начиналось тогда противъ Семеновскихъ казармъ, въ домѣ, принадлежавшемъ нѣмѣ Кіевскому митрополиту. Хозяинъ гостиницы указалъ намъ дорогу. Въ Университетъ мы встрѣтили только немецкихъ студентовъ, большею частію изъ Поляковъ, а братъ не наплъ. Возвратясь домой, поужинали, и я съ устатку заснулъ мертвымъ сномъ. Просыпаюсь утромъ: шумъ и гроизъ; народъ кипитъ на улицѣ. Наплѣвшись чаю, отправился опять въ Университетъ. Студенты уминались. Я воздоровался съ братомъ; погчеорникъ съ нимъ надолго, и отправился къ Шипидову—бывшему своему директору, который тогда былъ директоромъ второй Гимназіи. Разумѣется, дорогу нашелъ съ помощію извозчика. Шипидовъ принялъ меня ласково. Оттуда вѣхалъ домой, взялъ Михайлова, — я поѣхалъ съ нимъ къ Ректору Деурову; но, не найдя квартиры его, долженъ былъ возвратиться назадъ. Вечеромъ пришелъ опять къ брату, и вмѣстѣ съ нимъ отправился къ Ласкову—бывшему нологодскому откупщику, который жилъ у пяти утировъ, въ домѣ Афорскаго. Ласковъ взялъ меня къ себѣ на квартиру, и я въ тотъ же вечеръ перѣхалъ къ нему. На слѣдующее утро, по расказу брата, я уже нашелъ квартиру Ректора, подать просьбу, и онъ очень вѣжливо пригласилъ

меня вечеромъ на экзаменъ. Присаажь, этого я никакъ не ожидалъ! Нечего дѣлать: день мы прогуляли, а въ 6 часовъ вечера собрались въ Присажье: тамъ было еще нѣсколько молодыхъ людей, принадлежхъ ааѣмъ же, ааѣмъ и мы. Экзаменъ начался. Намъ не очень повезло: въ этотъ вечеръ мы экзаменовались изъ исторіи, и получили довольно плохіи отбѣтки: потому что руководствъ Капдинова оказалось недостаточнѣмъ, и притомъ Ведомскій проходилъ его, какъ говорителъ, черезъ два въ третій. Вѣрно придетъ на другой день на одобрующіе экзамены. Мы разошлись по квартирамъ, и опять ни о чемъ не думали. Такимъ образомъ прошла цѣлая недѣля. Каждый день мы экзаменовались изъ нѣсколькихъ предметовъ, — и наконецъ на повѣрку оказалось, что получили очень плохіи отбѣтки, особенно изъ математики. Только Студитскій былъ счастливѣе насъ: его скоро приняли на казенный счетъ. Михайловъ, хотя имѣлъ такіи же отбѣтки, какъ и мы; однакожъ его приняли такъже: потому что онъ проился на свой кошъ. Нечего дѣлать: мы съ Несимскимъ отправились къ Ректору; онъ отказалъ; пришли на другой день; онъ обѣщаль принять, — и такимъ образомъ проводилъ насъ 6 недѣль. Все это время мы гуляли по Петербургу, и осматривали все любопытное и новое для насъ. Наконецъ, соскучившись бездѣйствіемъ, отправились къ А. Н. Ожонку — секретарю Университетскаго Правленія, попросили его, и въ тотъ же день приняты были на казенный кошъ. Такимъ образомъ дѣло кончилось благополучно.

Жизнь моя въ Университетѣ имѣла нѣсколько періодовъ, нѣсколькихъ одинъ на другой. Поразъ тогда я мало еще общался со студентами: жить болѣею частію воспоминаніями о прошедшемъ и мечтами о будущемъ. Не имѣя ни гроша денегъ, я не могъ пользоваться и веселостями; даже убѣдо лишь чай. Все это было довольно скучно. Развлекался только тѣмъ, что ходилъ раза два въ недѣлю къ Михайлову, и съ нимъ живѣе предавался любимымъ мечтамъ. Исключая земляковъ, я съ однимъ только Навашинымъ обдѣлялся короче. Онъ былъ родомъ изъ Саратова, учился въ Новгородской Гимназіи, и поступилъ въ Университетъ живѣе со мной. Характеры наши, сердца, мысли, способности и мечты были сходны. Часто мы проводили живѣе вечера, и совершенно понимали другъ друга. Лекціи я не маневровалъ, хотя и худо еще понималъ ихъ. Древними языками занимался прилежно; а новые, по легкомыслию и увлеченіи пристрастію другихъ, почти совсѣмъ оставилъ. Это потери невозвратны! Въ свободное время писалъ стихи; но самъ чувствовать, какъ далеко отсталъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ; охмистика наладилъ на меня тяжкіи оковы: у меня не было современности ни въ мысляхъ, ни въ языкѣ. Съ новаго году поступилъ къ намъ новый Инспекторъ — Ник. Павловичъ Филипповъ — прекрасный, добрый и благородный человекъ. Онъ далъ студентамъ совершенную свободу, каждый могъ уходить когда ему угодно, и возвращаться такъже когда угодно. Такимъ обра-

вомъ, безъ особенныхъ приключеній, кончился этотъ первый годъ. Только зимой, не помню когда именно, получилъ изъ дому довольно неприятное письмо, именно тогъ по какому случаю: я написалъ письмо къ родителямъ, для передачи Ан. Зигальмейстеръ, а его просилъ передать М. З. Родители мои, не посматривая на адресъ, распечатали это писмо, и узнали всѣ мои планы. Отецъ тотчасъ написалъ мнѣ строгія выговоры; но спасибо, братъ заступился за меня, и дѣло кончилось ничѣмъ. Только уже нельзя было переписываться съ М. З. и я не получалъ объ ней никакихъ свѣдѣній до дѣта. Отъ каменъ кончилишь благополучно, и я отправился вмѣстѣ съ братомъ и Михайловымъ въ Вологду. Мы ѣхали на долгихъ; вмѣстѣ съ нами, только въ другой кибицѣ, ѣхалъ нашъ оумомедшій немцыкъ, сынъ какого-то священника, служившій въ Сенатѣ. Онъ возвращался въ домъ родителей для навіченія; но съ дороги безпрестанно бѣгалъ и красть по деревнямъ у бабъ пироги. Смѣху и горя было довольно! ѣхали ровно 12 дней. Впрочемъ не могу жаловаться, чтобы было очень скучно. Приѣздъ домой, разумеется, очень обрадовалъ и насъ и родителей. Время летѣло весело: или у насъ были часто, или мы были въ гостяхъ. М. З. я не нашелъ уже въ Вологдѣ: она уѣхала въ деревню, въ Любимскій уѣздъ; потому что кончила свой курсъ ученья, или по крайней мѣрѣ такъ воображала.... Старые Гимназическіе товарищи часто посѣщали меня, и съ великою слушали рассказы мои о Петербургѣ. Все это тогда очень занимало меня. Такимъ образомъ время прошло незаметно. Назадъ мы уѣхали на почтовыхъ.

По приѣздѣ изъ Петербурга, я началъ ходить во второй курсъ; а Михайловъ остался въ первомъ курсѣ. Это очень повредило ему, потому что заставило его мѣть порадъ отцемъ. Потомъ онъ нутился въ пѣанство, и началъ маневрировать лекціями. Я тоже вѣлъ себя худо. Приѣхалъ изъ Москвы Черняевъ, который вышелъ изъ нашей Гимназіи изъ 6-го класса, и поступилъ въ Московскій Университетъ; но, пробывъ тамъ годъ, перешелъ въ Петербургскій Универс-тѣ. Онъ подружился со мной, и безпрестанно уводилъ изъ себя. Такимъ образомъ я началъ пропускать лекціи, и, что мнѣ повредило всего больше, вовсе пересталъ заниматься древними языками. Годъ шолъ быстро и весело. Хотя денюшки водились рѣдко, однакожъ я бывалъ иногда и въ театрѣ. Уроволь частныхъ почти не имѣлъ: только Михайловъ досталъ мнѣ одинъ урокъ у Вринчанинова, но и тотъ скоро кончился: потому что Вринчаниновъ скупъ былъ на плату денегъ. Учился я хорошо у одного только Никитенки, который уже началъ меня отличать отъ другихъ. Среднюю исторію читалъ Гоголь. Первая его лекція, впечатлѣнная послѣ въ Арабскаяхъ, была превосходна: но чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже: онъ рѣдко ѣздилъ на лекціи, и ничего почти не читалъ. Слѣд. этотъ предметъ я зналъ плохо. Другими хотя и занимался, но не такъ, какъ бы должно было; потому что предавался развлеченіямъ. Братъ, который въ это время былъ въ 3-мъ курсѣ,

познакомилъ меня съ семействомъ Эвальда. Эвальды были его товарищи, преклонный студентъ во войскѣ отъслужившій. Старшій братъ его служилъ бережникомъ при Михайловскомъ манежѣ. Съ ними жили: мати, тетка, двѣ сестры и шесть братьевъ, а отецъ былъ гдѣ-то управителемъ, и потому rado вездѣ въ Петербургѣ. Это было самое благословенное семейство. Каждое воскресенье къ нимъ собиравол, нѣсколько студентовъ и нѣсколько знакомыхъ дѣвицъ, и мы танцевали подъ форте-пиано такъ весело, что мнѣ послѣ не случалось уже танцевать ни на одномъ прощипанномъ балѣ. Я такъ пристрастился къ этому семейству, что въ продолженіи трехъ съ половиною лѣтъ, которыя еще суждено мнѣ было прожить въ Университетѣ, ходилъ туда постоянно въ медалью разъ, а иногда и два. Здѣсь, а больше всего общался съ нѣкоторыми студентами, а именно съ Шаклевыми и Григорьевыми. Они были прекрасные и добрые ребята. Сестры Эвальды были очень хорошенькія: старшей Аннѣ было лѣтъ 16, а меньшей Натальѣ лѣтъ 13. Сначала я было занимался старшей; но какъ-то неряшливо... пошучивалъ, да и пересталъ. Послѣ уже года черезъ полтора узналъ, что ею заняты Шаклевы, а сестрой Шаклева, которая также часто бывала у Эвальдовъ, занимался Григорьевъ; слѣд. одною только я былъ безъ дѣла. Кромѣ этого развлеченія у меня было еще другое, которое отнимало времени гораздо болѣе. Мы издавали журналъ, г. е. кто хотѣлъ, перепечатывалъ свое сочиненіе, — и послѣ всѣ они сдѣлывались въ одну тетрадь. Я по обыкновенію былъ самымъ ревностнымъ со-трудникомъ: писалъ много, но для того только, чтобы написать, а объ усовершенствованіи и не думалъ. Слѣд. эти сочиненія мало приносили пользы, а вреда очень много: они еще болѣе развивали мою мечтательность, и отнимали драгоценное время. Наконецъ кромѣ всѣхъ этихъ развлеченій самъ быть студентскій больше занималъ меня: я общался со студентами, былъ любимъ ими и цѣлыя вечера проводилъ въ пріятельскихъ беседахъ. Конечно это время потеряно безъ вреда; потому что во мнѣ развилась въ высшей степенн чувство дружбы и товарищества; но все-таки для запятѣи оно потеряно. Такими обрѣтомъ прошолъ цѣлый годъ. Наступили экзамены. Изъ наукъ я получилъ хороша отыѣтки; только изъ средней матеріи единицу. Конечно, въ этомъ болѣе всего виноваты Гоголи: но неправъ и я; потому что хорошіе студенты пріготовились, но запискамъ Шумкина, а я пренебрегъ этимъ. Кромѣ того нѣхъ древнихъ языковъ я получалъ по единицѣ. Съ тремя единицами нѣтъ было думать о переродѣ; однакожъ я вѣдѣлся, и не училъ. Опять видна отцовская философія!

Въ это время случилась въ Университетѣ дла пропесствія, одно до начала экзаменовъ, а другое во время экзаменовъ. Въ одномъ во мной курѣ былъ студентъ Девинскій, поступившій изъ Новгородской Семинаріи. Онъ учился хорошо, но былъ порядочно пьяница. Инспекторъ явно уже грызъ на него зубы; потому что онъ въсѣхъ съ нѣкоторыми другими, особенно съ Тарховымъ, Зосимскими,

Остроумскимъ и Швалтомъ, старался всегда надобѣдить Инспектору и спорить съ нимъ. Это, разумеется, было глупо! Инспекторъ, несмотря на мнѣшныя свои недостатки, былъ юнѣе добрый человекъ и дѣлалъ для насъ все, что только могъ. Но эта шайка не любила его. Такъ напр. однажды Тарховъ не пришелъ на лекцію къ Грофе, профессору Греческаго языка. Грофе оказалъ въ тотъ же день попечителю; а попечитель одѣлалъ выговоръ Инспектору. Инспекторъ разбѣсился, и приказалъ перевести кровать Тархова въ карцеръ. Тарховъ тотчасъ собралъ всю свою шайку, а къ ней, разумеется, изъ одного только довольно глухого удалъства присоединились и многіе другіе студенты, въ числѣ которыхъ былъ и я. Иходить Инспекторъ и звать Тархова идти за собой. Т. говоритъ: неиду! Инспекторъ началъ было горячиться; но мы всѣ въ одинъ голосъ крикнули: „вонъ! вонъ!“ и онъ убѣжалъ домой. Послѣ такихъ исторій, разумеется, Инспекторъ началъ уже слушать, чтобы поддѣть кого-нибудь изъ этихъ молодцовъ. Случая скоро представился. На одной недѣлѣ Десницкаго приволаки въ Университетъ нѣсколько разъ, какъ гонимой, але-але душа въ тѣлѣ. Инспекторъ анализъ, но не могъ привязаться; потому что самъ не видалъ. Наконецъ однажды въ май мѣсяцъ, вечеромъ часовъ въ 9 Десницкаго привели почти безъ чувствъ, и только что притащили въ комнату, какъ вдругъ входитъ Инспекторъ.... Тотчасъ же пьяного перенесли въ карцеръ, а Инспекторъ довелъ Попечителя.... Дѣло кончилось недѣлю 2, и кончилось тѣмъ, что Десницкаго отправили въ Аракчеевскія казармы, и отбѣли въ солдатскій мушкетъ. Онъ поступилъ въ артиллерійскую роту, стоявшую около Старой Руки. Никѣ онъ уже офицеромъ. Отправлю только, что онъ очень хладнокровно перенесъ свое несчастіе.... Вотъ что значить семинарское воспитаніе!

Другой случай былъ во время экзаменовъ. Мы приготовлялись изъ метафизики. Чертковъ, студентъ одного со мною курса, безпрестанно подходилъ къ комунибудь изъ товарищей, и пускался въ метафизическія объясненія.... Мы отговали его, но онъ не унимался: то говорилъ дѣло, то хотѣлъ безъ толку. Нѣкоторые начали даже подозревать—не совсѣмъ ли онъ съума. Экзаменъ изъ философіи кончился,—и мы начали готовиться изъ Р. исторіи. Чертковъ не спалъ ночи, и писалъ какое-то сочиненіе. На другой день онъ отнесъ это сочиненіе къ Никитенко, и тотъ, разумеется, не оказалъ ничего; потому что сочиненіе было довольно плохое, какъ и обыкновенно писалъ Чертковъ. Въ полдень Чертковъ отправился на дачу къ Министру. У Министра въ это время былъ Попечитель. Когда человѣкъ пришелъ доложить о Чертковѣ, Попечителю странно показалось, что казенный студентъ является безъ позволенія его прямо къ Министру, и потому вышелъ къ нему самъ. Чертковъ подаетъ прозбу, написанную на Фр-мъ языкъ; въ ней объяснялъ онъ, что жаждетъ держать экзаменъ прямо въ стѣнѣ доктора. Попечитель отвѣчалъ, что этого сдѣлать нельзя; но шпротомъ онъ доложитъ Министру.

Чертковъ отправился обратно въ Университетъ, и переговорилъ съ нами уже съ такою увѣренностію о своемъ докторскомъ званіи, что мы ясно увидѣли, что онъ сошелъ съ ума. Вечеромъ пришли на экзаменъ. Чертковъ сѣлъ развалившись на первую скамью, и все обматываясь бѣлымъ платкомъ. Посмѣлъ съ чести, онъ всталъ съ мѣста, подошелъ къ Ректору и просилъ, чтобы его спросили оспоре. Ректоръ (И. П. Шульгинъ, профессоръ Новой исторіи), предупредившій уже Испекторомъ, отвѣчалъ Черткову, чтобы лучше онъ шолъ теперь гулять, и что ему пооставить хорошую отмычку безъ экзамена. Чертковъ былъ доволенъ; пошелъ на дворъ, всталъ подъ руку Испектора и началъ ходить съ нимъ очень скоро... Не шло уже, о чемъ говорили они. На слѣдующій день рано утромъ Чертковъ напѣлъ калочамъ, подплатился, мундиръ, на голову зеленый зонтикъ, и обратился къ намъ съ рѣчью: «оставьте, господа! у васъ повѣя начальниче!».... Мы промолчали; Чертковъ рекомендуетъ, что онъ слѣдуетъ нашимъ инспекторамъ, и что черезъ полчаса притѣлетъ Государь.... Мы разумѣемся, смѣялись, и, какъ умѣли, отвѣчали. Черезъ четверть часа Чертковъ забылъ уже свое инспекторство и сѣдѣлся Государемъ; а минутой черезъ Ю и Богомъ. Тогда его посадили въ темную комнату, и онъ три дня и три ночи бредалъ безъ умолку; наконецъ его отправили въ сумасшедшій домъ.

По окончаніи экзаменовъ я собрался опять въ Вологду. Ковкинъ и Дубраининъ отправились впередъ; а я, Черняевъ и Зосимскій, для черезъ два послѣ ихъ. Передъ отъѣздомъ Зосимскій далъ мнѣ 6 цѣлковыхъ на прожитіе, и сказалъ, что ассигнаціи развѣяетъ послѣ. До Шлюссельбурга мы доѣхали водою,—а отъ Шлюссельбурга отправились на почтовыхъ. Не доѣхавъ одной станціи до Соминъ, я отдалъ уже нѣтъ копейки послѣдніе деньги, и сказалъ Зосимскому, что теперь очереди доходить до его ассигнацій.... Зосимскій отвѣчалъ, что онъ у него въ чемоданѣ, и что въ Соминѣхъ онъ вынетъ. Приѣзжаемъ въ Соминъ, раскрыли чемоданъ,—и ассигнацій не оказалось.... Тогда ясно обнаружилось обманъ. Но дѣлать нечего: надо было прикинуть какія нибудь мѣры. Придумали—солгать: сказать, что дорогой потеряли деньги. Станціонный смотритель, сказавъ, чтобы мы обратились къ смотрителю за шлюзами, что у него лежатъ деньги, и онъ можетъ дать намъ въ долгъ. Приходимъ къ смотрителю, объясняемъ ему дѣло, и просимъ денегъ. Къ счастью, у него случился на эту пору одинъ приѣхавшій изъ Петербурга мѣщанинъ, который служилъ прежде повѣренныиъ у Лисина, и вникъ мѣл. Онъ, разумѣется, шепнулъ смотрителю, что мы обманули, не можемъ, что съ насъ можно будетъ современемъ выскать. Смотритель однакожъ былъ остороженъ: цѣлый вечеръ онъ гулялъ съ нами по шлюзу и отпустилъ только съ надеждами. Весь слѣдующій день прошелъ также ни въ чемъ, и только къ вечеру онъ далъ намъ ни вексель 30 рублей. Такъ какъ этихъ денегъ было недостаточно, то онъ заставлялъ одного лодочника взять насъ въѣхъ троехъ въ

одним цѣпковым на легкую лодку, и довести до станціи Глины, сто верстъ. Мы поблагодарили смотрителя, и отправились въ путь утромъ на слѣдующій день. Сто верстъ проѣхали въ сутки: а въ Глиныхъ ждали почтовыхъ лошадей, и благополучно прибыли въ Вологду.

Каникулы прошли по обыкновенію очень скоро; неосмыслились каждый день, иногда тапчовали, ѣздили въ деревню къ Дубравину. Любовныхъ истрикъ, сверхъ обыкновенія моего, не было никакихъ: вѣроятно потому, что я не зналъ кому отдать преимущество. Отъ брата, который въ этотъ годъ кончилъ курсъ и остался на каникулы въ Университетѣ, получили письмо, что онъ не получалъ степени кандидата; это огорчило родителей; но дѣлать было нечего: онъ самъ былъ якимъ-то, что занимаясь прилично естественными науками, мало обращалъ вниманія на математику.... Въ это время прибѣжали въ Вологду два мои дяди: одинъ родной, Н. Ѳ. Андреевъ, зять Лелюска; а другой двоюродный, М. И. Савиновъ, изъ Охотска, гдѣ онъ по собственному выгову служилъ три года управителемъ соляныхъ заводовъ. Рассказовъ о Сибирѣ была куча. Онъ имѣлъ съ нами поѣхать въ Петербургъ, чтобы поступить тамъ на службу. Такими образомъ мы отправились въ 3-хъ экипажахъ: а отъ Тихонова поѣхали влодой. Время дорогой провели интересно. Но, по прибѣдѣ въ Университетъ, я былъ пораженъ громовымъ извѣстіемъ: меня не перемали, и назначили учителемъ уѣзднаго училища въ Архангельскѣ... Что тутъ дѣлать? Спасибо, Инспекторъ и Никитенко заступались за меня. Они написали письма къ Попечителю, который въ это время уѣзжалъ въ Крымъ... Но, пока письма шли туда, Министръ прислалъ бумагу, чтобы я и еще нѣкоторые, подвергнувшись такой же участи, отправлялись къ мѣстамъ имъ назначеннымъ. Я съезжалъ болѣзненнымъ, и пролежать въ изадрѣтъ до тѣхъ поръ, пока Попечитель не напишетъ Инспектору, чтобы оставить меня до его возвращенія. Тогда и выдворить и снова опять. Дядя мой отправился служить въ Алексанѣвъ. Врутъ, читавшія у насъ еще по старому положенію физическую географію, доставили мнѣ прекрасные уроки, у Ульянина: я долженъ былъ учить сына лѣтъ 18, четыре раза въ недѣлю. Ученикъ мой былъ прекрасный и добрый малой. Все его семейство—также прекрасные люди: и быть приняты въ ихъ домѣ, какъ родной. Теперь я имѣлъ возможность получать всё удовольствіе: посѣщать театры, кондитерскія и др. и пр.

Между тѣмъ прибѣжалъ Попечитель, и объявилъ мнѣ, что онъ оставляетъ меня въ Университетѣ; а прочіе—отправляю. Я, разумеется, былъ очень доволенъ—продолжать потому, что мнѣ продолжалъ учиться, а вторыхъ потому, что свыкая уже съ Петербургскою жизнью, и предвидѣлъ теперь новыя перемѣны къ лучшему. Во вѣнчаніи отношеніи и былъ совершенно обезпеченъ: денегъ мнѣ много; знакомые любили меня; студенты любили, какъ хорошаго товарища. Въ свободное отъ занятія время я ходилъ или на уроки къ Ульянину,

или къ Эвальду, или къ какому нибудь изъ своихъ старыхъ студентовъ. Съ анны этого года самый составъ Университета измѣнился къ лучшему. Вызвалъ новая попытка: профессора больше не могли удвоимо жалованье: но—что было всего худшаго—многіе изъ нихъ смѣнены и введены ихъ замѣнены новыми, а многіе введены открыты вновь. Надобно признаться, что въ прежнемъ составѣ составѣ Университета не представлялъ почти ничего удивительнаго. Факультеты были *плотныя*; профессора большей частью или дрянь, или лѣнтяи. Такъ напр. въ Философическомъ факультетѣ, въ которомъ былъ я, читались только: философія, исторія, древняя и физическая географія и словесность,—да 4 языка. Юридическій факультетъ былъ еще бѣднѣе; а въ Математическомъ и математическія и естественныя науки скомовали въ одну кучу. Многіе изъ профессоровъ были недостойны своего званія: напр., въ нашемъ факультетѣ Крыловъ, профессоръ статистики, только что могъ быть порядочнымъ учителемъ въ какой нибудь гимназіи; Брутъ, профессоръ географіи, хотя и былъ человекъ со свѣденіями, по воюе не съ профессорскими, и шретою заикался; Поповъ, профессоръ Греческаго языка, бралъ взятки.... Въ другихъ факультетахъ было тоже самое. Теперь все измѣнилось: изъ заграницы возвратилось плругъ человекъ до сорока молодыхъ людей, посманихъ туда для образованія; всѣ они держали въ Петербургскомъ Университетѣ экзамены на степени докторовъ, и потому разосланы были профессорами по разнымъ округамъ... Вызета Крылова къ намъ поступилъ Порошникъ, человекъ съ очень замѣчательнымъ талантомъ, я прекраснымъ свѣденіями. Подождемъ было, чтобы онъ читалъ у насъ политическую экономію и статистику; а прежде первая изъ этихъ наукъ читалась въ одномъ только Юридическомъ факультетѣ. Каведра географіи была новою упразднена. Вызета Гоголя, который еще лѣтомъ оставилъ Университетъ, поступилъ М. Куторпа. Конечно, Гоголь имѣлъ прекраснѣйшій талантъ, только не могъ однакожъ самъ приводить плановъ своихъ въ исполненіе; потому что для этого нужны были—огромная ученость и долготѣлѣя опытность. А Гоголь къ тому же былъ лѣнтявъ, языкъ и всѣ пошты; только и читалъ онъ хорошо первую лекцію, да еще объ Аравитянахъ, которую поштили Пушкинъ и Жуковскій. Куторпа имѣлъ гораздо болѣе свѣденій, и тоже былъ не безъ таланта; но—главное—онъ уже давно готовился къ званію профессорскому—и потому для насъ былъ полезенъ Гоголь. Поповъ былъ отсталымъ. Вызета съ юристами мы должны были слушать еще два новые предмета у Иванова—мировое право и дипломатію,—предметы очень любопытные и преподаватель ихъ человекъ очень даровитый. Наконецъ Рождественскій назначенъ былъ читать у насъ—Русскія государственныя учрежденія и права сословія. Всѣ эти предметы были очень полезны для насъ: студенты начали болѣе разнообразно свои свѣденія и учиться основательнѣе. Я въ этотъ годъ, несмотря на то, что

много гулял, много и занимался; всё лекции посещал постоянно, кроме драних языков, которых я и прежде не любил, и которые мне особенно отвратились *протяженимъ* съ прошлогодняго неудачнаго экзамена. И действительно, сколько ни толковали и ни писали о пользе изучения древних языковъ, но никто однакоже не могъ доказать необходимости вниманія ихъ....

Этотъ годъ провелъ я въ Университетѣ весело. Жизнь студентская чрезвычайно приналась мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ—какое общество можетъ быть приятнѣе для молодого 20-ти лѣтняго человека, какъ не общество 400 или 500 сверстниковъ? Здѣсь вы найдете и умныхъ и дураковъ, и серьезныхъ и веселыхъ, и любезныхъ и обидчивыхъ, и красавцевъ и уродовъ.—однимъ словомъ,—тому оригинальнѣе. Чувство дружбы и товарищества развивается здѣсь въ высшей степени: здѣсь нѣтъ никакихъ интересовъ, все общее—и горе и радость. Сходство характеровъ, одинаковыя вѣдѣнія, одинаковыя нужды и наклоненія, одинаковая мѣра ума и образованія, одинаковыя чувства и мечты—оближаютъ людей и связываютъ ихъ такими узами, которыхъ не могутъ уже разорвать ни время ни жадность.... Какъ жаль, что нельзя перечислить всего того, что тогда занимало насъ! По крайней мѣрѣ придемъ къ тому. Первый предметъ, общій для всѣхъ, былъ суб-инспекторъ Вакаръ. Онъ былъ изъ военныхъ,—и потому человекъ очень мелочной. Мы, разумеется, тотчасъ смекнули—что это за птица, и начали тѣшиться надъ нимъ. Онъ считалъ свою должность очень важною и любилъ возмущаться по все; а мы обыкновенно называли его гувернеромъ, и обращались съ своими нуждами прямо къ инспектору. Это всегда очень бѣсило Вакаръ,—и онъ елика, съ большими вѣдливостями и комплиментами, давалъ замѣтить иногда о своемъ неудовольствіи; но этимъ только подстрекалъ насъ къ новымъ насмѣшкамъ. Ходилъ онъ всегда кѣсколько согбеннаго, въ лѣвой рукѣ держалъ шляпу, прижимая ее болѣе къ задницѣ; а правою потиралъ безпрестанно верхнюю губу, какъ будто размакивая усы, которые онъ прежде ифортно носилъ; говорилъ всегда самыми отборными фразами: такъ напр. самыя обыкновенныя вещи онъ называлъ необыкновенными словами: промежутки между столами—интервалами, суповую чашку—вазон, перешлицу—уриною и пр. и пр. и пр. Какъ только лиялся бывало Вакаръ къ столу, мы тотчасъ начинаемъ кричать: „что это такое сегодня большіе интервалы!“ „Садитесь! подай сюда урну съ перцемъ!“ „Садитесь! подай сюда валу съ супомъ!“ и т. п. Жилъ онъ въ выш.,—и жилъ стѣной къ дверямъ своей квартиры прилепиль транспарантную карточку съ надписью: „суб-инспекторъ Вакаръ“. Въ первую же ночь карточка была сорвана; онъ прилепиль другую, но и другую постигла та же участь. Увиди студентъ Эвальда, Вакаръ горько жаловался ему на такіе—выражалъ его ласково—непріятные насмѣхи. Эвальда неучилъ его приклеить карточку къ изнутри комнаты на круглое стекло, которое было въ дверяхъ. Вакаръ исполнилъ этотъ долгъ;

поутру видеть, что стекло замазано грязью, а с улицы надъ окнами его квартиры огромными буквами написано детство: „адель живить Вакаръ“. Такъ и кончилось дѣло съ вартчиномъ. Вакаръ была страстный охотникъ говорить студентамъ рѣчи, въ которыхъ ударили палецъ въ искренности своихъ намереній, въ правотѣ своихъ поступковъ и пр. и пр. Разумеется, намъ скоро надоели такіа высокопарныя проповѣди, и мы перестали слушать ихъ. Но Вакаръ не унимался. Вотъ однажды приходитъ онъ къ ужину, и проситъ, чтобы мы послѣ стола собрались въ большой компань, что онъ имѣетъ нѣчто сказать намъ. Какъ только кончился столъ, мы поскорѣ убѣжали наверхъ, потушили всѣ свѣчи, расстелили по всей большой компань табуреты въ разныхъ направленіяхъ, а сами спрятались въ спальню, которая отдѣлялась отъ большой компань только перегородкою, и легли на кровати. Черезъ четверть часа явился Вакаръ. Отворивъ двери на передней и видя, что въ большой компань темно, онъ подумалъ, что мы ожидаемъ его въ другихъ комнатахъ, и потому пошелъ далѣе. Наткнувшись на первую табуретку, онъ однакожь устоялъ еще на ногахъ; но отбивъ нѣсколько шаговъ еще, съ громомъ растянулся на полу.... Мы засмѣялись довольно громко, и онъ, догадавшись, что это случилось, поскорѣ убрался домой. Послѣ этого рѣчи Вакара прекратились; спустя много времени, онъ дѣлать было еще дѣлъ поминки—объясниться съ нами, но онъ былъ также несудачивъ. Въ первый разъ за всю жизнь говорилъ съ нами Тарховъ, который тоже охотникъ былъ пошарлятанствовать и поговорить высказать скотомъ. Мы только стояли, слушали и смѣялись. Дѣло дошло дотого, что Тарховъ, объясняя Намару, какъ различно можетъ быть значеніе одного и того же слова, ударилъ слегка по щекамъ Григорьева, и сказалъ: „вотъ напр. одинъ и та же ослууха можетъ быть такого рода,— и можетъ быть вотъ такого“.... При этихъ послѣднихъ словахъ онъ размахнулся и подомыгъ къ Намару. Вакаръ, смекнувъ важность этого довода, отодвинулся назадъ, и сказалъ съ уклонкою: „я не могу съ вами спорить. въ краснорѣчій“, — удаленся.... Въ другой разъ онъ пришелъ къ намъ въ комнату и неожиданно началъ говорить рѣчи.... Не знаю, о чемъ говорилъ онъ; потому что мы поочередно приходили и уходили слушать его; а нѣкоторые въ гостиной вонмать играли на флейтахъ и на скрипкахъ, подъ тактъ его рѣчи.... Онъ такъ поръ Вакаръ не объяснился уже болѣе съ нами, даже рѣдко и ходилъ къ намъ; но мы всетаки не любили его, и на хитромъ шагѣ старались дѣлать ему неприятности; однажды даже хотѣли разбить въ его квартирѣ стекла, но не удалось. Вотъ какъ это было: нѣтъ человѣкъ 10 спало въ особенной спальнѣ, которая окнами выходила на улицу и была подлѣ самой квартиры Вакара. Ночью часу по второму мы взяли шельпо, привязали его къ полотенцу и начали размахивать, чтобы побить въ стекло къ Намару, но только ударились всегда плашмя,— и потому всѣ труды наши были напрасны.... Много было еще и другихъ штукъ,

но теперь не могу припомнить,—однимъ словомъ,—не проходило дня безъ какой-нибудь исторіи съ Вахаразды.

Быть или быть самымъ веселымъ, какъ всегда бываешь въ обществахъ 20-ти лѣтней молодежи. Утромъ обыкновенно вставали кто какъ захочетъ, и отправлялись къ столу пить чай. Казенного чаю тогда еще не было, а потому мы дѣлали оладкину, раздѣляя на партіи, чашка по три или по четыре. За кружками чаю шли толки о разныхъ предметахъ, а чаще всего острились и хохотали. Между студентами было множество оритивалоу, а потому предметы для остроты не иссякались. Разумеется, вся повесть этой бѣдлы заключалась въ себѣ—можно сказать—животрепещущемъ интересѣ,—и теперь она уже началась навсегда,... можно припомнить только отрывки; но они безъ связи съ общимъ характеромъ жизни, съ характерами и физиогноміями дѣйствующихъ лицъ, съ обстоятельствами ихъ окружающими,—не имѣютъ почти ничего занимательнаго.... Большая часть студентовъ имѣла особенныя прозвища; такъ напр. Перелогова называли барономъ; потому что онъ имѣлъ очень важную физиономію; Шведта—яблокомъ; потому что волосы его похожи были на жидкое пиво; Дорогачъ—Круазетъ съ цѣпочкой; потому что онъ былъ такъ же тонокъ, какъ танцовщица Круазетъ, и какъ полкъ мундира вытѣсывалъ всегда золотую цѣпочку; Копосова—барбосомъ; потому что разговоръ его похожъ былъ на собачій лай; всѣхъ немцевъ—однимъ именемъ: немцевъ или кобелевскихъ; меня называли оладками Риверомъ; потому что у меня было чисто Русское лицо; а полкъ—Гете; потому что нѣсколько времени я постоянно переводилъ Германа и Доротею; Навашкина—Трухменомъ; потому что у него было смутное лицо.

Послѣ чаю уходили навѣрхъ, и кому нужно было, тотъ шелъ на лекцію, а кому вѣнужно, или просто не хотѣлось, тотъ оставался въ комнатахъ или куда нибудь уходилъ. Обѣдали въ три часа, и послѣ надѣвали халаты и занимались каждый своимъ дѣломъ: нѣкоторые уходили въ столовую пить кофе, нѣкоторые лежали на столахъ отдыхать; нѣкоторые играли на какихъ нибудь инструментахъ, нѣкоторые сѣлились въ кружокъ и разговаривали, нѣкоторые дѣли пѣсни, нѣкоторые на частные уроки или просто гулять и т. д. Я обыкновенно пилъ кофе, потомъ отдыхалъ на столахъ, и навѣсѣ уходилъ къ Ульянину. Въ 8 часу пили чай, и опять начинались старыя исторіи: остроты, кавказбурь, пѣсни и пр.; а послѣ всѣ почти расходились по гостямъ, если только не было какихъ нибудь особенныхъ занятій. Возвращались, кто въ 10, кто въ 12, а кто и передъ утромъ; потому что Инспекторъ давалъ намъ совершенную свободу. Дѣлательнѣе, нѣльзя не возблагодарить о добротѣ этого человѣка: онъ болѣею частію обращался съ нами, какъ съ товарищами, и обращался истинно порусски.

Въ въ комнатахъ слышномъ ужъ густо закурено табакомъ. Филипповъ обыкновенно кивалъ головой и причваривалъ: „ну вотъ вѣдь ужъ такъ заку-

шли, что хоть топоръ повѣсь!» Котати о табакѣ. Формально курить намъ не было позволено; однакожъ начальство смотрѣло на это сквозь пальцы. Мы все почти курили, и уходили для этого въ коридорчики, который велъ изъ комнаты въ Admitt. (Я началъ курить только во второй годъ Университетской жизни.) Вечеромъ же курили просто въ комнатахъ, каждый въ своимъ столонѣ. Если Филипповъ былъ не въ духѣ, и заставалъ кого нибудь съ трубкою, тогда обыкновенно ломалъ чубуки черезъ козлы и выбрасывать въ окошко. Впрочемъ это случалось рѣдко. Около полуночи, или и позже, когда уже все почти студенты собиравшись домой, мы садимся партиями въ кружки, и рассказывали другъ другу о приключеніяхъ дня. Сколько тутъ было остроумія, шутокъ и смѣху! Каждый кружокъ составлялся обыкновенно изъ людей болѣе близкихъ другъ другу: сидѣли обыкновенно вокругъ стола на табуреткахъ, кто въ халатѣ, кто въ шинели, кто въ одной рубашкѣ, и круговая трубка переходила изъ рукъ въ руки. Натюрмортики досыта, уходили одинъ за другимъ въ спальню. Здѣсь начиналась новая потѣха. Между студентами было много полковыхъ; они обыкновенно ложились рано, а мы наделили удовольствіемъ будить ихъ. Колосовъ, мой однокурсный товарищъ, математикъ, отличался въ этомъ случаѣ. Онъ ложился на кровать, и такъ умело храпѣлъ, что могъ разбудить всякаго. Спички полыхи несомненно вадранивали, и говорили въ просонкахъ: «что то есть? нѣтъ его дьябли всеми!» Мы хохотали.

Въ числѣ предметовъ доставлявшихъ намъ тогда удовольствіе, надобно упомянуть еще о двухъ солдатахъ—о Баясикичѣ и о Московскомъ. Первый былъ уже старичекъ, но очень веселаго характера, и говорилъ очень часто речюванною проскою. Бывало, когда онъ ходилъ по комнатамъ отъ курильнищю, скажешь ему: «Баясикичъ! скажи стихи!» Онъ отвѣчаетъ: «гдѣ тутъ стихи говорить, когда надобно курить!» Или когда пьешь чай, и кто нибудь велитъ ему принести чайникъ, онъ отвѣчаетъ: «мы были начальники, а мы вамъ должны подавать чайники».... Можно бы было еще привести подобныхъ анекдотовъ, но теперь не припомию. Московскій былъ ученый солдатъ: онъ любилъ читать книги историческія и философскія и разсуждать о предметахъ важныхъ. Во время лекцій онъ иногда стоялъ у дверей аудиторіи, и подслушивалъ чтеніе профессора. Въ концѣ курса выпрашивалъ у кончившихъ студентовъ старыя тетради и читалъ ихъ, не разбирая того, что иногда изъ одной и той же тетради были лекціи совершенно о разныхъ предметахъ. Но всего смѣшнѣе были его ученныя разсужденія, съ которыми онъ любилъ обращаться къ студентамъ въ то время, когда мѣлъ комнаты. Однажды онъ началъ отвергать бытіе Бога, и привелъ вотъ какое доказательство: «ассигнація не деньги, хотя мы и называемъ ее деньгами; точно также и то, что мы называемъ Богомъ, не Богъ!» Не помню кто-то изъ студентовъ, желая испытать твердости этого убѣжде-

нiя, скавалъ Московскому: „пойдемъ-ка къ эконому; увижу я, какъ ты тамъ будешь отвергать бiтiе Божiе“. Московскiй перепугался, началъ аламаться въ ноги и просить о помилости. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ.

Въ этотъ годъ я имѣлъ еще уроки у Щудениковой. Старшiй сынъ ея былъ со мною въ одномъ курсѣ, а я училъ меньшаго. Она сама—прекрасная женщина.... Кроме того мѣсяца днѣ я училъ еще барона Шеппинга, который готовился къ поступленiю въ Университетъ. Вообще въ этотъ годъ денегъ было у меня много, и я имѣлъ возможность разгуливать по Петербургу: посѣщать кондитерскiя, театры, иногда играть въ карты.....

По воскресеньямъ я постоянно ходилъ къ обеднѣ въ нашу Университетскую церковь. Пѣли мы сами, и довольно порядочно: у многихъ студентовъ были хорошия голоса. Я пѣлъ басомъ. Народу ходило много, и разумѣется, нѣкоторые студенты были любовными волокитства. Постоянные посѣдителями нашей церкви были—Генеральша Подобѣдова и двѣ ея дочери, за которыми вѣлочились болѣе всѣхъ. Гумерманка ихъ также не была забыта. Приглашали еще двѣ Залитскiя. Къ старшей изъ нихъ я былъ неравнодушенъ; но все мое волокитство ограничилось только вѣздками. Вообще въ Петербургѣ я оставилъ старую привычку—страдать платоническою любовью; вѣроятно потому, что жизнь университетская поглотила все мое вниманiе. Хорошее товарищество развило мою душу, дало ей много новой силы, и откинуло отъ безплодныхъ мечтанiй. Было въ Петербургѣ много такихъ женщинъ, о которыхъ думать я иногда, и на которыхъ засматривался; но ни одна изъ нихъ не овладѣла совершенно душою моею.... Свiащенникомъ при нашей церкви и вмѣстѣ законоучителемъ былъ Вас. Борис. Бажановъ—умная изъ всѣхъ свiащенниковъ, какихъ только мнѣ случалось видѣть. Никогда я не пользовался съ такимъ чувствомъ, какъ у него. Наши смѣшники превратили невѣжествомъ своимъ вскоблѣ въ пустой образъ: переберуть по требованiю всѣ грѣхъ,—и только.... Бажановъ былъ не таковъ: онъ обыкновенно мало спрашивалъ о грѣхѣхъ; но самъ говорилъ наставленiя, и словами своими называлъ на отвѣты. Передъ Пасхой Бажановъ переведенъ былъ во дворецъ—учить Наслѣдника, именно вотъ по какому случаю. Престолъ законоучителя Наслѣдника, Протоiерей Павскiй, умнѣвшiй человекъ, былъ, какъ это обыкновенно водится, въ постоянной враждѣ съ Митрополитомъ. Въ этотъ годъ онъ млечалъ программу всего прошедшаго. Однѣхъ вѣземпляръ отослалъ былъ въ Филарету Московскому, который изъ это время жилъ въ Петербургѣ; Филаретъ написалъ на ней карандашемъ много замѣчанiй, упрямая (разумѣется несправедливо) Павскаго въ ереси, и представилъ этотъ экземпляръ Государю. Государь перелалъ замѣчанiя Павскому, какъ будто они сдѣланы некимъ другимъ лицомъ. Но Павскiй понималъ дѣло очень хорошо. Онъ написалъ отвѣты, въ которыхъ обличалъ невиннаго замѣчателя во лжи, въ лавности, въ неистинности.... и кончалъ

все это одними: „стыдно невольному замѣчателью дѣлать такія несправедливныя замѣчанія и чернить брата не черкаго“. Государь передалъ отъѣзду Филарету, и тотъ отъ алости предложилъ въ Синодѣ формальнымъ образомъ послать къ Государю бумагу, въ которой заключалось прошеніе—уволить Павскаго отъ законоучительства, какъ претика и раскольника. Государь поставленъ быть въ затруднительное положеніе. Шлоны монашескіе давно уже успѣли внушить народу ложныя мысли о Павскомъ, и народъ говорилъ объ этомъ довольно громко. Дѣлать нечего. Государь уволилъ Павскаго, далъ ему огромную пенсію и квартиру въ Таврическомъ дворцѣ. Синодъ предложилъ Государю выбрать Павскаго четырехъ кандидатовъ, разумѣется, монаховъ; но Государь спросилъ совѣта у Павскаго. Павскій указалъ на друга своего Бажанова, и Государь собственноручно зачеркнулъ имена 4-хъ кандидатовъ, и написалъ Бажанова. Такъ, обр. Бажановъ расстался съ нами. Мѣсто его въ Университетѣ заняли Радко-Княжичъ, человѣкъ очень ученый, но безъ всякаго таланта. Онъ началъ читать Церковную Исторію вслѣдствіе по Филарету, и ужьно надобѣть всѣмъ, такъ что мало по малу къ нему перестали и ходить.

Въ театрѣ я бывалъ довольно часто... Да, вотъ еще забыть сказать о первомъ моемъ посѣщеніи театра. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ первого моего приѣзда въ Петербургъ. Мы отправились въ такъ называемыя большое театрѣ въ Колонну, въ четвертомъ—я, Зосимскій, Огулѣвскій и Михайловъ—на наведѣніи. Разумѣется первое впечатлѣніе было совершенно мое и пріятное. Въ Волхотѣ мы почти не имѣли понятія не только о драматическомъ искусствѣ, но даже объ устройствѣ театра. Тамъ хотя и дѣлались были представленія разныхъ драмъ чиновниками палаты; но это была каррикатура на искусство. Самый театръ не имѣлъ надлежащаго устройства. Это былъ старый полуразвалившійся домъ, въ переулкѣ противъ Реановою салу; перегородки въ немъ были охотоманы, и т. об. состоялись довольно пространнаго зала. Разумѣется все это было неоправдано и грязно. Нѣкоторые изъ чиновниковъ играли порядочно; но большая часть была просто дрянь. Выборъ самыя пьесы былъ очень неудаченъ. Слѣд. послѣ такого театра Петербургскій мотъ показаться волшебнымъ замкомъ. Въ этотъ разъ играли драму—*Подвѣрна въ Кордильеръ де Ривьеръ* и еще не помню какіе-то водевилы. Игра актеровъ не могла не показаться восхитительною; я не говорю уже о декорацияхъ и вообще о всемъ великолѣпнѣи и ослѣпленіи театра. Послѣ представленія мы пробрались въ подлѣзку, и, воображая, что запомнили хорошую дорогу, пустились пѣшкомъ. Но театръ имѣлъ четыре подлѣзды, всѣ совершенно одинаковаго устройства,—и потому мы ошиблись и вышли не туда, откуда пришли. Ночь темная; это было въ послѣдній Сентября. Идемъ, идемъ—все темно и незнакомо.... Наконецъ фонари стали рѣже, рѣже—и совсѣмъ прекратились.... Въ потьмахъ мы выбрались на какую-то пустую дорогу.... Вдругъ издали чей-то

голость, оскандаить насъ. Мы спрашиваемъ—что тутъ такое.... Намъ отвѣчаютъ, что мы идемъ въ городъ черезъ Нарвскую заставу.... Вотъ тебѣ раздѣ! Поскорѣе надѣнь шапочку, и отправляйся на квартиру. Вотъ мое первое посвященіе театру! После того, въ первой и второй годъ Университетской жизни, я рѣдко бывалъ въ театрѣ; потому что не имѣлъ денегъ; но въ этотъ третій годъ часто посѣщалъ особенно представленія драммы. Игра Каратыгина старшаго, жены его, Брянскаго и жены его не могла не очаровывать самаго отрогаго цѣнителя театральнаго искусства. Изъ комическихъ актеровъ восхищался неподражаемымъ Сосинскимъ; а изъ водевилныхъ—Дюромъ, Максимовымъ, Мартыновымъ, Каратыгинымъ меньшимъ, Шелиховъ, Асенковой, Сосинской и др. Случались во время театровъ, со мной и кое-какія приключенія. Вотъ все, что только помню: однажды,—кажется еще въ 1884 году,—я былъ боленъ; у меня начиналась желудочная лихорадка; мнѣ бы слѣдовало идти въ лазаретъ; но я вѣсто того отправился въ театръ; потому что вѣзачею было играть *Робинзона*—*Шиллера*, которыхъ мнѣ давно уже хотѣлось видѣть. Тогда существовалъ еще деревянный Симоновскій театръ; рублевныя мѣста тамъ были пинну подѣтъ кресель; осмотрѣть прекрасно, только все представленіе надобно простоять на ногахъ. Я ввалился пораньше, чтобъ занять лучшее мѣсто. Сначала стоить было хорошо; но когда весь народъ собрался, сдѣлалось невыносимо жарко; у меня начала кружиться голова; но я пренебречь этимъ.... голова кружилась болѣе и болѣе; наконецъ—я лишился чувствъ.... Вѣроятно безсмысленство мое продолжалось не болѣе 3 минутъ.... (Чнулся, и не могу понять—гдѣ я. Чая-то голодь говорить: „ахъ, Боже мой! человѣкъ упалъ“.... Какіе-то незнакомые мужнины подняли меня, вывели на галлерею, дали воды и я ожилъ.... Музыка уже перестала играть—знакъ, что поднимется занавѣсъ, и я опять пошелъ въ театръ; но голова опять начала кружиться и я вышелъ вонъ. На галлереѣ встрѣтился съ Навалинымъ, отдалъ ему свой билетъ, и самъ отправился домой. Въ другой разъ я былъ на представленіи какой-то оперы. Опевазова пѣлъ арію; въ театръ тишина мертвая; вдругъ въ раякъ раздался чей-то грубой голодь: „я тебя сукина сына на воротъ выведу!“ Всѣ немолжно подняли головы въ верху.... Какой-то купецъ въ лихей шубѣ бранился съ мужикомъ.... А между тѣмъ въ дворъ райка выставился уже красныя область: квартальнаго, чтобъ ваять самаго крикуна за ворота... Бывало много и другихъ подобныхъ случаевъ; но теперь не припомню.

Въ этотъ же году, въ первое воскресенье Масляной недѣли сгорѣлъ балаганъ Лемана. Это былъ самый большой изъ 10 балагановъ, построенныхъ на Исконской площади. Въ немъ разыгрывались прекрасныя хукольные комедіи. Пожаръ случился въ 3 часу дня. Народу на площади было много биткомъ. Во всѣхъ балаганахъ на балконахъ играла музыка, и кричались паялы. У Лемана отъ представленія какого-то волшебнаго огня пыкнули зайчики. Огъ вскричалъ:

„пожаръ!“ Народъ изъ крѣпости, который были винны, бросился въ двери, и успѣлъ выбѣжать; но изъ верхнихъ ярусовъ сползли только тѣ, которые нѣсли смѣлости, оспокотить винны; а прочіе стеснувшись привперли дѣри, которыя отворились внутрь балагана, и дымомъ выдушило всѣхъ ихъ. Между тѣмъ на площади не скоро еще и уймали, что горитъ; потому что при грохѣ мушкетъ и при шумѣ народу нельзя было слышать волея отчаянія постигавшихъ. Когда пламя показалось на крышѣ, тогда присвакали пожарные и растащили балаганъ по частямъ. Я узналъ объ этомъ событіи въ Университетѣ часа въ 4.—и тотчасъ же отправился на площадь. Вся Гороховая улица была наводнена народомъ, такъ что и едва могъ протиснуться до конца ея. Смеркалось; народъ навалъ стѣнами къ площади, и полиція должна была дѣйствовать на толпу изъ трубъ. Съ пеленками было нѣсколько ровнѣе, съ тѣлами задохшихся и обгорѣвшихъ.... Картина ужасная! Невероятъ и быть въ Александринскомъ театрѣ; тамъ всѣ говорили объ этомъ несчастномъ событіи: множество разсказано было анекдотовъ; но, разумеется, нельзя было всему вѣрить.

Въ Майѣ началіе экзамены; я получалъ изъ всѣхъ предметовъ полныя отмінки, только изъ древнихъ языковъ по 1½. На каникулы домой не поѣхалъ; потому что было совѣстно, присѣсть въ одномъ курѣ два года, и потому, что Ульянинскіе уроки доставляли мнѣ большіе доходы. И ѣздилъ къ нимъ почти каждое утро на лачу на Каменный Островъ, и проводилъ тамъ время до самого обѣда. Разумеется, занималось мало, а больше прогуливался. Въ это время я въ первый разъ познакомился съ окрестностями Петербурга, и не могъ не полюбить ихъ. Каменный, Златинъ и Крестовскій острова теперь узналъ я очень хорошо: кромѣ того былъ на многихъ мѣстахъ по Черной рѣчкѣ. Денегъ было довольно. Пособиѣнное время проводить я или въ театрѣ, или въ кондитерской, или у Швабца, или у кого нибудь изъ студентовъ. Братъ въ это время жилъ въ Гатчинѣ, куда онъ опредѣленъ былъ еще въ прошлагомъ году, тотчасъ послѣ выпуска. Я былъ у него во время каникулъ раза два или три; познакомился очень коротко съ его сослуживцемъ, тоже старымъ студентомъ, Изгинымъ, и былъ неравнодушнъ къ его женѣ. Но по обыкновенію все мое молодичество ограничивалось одними только взглядами и мечтами. Каждый вечеръ гулялъ въ Гатчинскомъ саду. Это—преlestъ! Онъ въ окружности нѣсколько верстъ, а какіе есть въ немъ ландшафты! Видитъ съ однимъ студентомъ—Смолянкомъ—въ Таишѣ, верстъ за 20 отъ Петербурга. Сестра Смоляна живетъ тамъ замужемъ за докторомъ Вокомъ; мы у нихъ и гостили сутки. Отсюда ѣздили каналькадой на Дудоровскую гору.... Что за мѣстоположеніе! Вся гора превращена въ дикія садъ.... какія тутъ ущелья, мостики, гроты—преlestъ! На горѣ выстроена изъ дубу крестьянская изба, гдѣ иногда бываетъ во время прогулокъ царская фамилія. И вошелъ туда со Смолянкомъ, а всѣ спутники наши остались ямизу. Народу

въ мѣѣ было много; Смольный показывалъ мнѣ на столѣ большую разпернутую книгу, и говорить: „не хочешь ли что нибудь написать?“ Я взялъ перо и хотѣлъ черкнуть какой-нибудь стишокъ ахотѣвской; но ладокъ привалъ въ клѣткѣ и объявилъ, чтобы мы скорѣе шли; потому что наши уже уѣхали. Я поскорѣе и махнулъ: „развѣиваемый любовникомъ и поэтъ Н. Ивановичъ!“ Изъ этого и возникъ нтука. Для черель В, Ресторъ надѣл И. П. Шулгинъ приглашалъ къ себѣ чети-реть студентѣвъ на вечеръ—потанцовать, по случаю юбилея имени его. Я былъ въ томъ числѣ. Ив. Петровичъ привалъ мнѣ въ кабинетъ, и между прочимъ спросилъ меня: „вы были недавно на Дудоровскя горы?“—Былъ. „А вѣдѣли ли вы, гдѣ подписались?“—Видѣлъ, тамъ все подписывались.—„Да вы то подписались подлѣ Государя, Государини, великаго князя и двухъ вицеиъ, которые въ тотъ самый день были въ этомъ домѣ въ 1/2 часа до вѣсъ.... Я тоже прибавлять туда поослѣднѣй годъ вѣсъ, и знакомые мои, увидя вапу подписи, охваляла мнѣ: „посмотрите-ка какъ подмахивалъ ваки студентъ“.... И, разувѣясь, отвѣчала, что не замѣтила этого, и Шулгинъ смѣялся отъ чистаго сердца.

Въ эти же кампексы была свадьба Тархова, который тогда что кончилъ курсъ. Онъ женился на гверантѣ Подобѣдовнѣ, въ которую давно уже былъ влюбленъ. Я былъ шаферомъ со стороны невесты; а Никитенко пославилъ отцомъ. Свадьба была въ Рыбашков, на берегу Невы, въ 10-ти верстахъ отъ Петербурга. Туда и обратно я ѣхалъ въ каретѣ вѣстѣ отъ Никитенкой; во въ шаферы уже не постѣтъ; потому что въ церковь мы оиоадали. Свадьба кончилась безъ особенныхъ приключеній. Во время дороги я о многомъ очень откровенно говорить съ Никитенкой, и она, зная меня и прежде, какъ равностнаго студента, приглашала на будущія годы посѣщать его литературные вечера по пятницамъ.

Въ первыхъ числахъ Августа я разстался со многими моими добрыми, милыми и умными товарищами: они кончили курсъ и разѣхались къ мѣстамъ своего назначенія: Перелоговъ, котораго мы называли Барономъ, уѣхалъ въ Винницы—старшимъ учителемъ хатматени; Навашкинъ—въ Володсу отринимъ учителемъ словесности; Григорьевъ хлопоталъ о поступленіи въ Лѣсно Иституть. Братъ въ Гатчины передавать былъ уч. математики въ Вологдау.

Между тѣмъ начались пріемные экзамены: Удѣлникъ, мой учитель, держалъ экзаменъ плохо; но к попросилъ нѣкоторыхъ профессоровъ, написавъ ему сочиненіе, и онъ былъ принятъ. Въ благодарность онъ подарилъ мнѣ брэготомскіе часы.

Начались лекціи. Дѣла мои шли хорошо: я занимался прилежно; вскорѣ профессеры начали отличать меня, а товарищи уважать. Больше всего я занимался исторіей Русской литературы, которую читалъ Пасковъ и политической экономіей, которую читалъ Порошинъ; потому что оба эти профессора—люди съ душою и говорили всегда съ истиннымъ убѣжденіемъ въ правотѣ своихъ

мысли. Из казенных однокурсых моих товарищей не было людей хороших: все почти воспитанники 3-й Гимназии, бездарные и бездушные, поспешив на сей отсчитанный губернаторского обращения. Одна только Коншинъ, мой землякъ и товарищ по Гимназии, да Шведтъ, родомъ Вѣлорусецъ, составляли исключение: первый былъ человекъ съ душою и хорошо занимался; второй тоже умный и добрый малой, только лѣнливый. Казенные математики были лучше: Кеслеръ, Лавченковъ и Кошовецъ постоянно были моими добрыми товарищами. Со многими изъ самостоятельныхъ студентовъ я облизился и подружился: П. Зубовъ, мой землякъ и товарищ по Гимназии, Любошипока, Червинскій, Граве, Шулепниковъ, Крамеръ, Менцовъ, Маслянинъ, Щеткинъ и многие другіе были хорошими и дѣльными товарищами. Зубовъ былъ у насъ издательскій Университетскаго журнала: я принять къ нему дѣятельное участіе. Первая статья моя была переведъ съ Польскаго изъ стихотъ небольшого поема Словацкого—Исходъ монаха. Эта статья имѣла общую похвалу всѣхъ студентовъ, и именно съ этого времени товарищи начали смотрѣть на меня съ болѣе широкимъ уваженіемъ. Время я проводилъ не скучно: бывалъ у Ульянина, который теперь, самъ уже одѣвшись студентомъ: родители его жили богато въ собственномъ прекрасномъ домѣ, и очень любили меня; у Эвальда; у Шакѣва, который служилъ адъютантъ съ 6. Эвальдомъ, стар. учнт. во 2-й Гимназии, и была жена на сестрѣ его; у Любошипокаго и Червинскаго, кот-е жили вмѣстѣ; у Граве, который жилъ съ старшими братьями своими инженеромъ; тамъ я познакомился съ Губеромъ, переводчикомъ Финскъ; у Зубова, у Шулепникова; у профессоровъ—Плетнева и Никитенки и изрѣдка у Порошина. Къ Эвальду я ходилъ, какъ къ роднымъ; у Шакѣва собиравлись иногда старше студенты, отъ которыхъ я отсталъ курсомъ; у Любошипокаго и Червинскаго играли въ карты; у Соловьева—тоже: здѣсь были цѣлая партія старыхъ студентовъ. Впрочемъ я игралъ рѣдко, потому что дорожилъ деньгами для другихъ удовольствій; у Шулепникова собиравлось насъ однокурсыныхъ студентовъ человекъ 12 къ обѣду каждый понедѣльникъ. Тутъ всегда бывали славная попойка: шутили, дурачились, острили; а вечеромъ отправлялись толпою на Новою проспектъ искать приключеній. У Никитенки я былъ постоянно каждую пятницу на музыкальн вечерѣ; адѣсь я водилъ нѣсколько разъ, и даже очень часто—Бенедиктова, Яцубовича, Колыдова, Вронченку, Вавина и другихъ нишувшихъ. Кроме того адѣсь постоянно встрѣчался со многими профессорами и короче сблизился съ ними. Вечеръ проходилъ всегда отъ разговора, которые разугаетса отивосались ноегда или къ литературѣ, или къ наукѣ, или къ путешествіямъ. Иногда кто нибудь изъ присутствующихъ читалъ свои стихи. Это было для меня столько интересно, столько же и поведено. Сант. Никитенко человекъ очень умный и добрый. Жена его хорошенькая и милая женщина часто бывала вмѣстѣ съ нами: я отчасти даже былъ влюбленъ въ нее... какая

сильная привычка! Съ Плетневыхъ я познакомился случайно. (Фамилія моя онъ имѣлъ еще прежде, когда я не слушалъ у него лекціи; потому что Никитенко говаривалъ ему обо мнѣ. Потомъ на экзаменѣ изъ словесности при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й я немного поспорилъ съ нимъ, и онъ, забывшись, что я анше свое дѣло, поставилъ мнѣ 6. Перевѣдя изъ 3-й курсъ я прилежно занимался его предметомъ. Однажды я былъ у него на лекціи очень скученъ; выходи изъ аудиторіи, я подошелъ къ Плетневу и сталъ просить у него сочиненій Фомы-Виклина. Онъ съ улыбкою спросилъ у меня: „отъ чего вы сегодня такъ скучны?“ Я отвѣчалъ: „нѣтъ, Петръ Алекс-чъ, кажется я нескученъ“.... Плетневъ съ улыбкою опять сказалъ: „нѣтъ, я по глазамъ вижу, что у васъ есть что-то тяжелое на душѣ.... Приходите сегодня ко мнѣ вечеромъ: я вамъ дамъ книги“. Вечеромъ—это было въ среду—я отправился къ Плетневу вмѣстѣ съ Зубовымъ. Онъ принялъ насъ очень пріятливо, и мы просидѣли у него часовъ до 12-ти. Въ этотъ день у него каждую недѣлю бывалотъ мужики вечера. При прощаніи онъ просилъ меня ходить къ нему каждую среду. Разумѣется, я былъ очень радъ такому приглашенію; вопервыхъ потому, что любилъ и любилъ Петра Александровича отъ всего сердца; вовторыхъ потому, что находилъ здѣсь всегда общество людей набравшихъ. Трудно представить себѣ человѣка лучше Петра Александровича: малое, доброе и умное лицо, которое съ перваго уже взгляда располагаетъ всякаго въ свою пользу; душа—чисто поэтическая; вкусъ—образцовый..... Самое убранство въ комнатахъ его дасть уже понятіе о хозяинѣ: въ нихъ нѣтъ ничего мальчишьяго, поставленнаго для эффекта: все просто, хорошо и мило. На вечерахъ я встрѣчалъ здѣсь кромѣ лицъ, которые бывали и у Никитенки, Губера, Кони, Краевского и другихъ. Но самыхъ искреннихъ друзей Плетнева—Жуковского, Пушкина, Баратынскога—не видавъ: потому что Пушкинъ и Жуковскій всегда бывали у него утрамъ по воскресеньямъ, чтобы поговорить одинъ на одинъ; а Баратынскій проживалъ все въ Москвѣ. Плетневъ былъ прежде любимцемъ Карамзина, который и далъ ему ходъ, опредѣливъ его учителемъ Маріи и Ольги Николаевны. Проставляя такимъ образомъ въ отношеніи съ людьми значительными, онъ скоро приобрѣлъ себѣ всеобщее уваженіе: сошлись съ Пущиннымъ, Жуковскимъ, Дмитриевымъ, Баратынскимъ, Дельсгофомъ и другими лицами нашей знаменитой литературной школы, и символа ихъ любовь.... Даже Пушкинъ никогда не называлъ своихъ сочиненій, не посвящаявшихъ прежде съ Плетневымъ. Изъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ видно, что П. А. Плетневъ человекъ въ самомъ талантливомъ, и имѣлъ случай въ кругу такихъ лицъ приобрести превосходное литературное образованіе. Въ его сужденіи всегда дышутъ силой. На лекціяхъ онъ по большей части скучаетъ; потому что не любитъ отрогихъ системъ и довольно дѣлалъ къ запискамъ; но зато когда начнетъ разбирать какого-нибудь писателя или сочиненіе какого-ни-

буду студента, то вралъ ли гдѣ можно найти другаго подобнаго ему цѣнителя. И очень скоро могъ попасть его, да и онъ, какъется, понимаетъ меня хорошо.... Вечера, проведенные въ домѣ П. А-ча, принесли мнѣ какъется большае пользы, нежели всѣ университетскія лекціи: адѣкъ-то именно я и образовалъ себя науку, который теперь мнѣ прямо уважаетъ, что хорошо и что худо.... Тамъ, гдѣ мною бѣсятъ и соображаютъ часа два, тамъ и въ одну минуту отдѣлю золото отъ грязи.

Въ этотъ годъ я постоянныхъ уроковъ не имѣлъ: нѣсколько мѣсяцовъ училъ двухъ дочекъ и сына у Д. М. Кавказевича, который тогда былъ директоромъ какого-то департамента, а теперь Попечителемъ Одесскаго Учебнаго Округа. Эти уроки доставалъ мнѣ Никитенко, который по жемѣ приходится какъ-то въ родъ старшаго Князевичу. Нѣсколько мѣсяцовъ училъ еще у какого-то помѣщика сына, котораго фамилію забылъ. Нѣсколько уроковъ давалъ какому-то инженерному полковнику, котораго фамилію тоже забылъ. Онъ былъ Нѣмецъ, но ему надобно было непремѣнно выучиться хорошо писать по-русски. Послѣ нѣсколько мѣсяцовъ училъ кушера Брюхова, который готовился въ Университетъ. Такимъ образомъ хотя достигъ у меня было немного, однакожъ я имѣлъ нескучно; потому что имѣлъ возможность каждый вечеръ куда-нибудь уходить изъ Университета. 6 Декабря и былъ приглашенъ на обѣдъ къ Попечителю выбрать съ другимъ студентомъ Леонтьевымъ. Обыкновенно всякій преемникъ у Попечителя обѣщаетъ двое изъ студентовъ. Между тѣмъ я успѣлъ уже пообѣдать и порядочно выпить у Бувальда. Стыжъ мнѣ хоть не хотѣлось; но идти надобно было. Передъ обѣдомъ Попечитель завелъ со мною рѣчь о философской темѣ, которая намъ дана была для полученія медали. Это еще сдѣлано было въ первый разъ, а тема была—*о предѣлахъ челоуѣческаго познанія*. Я очень боясь говорилъ съ Княземъ; потому что и онъ и всѣ присутствовавшіе въ это время изъ залы были въ философіи профаны. Князю очень поправилась моя боязнь, за столомъ онъ посадилъ меня противъ себя, и продолжалъ прежній разговоръ. Всѣ сидѣвшіе за обѣдомъ болтали; а мнѣ говорить было вполнѣ свободно; потому что я былъ съ. Попечитель остался мною очень доволенъ, и при прощаніи сказалъ, что я непременно долженъ писать на эту тему. Расслаивавшись съ Княземъ, я отправился по приглашенію на вечеръ къ Инспектору. Тамъ было много гостей; въ томъ числѣ много студентовъ и институтовъ; танцевали до утра; но я успѣлъ спать въ 12 часовъ. Здѣсь къ стати сказать, что инспекторъ Филипповъ съ этого году сдѣлался ко мнѣ еще ласковѣе, и именно потъ по такому обстоятельству. Въ Пѣтербургѣ или въ Февралѣ 1830-го года онъ получилъ отъ Князя нѣсколько выговоромъ за то, что многіе студенты часто не почуютъ въ Университетѣ. Желая прекратить эти безпорядки, Инспекторъ приказалъ, что студенты могутъ ходить безъ спросу только до 12 часовъ вечера, а кто хочеть опоздать, тотъ долженъ

спросился у него, или по крайней мѣрѣ оставить записку. Разумѣется, многіе не умѣли одѣлать этой кроткой и необходимой мѣры, и часто безъ позволенія прогуливали цѣлыя ночи. И съ своей стороны предупредилъ инспектора, объяснивъ ему, что каждую среду и пятницу я бываю у Профессора Плетнева и Никитенки, я потому въ эти дни можете быть буду приходить поздно. Случилось, что въ одну пятницу я пробылъ у Никитенки до 2-хъ часовъ, и возвратился отъ него въ Университетъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ инспектора—Михайлономъ, который жилъ вмѣстѣ съ Филипповымъ. Между тѣмъ въ ту же ночь многіе изъ студентовъ не ночевали дома, а многіе поздно возвратились, но имѣя на то позволенія. Все это было передано инспектору; а въ томъ числѣ сказано и обо мнѣ, что я поздно возвратился. Мы сидѣли за обѣдомъ; не дожидаясь конца стола, я ушелъ наверхъ; а инспекторъ между тѣмъ пришелъ въ столовую, вѣ, разгорячившись, очень шумѣлъ на тѣхъ, которые были внизу. При этомъ случаѣ онъ вспомнилъ и обо мнѣ и пошелъ за мной солдатъ. Я прихожу въ столовую: вдругъ инспекторъ началъ горючиться и кричать на меня; между тѣмъ какъ прежде онъ никогда не говаривалъ даже грубого слова. Я стоялъ, слушалъ брань и не понималъ—за что все это. Наконецъ Филипповъ сказалъ, чтобы я остался на 2 недѣли подлѣ арестомъ. Я, не сказавъ ни слова, ушелъ наверхъ. Прочіе студенты, возвратясь изъ столовой, объяснили мнѣ въ чемъ дѣло. Я тотчасъ отправился къ инспектору, и очень вѣжливо спросилъ у него о причинѣ его гнѣва. Онъ объяснилъ мнѣ; а я ослезая на Михайлова, и напомнилъ ему, что еще въ началѣ года получилъ позволеніе опаздывать по средамъ и по пятницамъ. Филипповъ расшаркался, сталъ меня обнимать и просить прощенія. Я успокоилъ его, и ушелъ въ свою комнату. Не прошло 5 минутъ, какъ Инспекторъ снова явился къ намъ, собралъ всѣхъ студентовъ, и торжественно началъ просить у меня прощенія. Опять пошли объятія и поцѣлуи: тѣмъ дѣло и кончилось.

Новый годъ встрѣчали мы у Шулепникова; насъ было человѣкъ 12. Пили шампанское и кончили тѣмъ, что въ первомъ часу пошли гулять по городу. На Фонтанѣ встрѣтился намъ какой-то мужичка, который ѣхалъ на своей лошади. Мы оставили лошадь и начали поддразнивать его съ новыми глупостями; онъ свалилъ шпату, расклавившись съ нами, благодарилъ, и наконецъ, когда мы отпустили его, потѣхалъ далѣе. Подобныхъ шалоостей было много, но всѣ онѣ кончились благополучно.

25 Генваря умеръ одинъ изъ лучшихъ нашихъ товарищей Гречъ, сынъ Н. И. Греча; 28 числа всѣ мы собрались въ Аннинскую кирку на его погребеніе: передъ началомъ службы Зубовъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «знаешь ли, братъ? Пушкинъ умираетъ: вчера онъ былъ на дуэли и смертельно раненъ!» Я остолбенился. Зубовъ сказалъ мнѣ, что былъ вчера у Плетнева, который въ 9 часу

возвратился от Пушкина и рассказывать о несчастной судьбе. При этом случае я очень жалел, что не был у Плетнева в прошедшую среду, т. е. ровно за неделю до этой дуэли, — потому что Пушкин был там, и говорить, очень много и весело говорил.... О причинах дуэли и тогда и после толковали различно; но я имѣлъ случай узнать это дѣло довольно вѣрно. Жена Пушкина была красавица, и слѣд. немудрено, что многіе заимались ею. Въ числѣ ея поклонниковъ самый неутомимый былъ Дантесъ, одинъ кавалергардскій офицеръ, побочный сынъ Голландскаго посланника Гекерна. Жена Пушкина, говорятъ, нѣсколько разъ жаловалась мужу на этого волокиту, и Пушкинъ нѣсколько разъ дѣлалъ ему замѣчанія; но тотъ не отставалъ. Впрочемъ объ этомъ я вѣрно не знаю; по крайній мѣрѣ такіе соображенія. На одномъ бытъ поклонниковъ у Пушкиной было болѣе обыкновеннаго; Пушкинъ видѣлъ это и хмурился. Жена подходила къ нему и говорить: „что ты такъ задумчивъ, мой поэтъ?“ А онъ отпѣвался:

„Мой другъ! для своего поэта
Уже насталъ великій постъ;
Люблю тебя, мой комета,
Но не люблю твоей длинной хвостъ!“

Это мнѣ рассказывалъ Крамеръ, который самъ былъ при этомъ. Между тѣмъ аристократическая партія ненавидѣла Пушкина за разныя остроты и сатиры. Въ *Московскомъ Наблюдателѣ* онъ намечталъ отысканіе подъ псевдонимомъ *На издоровленіи Луккула*, съ примѣчаніемъ — переводъ съ Латинскаго; между тѣмъ какъ всѣ очень хорошо знали, что онъ у одного Римскаго писателя въѣтъ только стихотворенія, и что это есть ничто иное, какъ изданъ сатира на Министра Уварова, которая въ арсенъ болѣеми своего родственника Шереметьева считалъ уже восполнованіемъ его мнѣніемъ, и вдругъ ошибся въ расчетѣхъ; потому что Шереметьевъ издиралъ. Даже и среднія классы неблагопріятно уже отзывались о Пушкинѣ; говорили обыкновенно, что Пушкинъ исписался п. т. я. Онъ началъ даже получать безымянные письма, въ которыхъ поздравляли его съ рожденьемъ и пр. Это особенно извѣдало Пушкина, и онъ вынулъ Дантеса на дуэль, въ среду 27 Января.... Якубовичъ рассказывалъ послѣ при мнѣ у Никитенки, что онъ въ этотъ самый день былъ у Пушкина съ Сахаровымъ часу во 2-мъ. Пушкинъ былъ очень сердитъ, и безпростапно бранилъ Полежаева за его Исторію: ходилъ скоро назадъ и впередъ по кабинету, хваталъ съ полки какой-нибудь томъ Исторіи Полежаева, и читалъ для выдержки.... Якубовичъ и Сахаровъ ушли отъ него въ 3-мъ часу, а въ 4-мъ онъ повѣшалъ выстрѣлъ съ секундантомъ, старымъ своимъ литейскимъ товарищемъ, именнымъ майоромъ. Давасонъ — стрѣлялся.... Волѣта его и послѣднія минуты жизни описаны Якубовскимъ. Въ пятницу 29 числа въ 3 часа и 45 минутъ Пушкина не стало. Журналисты

спешковали къ красноречию. минувшая смерть поэта: но самое лучшее объявление напечатано было въ Литературной Газетѣ: вотъ оно отъ слова до слова: „Солнце нашей поэзии закатилось: Пушкинъ умеръ.... Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость! наша народная слава! возврати у насъ нѣтъ болѣе Пушкина? къ этой мысли неслыша еще прислушнуйся“.... Всякой, кто зналъ Плетнева, безъ сомнѣнія тотчасъ узналъ, чьи это слова. Весь Петербургъ заговорилъ о смерти Пушкина, и невыгодное мнѣніе о немъ тотчасъ замѣнилось самымъ искреннимъ энтузіазмомъ: всѣ обратились въ книжныя лавки—покупать только что вышедшее новое миниатюрное изданіе Олѣгина; болѣе 2000 экз. было раскуплено въ 8 днѣ. Между тѣмъ въ кабинетѣ Пушкина найдены были безымянныя письма и начались слѣдствіе. Тайная полиція часто обращалась съ этими письмами къ какому-то профессору Бутырскому—не можетъ ли онъ узнать по почерку этихъ писемъ; потому что подъ его руководствомъ воспитывалось много молодыхъ людей, и слѣд. онъ могъ примѣняться къ разнымъ почеркамъ. Но Бутырской, разумеется, не могъ узнать. Я слышалъ это отъ Бутырскаго. Слѣдствіе тянулось долго; но такъ какъ въ этотъ дѣлъ вступило было много аристократовъ, то оно и кончилось ничѣмъ. Секунда въ Пушкина, Дамасъ, была прощенья; а Дантесъ, какъ не Русскій подданный, высланъ за границу.

Пасху встрѣтила я очень весело. Обыкновенно въ Страстную субботу часовъ въ 10 вечера мы всѣ уже собирались въ Университетъ, и чтобы не опоздать до 12 часовъ, то принимали самую простую мѣру—пѣли, пѣли и веселились. Въ этотъ годъ къ намъ пришло явколько педагоговъ—лѣтъ амистъ съ нами заутреню и обѣдню. Они пручены къ губернаторскому обращенію и къ разнымъ строгостямъ, и потому очень были удивлены и даже испугались, когда мы начали пѣть и поспѣ хричать.... Смѣху было довольно.... Заутреня обыкновенно начиналась ровно въ 12 часовъ, поспѣ нее тотчасъ же и обѣдня и все оканчивалось въ 3-мъ часу. Семейство Попечителя и нѣкоторые профессора слушали въ этотъ денъ въ 5-тѣ и заутреню и обѣдню; а самъ Попечитель прѣискалъ всегда въ средній обѣднѣ, отстоявъ всю службу во Дворцѣ (онъ былъ камеръ-герръ) и похристосовавшись съ Государемъ. Послѣ обѣдни мы собирались обыкновенно въ соборную залу, гдѣ приготовлена была закуска, и поставлены вина. Все это дѣлалось по отцу Попечителя. Попечитель приходилъ и христосовался со всеми нами. Въ этотъ годъ онъ замѣтилъ, что отъ насъ пахнетъ виномъ, и потому обращаясь къ Полякамъ сказалъ: „я думаю, господа, намъ случивъ было пережидать нашу службу; вотъ Русскіе такъ принимаютъ свою мѣру!“ Закуска обыкновенно бывала самая лучшая; пили за здоровье Попечителя, профессоровъ, и репѣмъ—ура! Послѣ всѣ ложились спать. Въ этотъ годъ къ Пасхѣ намъ разрешено было носить шини и шляпы. Прежде форма обшлагалась нестрога: кто придетъ въ мундирѣ, кто во фракѣ, кто въ мундирѣ, а сверху божовъ и круглая

шляпа. Теперь все строго можно было видеть ходить непременно в формѣ. Мундиръ у насъ былъ довольно хорошій: темнозеленая бушма, съ голубыми воротничкомъ и съ золотыми петлицами. На шестой недѣль поста мы получили первое извѣстіе о походахъ и шпацияхъ. Какъ теперь помню: что было въ среду; мы сидѣли на лекціи у Плетнева; приходитъ Инспекторъ и объявляетъ намъ; по этому случаю начинаю вой-каніе разгонеры. Инспекторъ, обращаясь къ намъ, говоритъ: „вотъ прежде много изъ васъ ходили въ лѣтнихъ брюкахъ; теперь этого уже нельзя будетъ дѣлать; вотъ напр., Г. Влудовъ, я васъ очень часто видалъ же въ формѣ“. Влудовъ подвинулся съ своего мѣста и, показывая на брюки, отъвѣчалъ: „кѣтъ. Ник. Пав-ль, я въ форменныхъ брюкахъ!“ Разумѣется, и Инспекторъ и все мы захохотали.... Когда Инспекторъ ушелъ, Плетневъ началъ продолжать лекцію такими словами: „изъ чего новая формѣ начали показаться сомнѣя.... Всеобщія хотѣя. Здѣсь хотѣи припомню другой анекдотъ о Плетневѣ. Однажды на репетиціи онъ опросилъ князя Щербатова: тотъ отъвѣчалъ, что не приготовился; Плетневъ обратился къ другому студенту: но и онъ того получилъ такой же отвѣтъ. Тогда Плетневъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ: „не надѣйтесь ни на князя, ни на сыны человеческіе!“ Подобные впечатлѣнія случались и съ другими профессорами. Шульгинъ, избранный въ ректоры, рекомендовалъ намъ, сказалъ: „мыиче Крестополовниа метѣя (это было на 4 недѣль поста); не знаю, будетъ ли моя новая должность крестовъ тяжелымъ, или оно мое будетъ благо и время мое легко!“ Только случилось, что Крамеръ не явился на экзаменъ къ Шульгину и черезъ нѣсколько дней началъ просить, чтобъ его проэкзаменировали. Шульгинъ сказалъ, что надобно представить лѣкарское свидѣтельство. Крамеръ отъвѣчалъ: „я не хочу обманывать васъ; потому что не былъ на экзаменѣ не по болѣзни, а по домашнимъ обстоятельствамъ“. Шульгинъ на это сказалъ: „я вполнѣ вѣрю вамъ. Г. Крамеръ, но всетаки для формы подобно какое нибудь свидѣтельство; вотъ вѣдь намъ много представляли свидѣтельства и отъ такихъ докторовъ, которыхъ знаетъ вся Европа, и отъ такихъ, которыхъ знаетъ одинъ только Богъ, да и тотъ потому, что всевѣдущъ!“

Экзаменъ приближался, а вмѣстѣ съ тѣмъ приближался и срокъ, когда надобно было подавать сочиненіе для получения медали; а между тѣмъ мое сочиненіе было написано только половиною; надобно было и писать и готовиться къ экзамену. Нечего дѣлать! За двумя зайцами погоняться, ни одного не поймаети: я рѣшился не копать уже медали, и бросилъ свое сочиненіе. Оно было довольно хорошо, и я увѣренъ, что получилъ бы медаль. Изъ нашихъ студентовъ подали сочиненія трое; но все, какъ и ожидать надобно было, остались съ носомъ.... Экзаменъ кончился счастливо: изъ всѣхъ предметовъ я получилъ полныя оцѣнки; только изъ Лат. и пол. 8, да изъ Гр. 2. Между тѣмъ получилъ отъ Навишина письмо; онъ звалъ на каникулы къ Вологду, и при-

ложилъ даже 25 р. денегъ.... Добрая душа! И пособила кое-какіе остатки съ уроковъ, и отправилась въ дорогу. Встрѣчи родныхъ и знакомыхъ были очень пріятны. Вообще время я проводила весело: то самъ быть въ гостяхъ, то у насъ были гости. Но самые дучше дни проведенны были у Навашина, въ холостой бесѣдѣ съ пріятелями и съ волонтистъ. У Навашина я не была рѣдкій день и часто даже ночевала. Волочилась за Лидіей Энгельмейеръ. Дало это начало очень просто. Я увидѣла ее въ первый разъ у веноноиной: взглянула на нее, она посмотрѣла на меня, и этого было довольно: за взглядами пошли разговоры и т. д. Горновской, двоюродный братъ Дубравина, узнавъ отъ сестры своей Аннушки Дубравной, что Лидія влюблена въ меня, и тотчасъ же передала эту новость мнѣ. Я написала стихи, означенные въ книгѣ моей I №: стихи эти черезъ Гер-го и черезъ Ан. Дуб-ну переданы были Лидіи; потомъ написалъ въ альбомъ Ан. Дуб-ной, что означено въ книгѣ № 2,—я въ этихъ стихахъ все мечты о Лидіи; потомъ Лидія дала мнѣ свой альбомъ, я и ей написалъ стихи и т. д. На влнкѣхъ моей цпаги вырѣзана надпись: „Лидииска—душа моя и радость.“ Объ этой надписи знала одикъ только Навашинъ. Однимъ словомъ дѣла шли прекрасно. Вдругъ невтожний случай разрушилъ всѣ мои радости. Это было 31 Іюля, наканунѣ Спсоева дня. Мы сидѣли у Дубравина; тутъ была Лидія, гувернантка ея сестры и Навашинъ. Я разговаривала не помню о чемъ-то съ гувернанткой; а Навашинъ въ это время вертѣлъ въ рукахъ мою шпату. Вдругъ явку онъ вынуть ее изъ пояса и показывать Лидіи; Лидія вся вспыхнула; я поблѣдѣла отъ досады и смекнула въ чемъ дѣло. Черезъ нѣсколько минутъ подхожу къ Лидіи, стараюсь говорить съ нею; но слова какъ-то не клеятся, и она не смотритъ на меня. Я не могъ вынести досады, и ушелъ. Послѣ веноноиной опять увидѣлся съ Лидіей, и опять та же исторія. Тоска мучила меня нестерпимо. Почти всю ночь я проплакала, и не могъ сомкнуть глазъ. На другой день у насъ одѣлано было условіе отправиться въ Прилуки. Лидія поѣхала туда же. И въ Прилукахъ—та же исторія: Лидія не хотѣла даже смотрѣть на меня. Она не знала отношеній моихъ въ Навашину, и думала, что я вслѣдъ расхвастался о своихъ интригахъ. Возвратясь домой, я не могъ найти себя пономъ. Послѣ обѣда ушелъ въ садъ, и тамъ написалъ къ Нав-ну записку съ благороднымъ вызовомъ на дуэль, отправилъ ее къ Навашину. Какое безуміе! Могъ ли такъ низко цѣнить добраго Навашина! Что до чего доводитъ человѣка одикъ страсти, неруководимая расудкомъ! Между тѣмъ самъ ушелъ въ садъ и тамъ написалъ стихи, означенные въ моей книгѣ № 4. Ясно, что они надиктованы были глубокимъ чувствомъ.... Около вечера приходитъ Навашинъ, и со слезами проситъ у меня прощенія... Разумѣется я самъ заридѣлъ горько и нибѣто ссоры обнялся съ нимъ. Онъ утѣшалъ меня, и увѣрилъ, что все кончилось satisfacto. Въ самомъ дѣлѣ обстоятельства скоро переѣнилили; Лидія попрежнему

стала весела и приятна со мной. Отец ея поехалъ въ Петербургъ—опредѣ-
лять въ У-тъ старшаго сына Аполлона, который только что кончилъ курсъ въ
Вол-ой Гимназіи; а онъ, всѣ барышни съ гувернанткой, отправлялись въ Логи-
ново—въ усадьбу на 12 в. отъ города по Петер-ой дорогѣ. Я уговорилъ Дубрав-
ныхъ ѣхать къ Семистрѣльной, и на пути перемочевать въ Логиново. Все устро-
илось, какъ желая дучше. Мы приѣхали въ Логиново въ вечерни: вечеръ
провели весело и улеглись спать уже поздно. Лидія съ Дубравной легла въ
гостиницу, а я съ Навашинымъ и Дубравнымъ въ послѣдній комната. Всю ночь
почти мы не спали; переговаривались о событіяхъ, и дурачились. Я былъ въ
полномъ восторгѣ. Утро провели всѣ вмѣстѣ за чаемъ и кофеемъ; потомъ я съ
Лидіей, Дубравными и гувернанткой въ одной колескѣ ѣхалъ къ Семистрѣль-
ной; потомъ автрадаля; потомъ ходили гулять въ рощу. Гувернантка, разувается,
смотрѣла уже на меня на оба глаза, однакожь просматрѣла. Лидія только мы
пришли въ рощу, тотчасъ же разбѣжалась въ равнину стороны. Я застѣлся,
куда побѣжала Лидія, и тотчасъ пустился изъ слѣдъ за ней. Она, маленькая между
деревьями, останавливалась и плутовски поджидала меня; наконецъ я нашелъ
ее... Встрѣча была самая поэтическая, но продолжалась только нѣсколько минутъ;
потому что масть уже близилась нѣсколько головою; Лидія пошла на зовъ, а я
обѣжалъ кругомъ, и явился съ другой стороны. Не знаю, какъ толковали объ
этомъ гувернантка и старуха Дубравина, но я мало заботился объ ихъ сплетняхъ.
Послѣ обѣда мы отправились домой; Лидію провожала масть съ порету, и вела
съ мной слово—ѣхать изъ Логиново, когда отправлюсь въ Петербургъ. Я такъ
и сдѣлалъ: поѣхалъ опять вмѣстѣ съ Дубравными, и заѣхали въ Логиново..
Два часа проведено было преносходно... На крыльяхъ въ послѣдній разъ поцѣло-
валъ руку Лидіи,—и полетѣлъ... вотъ гдѣ повія! Теперь я припоминаю одни
только происшествія, но тогда эти происшествія такъ полны были жизни, что
кажется никогда бы не разстались съ ними. Съ первой станціи послалъ въ Вологду
стихи, которые внесены въ мою книгу подъ № 6. Въ Петербургъ приѣхали мы
безъ особенныхъ приключеній.

Теперь я опять долженъ обратиться назадъ: забыть сказать объ открытіи
Александровской колонны. Это было въ 1834 году, 30 Августа, на третій день
по возвращеніи нашемъ изъ Вологды. Мы пришли на площадь въ 9 часовъ. Для
народу подѣлки были мѣсто амфитеатромъ до самыхъ крыль дѣловъ; кромѣ
того на крыльхъ всѣхъ окрестныхъ азіація были носители. Многіе изъ черн.,
чтобы не промѣнать мѣста, забрались на крыль еще съ вечера. Мы, студенты,
выбрались на манежъ. Площадъ въ это время была еще пуста; колонна закрыта
была тафтой, раскинутой въ видѣ шатра. Вся царская фамилія была у обѣда.
Въ одиннадцатый часовъ выѣхала на площадь пушка и слышно было 3 выстрѣла.
Въ ту же минуу по всѣмъ угламъ, которыя выходили на площадь, раздались

музыка и показались колонны пехоты и кавалерия: не мѣшая другъ другу, стройно проходили они мимо колонны и становились на назначенныхъ мѣстахъ. Что за картина! Тутъ были все гвардейскія и все гренадерскія корпусы; кроме того изъ всѣхъ полковъ Р. арміи по одной ротѣ; всего кавалеріи и пѣхоты 160 тысячъ. Когда войска стали на свои мѣста, на балконѣ Зимняго Дворца показались Митрополитъ и моя Царская фамилія: къ балкону съ площадки сбѣгала была великолѣпная лѣстница и съ обѣихъ сторонъ ея на каждой ступенькѣ стояли солдаты образцовой роты, въ бѣлыхъ штанахъ, въ высокой медяннѣйшей шлѣпѣ съ золотыми кистями, и въ темнозеленомъ мундирѣ съ густыми мишурными аполетами. Начался маневръ. Когда продолжилось провозгласить Императору Александру Первому вѣчную память, все войско грянуло: ура; тафта съ колонны упала, и поднялся ужасный громъ орудій. На набережной Невы поставлено было 640 орудій: на Неву выведено нѣсколько фрегатъ, да еще крѣпостная артиллерія—все это подняло такой гамъ, что кажется всея Петербургъ дрожать... Ура и пушечные выстрѣлы не умолкали ¼ часа. Потомъ Государь сошелъ на площадь, окруженный блестящею свитою посланниковъ и придворныхъ. Полки проходили мимо него колоннами. Парадъ кончился въ вечерни. Подробное описаніе его было напечатано въ Сѣверной Пчелѣ. (Все это было ототупленіе.)

Когда мы возвратились въ Петербургъ, то нашли уже всея Университетъ готовый къ переезду на Васильевскій островъ въ домъ 12-ти коллегій, который впрочемъ отстроено было для Уни-та. Въ этомъ домѣ во времена Петра 1-го помѣщались Сенатъ и Синодъ; а теперь онъ отданъ быть подъ Университетъ. Что зданіе прекрасное, объ этомъ ничего и говорить: галлерея, къ которой помѣщается бібліотека, по величинѣ своей первая въ Европѣ; она въ длину 163 сажени; въ ней паркетный полъ и по концамъ вертикальныя двери, зала, въ которой при Петрѣ была конференція, осталась въ прежнемъ своемъ убранствѣ. Публичная зала въ длину около 30 сажень, въ два этажа, съ хорами и мраморными колоннами; полъ паркетный. Аудиторіи многія отданы амфитеатромъ; мебель всадѣшная. Мы помѣстились въ 3 этажѣ: во второмъ аудиторіи, бібліотека и залы, а въ третьемъ столовая, буфетъ, кухня, правленіе, цензурный комитетъ и квартиры нѣкоторыхъ чиновниковъ. Лекціи начинались съ сентября. Я, разумеется, сначала очень много мечталъ о Лидіи: братъ ея Аполлонъ поступилъ въ У-тъ, и я былъ съ нимъ очень друженъ. Лекціи очень занимали меня: Плетнеръ читалъ ист. Рус. лит-ры во времякъ Екатерина; цѣлыхъ 4 мѣсяца онъ разбиралъ Дарвина: разборъ эти были образцовые, ничто столько не дѣйствовало на образованіе моего вкуса, какъ эти бесѣды. Жаль только, что немногіе изъ студентовъ могли цѣнить ихъ: бисеръ по большей части шло въ предѣ охоты... Порошинъ читалъ статистику превосходно: удивительный талантъ—сдѣлать живымъ и занимательнымъ такой сухой предметъ. Павловскій читалъ народное право; статка о

посещеніе была чрезвычайно интересна; Шулгинъ читалъ новую исторію своимъ въ высокой степени оригинальнымъ языкомъ. Я занимался очень хорошо, и всѣ профессора любили меня. Равноденія могъ имѣть также досрочно. Попечитель доставилъ мнѣ уроки у Графа Левашова: я училъ тамъ маленькую дочку лѣтъ 12 и сына лѣтъ 10; ходилъ 4 раза въ недѣлю; кромѣ того Уляпинъ доставилъ мнѣ уроки у Гурьевъ—училъ тамъ сына и дочь дважды въ недѣлю. Остало быть у меня денегъ было достаточно на чай, кофey, табакъ, на навозниковъ, на театръ и пр. и пр. Товарищи уважали и любили меня: биржа была теперь подлѣ У-та, и потому мы часто навѣщали ее. При добромъ нашемъ Инспекторъ можно было гулять сколько угодно. Желая сколько нибудь взять нась въ руки, онъ заветъ, что двери наши открыты были только до 12 часовъ; кто хотѣлъ придти позже, тотъ долженъ былъ идти на крыльцо къ Инспектору, пройти черезъ его спальню и кабинетъ прямо въ свою спальню; пот. что спальня наша была подлѣ Инспекторскаго кабинета. Изъ за этого было много смѣху. Въ первую ночь Инспекторъ залеръ двери кабинета и кто-то поманилъ къ себѣ подъ подушку, так. обр. возкой, кто приходилъ поздно, долженъ былъ будить инспектора. Какъ только настала первая часть ночи, начали собираться наши гуляки одинъ за другимъ: инспекторъ долженъ былъ не спать всю ночь, безпрестанно отпирая и запирая двери. На другую ночь онъ уже оставилъ ключъ въ дверяхъ. Иногда случалось, что возвращаясь часу въ 2-мъ, а Инспекторъ еще не спитъ: надобно проходить черезъ кабинетъ такъ, чтобы онъ не выдалъ насъ за ширмы,—тогда свѣтось бывало въ передней сапоги и на четверенькахъ (чтобы черезъ ширмы не видно было плотовъ), держа сапоги и плагу въ зубахъ, пробравшись къ своимъ дверямъ. Однажды полато так. обр. встрѣчься пяти студентамъ: передній напѣренно или ненапѣренно размахивая; всѣ прочіе расхотались и бросились опротивѣ въ двери, растерявъ сапоги и плаги. Филькишовъ вскочилъ съ кровати и подобралъ добычу. Наме по утрамъ спали очень долго—часовъ до 9 и даже до 10: инспекторъ отворилъ двери изъ кабинета и почти сквозя стенами говорилъ: „господа! пора вставать: вѣдь ужъ скоро обѣда!“ Если же на зовъ его спавшіе не откликались, онъ подходилъ къ кроватямъ и дергалъ за ноги лежащихъ: иной завернется въ одеяло, и будто въ проволочкахъ начнетъ ягнать ногами.... Смѣху бывало довольно.

По субботамъ у Плетнева на лекціяхъ мы обыкновенно читали сочиненія. Я въ свою очередь прочелъ въ прозѣ о Бездѣлкахъ и два стихотворенія, написанныя изъ каникулы: № 1 и № 2. Плетневъ взялъ эти стихотворенія къ себѣ. Поэтъ Никитенко говорилъ мнѣ, что Плетневъ хочетъ эти стихотворенія напечатать въ *Современникѣ*; однакожъ, не знаю почему, они не были напечатаны. Около этого же времени я узналъ отъ Никитенки, что обо мнѣ было сказано въ Свѣтѣ: меня, по окончаніи курса, назначали отпразднать заграницу; однакомъ,

тоже не знаю почему. Попечитель не согласился; а навзначен был. Приезд, учитель Дерптской Гимназии; онъ теперь уже возвратился изъ путешествія и читаетъ лекціи въ Пет-мъ У-тъ. Впрочемъ студенты не хвалятъ его: говорить, что безразличный нѣмецъ!

Осенью, когда на Невѣ шель ледъ и были разведены мосты, намъ запрещено было пересажать на ту сторону; потому что, случалось, ледъ затирало льдомъ и уносило. Однакожъ мы не слушались. Лекцій въ это время не было: потому что всѣ почти профессора и большая часть студентовъ были за рѣкой, и потому мы гуляли славно. Однажды утромъ я перѣхалъ за рѣку: но возвращаясь назадъ, увидѣть, что перевозу нѣтъ уже; потому что ледъ сильно одвинуло. Дѣлать нечего, надобно было переночевать на той сторонѣ. Утромъ возвратился въ У-тъ и сѣлъ читать. Державина. Въ комнатѣ никого не было. Вдругъ приходитъ Инспекторъ, я расклавая. Онъ наклонилъ головою, и началъ тихо говорить, такъ чтобы не слышали студенты, сидѣвшіе въ соседней комнатѣ: „ночь вы не начали сегодня?... чтожъ, если ужъ мнѣ и воез-то садить подъ крысъ, такъ чтожъ тогда будетъ?... Я право не знаю.... Дайте вамъ юпю!“ Однакожъ на другой день утромъ возвратился. Такъ об. въ 5 лѣтъ я былъ одинъ день подъ крысами. Около этого же времени Шахъевъ, по протекціи Шульгина, опредѣленъ былъ Адъюнктомъ-Профессоромъ въ У-тъ—читать въ 1, 2 и 3 курсахъ нашего факультета исторію. Но между студентами была мысль, пущенная партией Кутормы, что Шахъевъ ничего не знаетъ. На первую лекцію собралось къ нему человѣкъ 300. Онъ читалъ довольно хорошо; однакожъ его никто не слушалъ, а всѣ только ждали окончанія лекціи. Когда онъ началъ спадать съ кафедры, всѣ засуетились, встали.... Разумѣется, тотчасъ объ этомъ дано было знать Князю. Князь на другой день дѣлалъ намъ выговоръ, бросилъ свою перчатку, и сказалъ: кому угодно поднимать? Разумѣется перчатки никто не поднялъ; тѣмъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько недѣль Шахъевъ былъ отставленъ. Вскорѣ случилось другое обстоятельство. Князь Вяземскій, студентъ 1-го курса, пришелъ пьянымъ на лекцію къ Фишеру. Фишеръ побранилъ его; Вяземскій этимъ обидѣлся. Тотчасъ вся университетская аристократія выступилась за Вяземскаго, я увлекъ за собой всѣхъ другихъ студентовъ одного курса. Написали прошеніе къ Е.маю, и подать эту жалобу велѣно два студента Графъ Васильчиковъ и Свержиковъ. Попечитель прочиталъ прошеніе и сказалъ подателямъ: „извольте отправиться къ Инспектору и отдать ему свои жалбы!“ Дѣлать нечего; Инспекторъ послалъ Васильчикова и Свержикова къ кассиру. Но они не унывали: въ продолженіе 3 дней они выпили 18 бутылокъ шампанскаго, и порожнія бутылки выбрасывали въ окно на улицу. Инспекторъ узналъ объ этомъ; солдата Московскаго, который посылъ арестантамъ вино, высылки: а они дали ему 300 р. и Московскій былъ въ восхищеніи: „пожалуй, говорилъ онъ, пусть выстрѣлятъ и въ другой разъ!“

Въ эту же осень былъ интересный случай съ студентомъ Новицкимъ. Онъ былъ чрезвычайно, даже почти до невѣроятности близорукъ. Однажды шелъ онъ по Англійской набережной. Навстрѣчу ему попадаетъ Государь съ Государыней. Новицкій промель между ними, толкнувъ и того и другую. Государь разорвался; началъ бранить Новицкаго, и Новицкій тогда только узналъ съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ доодѣ Государь не пошелъ далѣе: тотчасъ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ. Къ частію малъ субъ-инспекторъ Грейсонъ видитъ все это; онъ спросилъ Новицкаго и тотчасъ донесъ Инспектору; Инспекторъ въ ту же минуту отправился къ Князю; а Князь къ Министру. Министръ въ этотъ день долженъ былъ гдѣ-то обѣдать имѣетъ съ Государемъ; потому то и поспѣшники скорѣе предупредить его. Государь, какъ только увидѣлся съ Министромъ, тотчасъ сказалъ ему: „какіе у тебя неужли студенты: сегодня одинъ студентъ чуть не толкнулъ меня съ тротуаровъ!“ Министръ отвѣчалъ: „это Новицкій; онъ, В. И. В., уже посаженъ подъ арестъ: онъ чрезвычайно близорукъ, такъ что узнаетъ людей только по голосу!“ „Ну, такъ оставить это!“ сказалъ Государь. Новицкій просидѣлъ 3 дня въ карцерѣ, — тѣмъ дѣло и кончилось.

Въ началѣ зимы этого года сгорѣлъ Зимній Дворецъ. Я была въ это время въ У-тѣ. Часу въ 9 вечера мы увидѣли зарено, которое то мѣлвало, то опять исчезало; намъ показалось, что пожаръ гдѣ-нибудь слишкомъ далеко; но вдругъ возвращается одинъ студентъ, и говорить, что пожаръ во Дворцѣ. Мы тотчасъ побѣжали было изъ У-тѣ; но не могли уже пробраться на ту сторону; потому что вся площадь и набережная была оцеплена солдатами. Государь и Государыня были въ театрѣ; а мнѣгіе изъ придворныхъ на балѣ въ Милленной. Узнавъ о пожарѣ, всѣ переполошились: Государь тотчасъ прихалъ и началъ распоряжаться; Государыню съ жандармскимъ конвоемъ отправили изъ Антикита Дворца; придворные съ балу побѣжали кто куда апалъ. Пожарные всѣ уже были въ дѣлѣ; но вдругъ на Васильевскомъ острову, не помню въ которой линіи, случился другой пожаръ. Наблюдаясь и ловившая пожарныхъ трубъ поспѣвали туда. Между тѣмъ Дворецъ разгорался болѣе и болѣе: часу въ 12 уже вся линія на Неву была въ пламени. Мы ушли домой; но въ спальняхъ у насъ было свѣтло, какъ днемъ. Государь, быть на пожарѣ до 6 часовъ утра; а все было загнуто только къ вечеру другого дня. Слухонъ о пожарѣ, по обыкновенію, было множество; но нельзя знать, что тутъ истинное и что задоръ; слѣд. нечего и писать.

Приближались святки, и мы узнали еще новость: бывшій студентъ Александръ посаженъ въ крѣпость. Живя этого человѣка было очень интересно. Онъ былъ помощникъ сына какого-то помѣщика изъ подъяковскихъ губерній. Въ молодости онъ отличался всевозможными востостями, и наконецъ ѣхалъ отъ отца въ Петербургъ. Не знаю уже какими образомъ, но только онъ навелъ одну изъ поступить въ У-тѣ; а солдаты съ себя частыми уроками. Въ одно время не

случилось у него денег; а хозяинъ безъ денегъ не хотѣлъ держать на квартирѣ. Александровъ поздно вечеромъ забралъ всѣ свои вещи и переехалъ на Семеновскій плацъ, вотъ-я былъ прямо противъ стараго У-та. Тамъ онъ перемочевалъ. Утромъ будочникъ, увидя такого необыкновеннаго постовальца, подошелъ и спрашиваетъ: кто онъ такой и вѣдѣтъ ли адресъ? Александровъ отвѣчаетъ, что онъ студентъ, и что поселился здѣсь жить; потому что не имѣетъ другой квартиры. Съ тѣмъ и ушелъ будочникъ. Въ 9-мъ часу Александровъ положилъ на комодъ свою записку, въ кот-й уведомляетъ нѣмъ и каждому, что тутъ квартира такого-то студента; а самъ ушелъ на лекцію. Возвратившись изъ У-та, онъ видитъ, что къ квартирѣ его подошли двѣ полиціи, и кругомъ собралось множество народу. Пробравшись сквозь толпу, Александровъ спрашиваетъ у частного пристава: что ему угодно? Частный приставъ отвѣчаетъ, что оберъ-полицеймейстеръ приказалъ набрать и это имущество и хозяина. Отправившись къ 6. пол-ру, Александровъ объясняетъ, что крайность заставила его искать жилища на Сем. плацѣ. Поймали къ Министру Внутреннихъ дѣлъ. И тотъ получилъ такое же объясненіе; онъ оказ. Александрону, чтобы тотъ покаялся помялъ у частного пристава, и что завтра же будетъ доложено объ этомъ дѣлѣ Государю. Съ тѣмъ Алекс. и былъ отпущенъ. Но когда онъ сходилъ съ дѣвятицы, Адъютантъ Министра подаетъ ему нѣсколько бѣленихъ бумажекъ. Алекс. общелъ и бросилъ бумажки, сказавъ громко Адъютанту, что онъ не нишій. Между тѣмъ на другой день Государь приказалъ, чтобы Александрова приняли въ У-тъ на казенное содержаніе. Но Александровъ отъ этого отказался; тогда Государь приказалъ ему идти въ полкъ. Александровъ пожелалъ поступить въ Гусарскій полкъ, который тогда стоялъ въ Финляндіи. Разумѣется, на другой же день даю было объ этомъ знать въ полкъ, а Александрову приказано снаряжаться въ дорогу. Но Александровъ нечестъ: онъ ходитъ все по законамъ, и полиція не могла взять его. Тогда приказано было, какъ только найдутъ Александрова, тотчасъ же отправить съ записками на мѣсто службы, и тамъ посадить подъ арестъ. Такъ и дѣлалъ. Александрова нашли, отправили въ полкъ и посадили на гаушъ-вахту. Просидѣвъ подъ арестомъ нѣдѣли 2, онъ одичавъ утерѣлъ; прибилъ утерѣ-офицера, который топилъ комнату, выпелъ на вѣщъ-форму, легъ и притворялся умирающимъ. Его отвезли въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ нѣдѣли 3, и наконецъ обругалъ доктора. За эту грубость его опять посадили на гаушъ-вахту. Пробывъ тутъ нѣдѣли двѣ, онъ подалъ въ отставку. Разумѣется, его съ радостію уволили, и Александровъ опять приѣхалъ въ Петербургъ, и поступилъ въ У-тъ въ Математическія факультетъ. Это было въ 1833 году, когда и я приѣхалъ въ У-тъ. Ученъ въ У-тѣ, онъ дѣлалъ много штукъ; но не очень важныхъ. Разъ только, при переходѣ изъ 2-го курса въ 3-й, на Лаз-мъ экзаменъ, онъ порядочно разбавилъ насъ. Раскрылъ какую-то главу изъ Саллюстіа, которая начинается рѣчью, онъ началъ читать: „Palres conscripti“...

и пр. Шульгинъ, который тогда председательствовал на экзаменѣ, спросилъ: „что значитъ *raime concierge*?“ Александровъ, не запинаясь, отвѣчалъ: „отцы писанные!“ Шульгинъ улыбнулся и спросилъ: „что же значитъ это—отцы писанные?“ Александровъ махнулъ рукою и отвѣчалъ: „а Богъ ихъ знаетъ: Римляне народъ очень мудреный!“ Вебъ захохотали. Не знаю, въ которомъ году, но только еще во время студентства Александровъ началъ было дѣлать фальшивыя воскресныя: по полиція захватила его; Венкедорфъ призвалъ Александра къ себѣ, и вынулъ съ него честное слово, что онъ впредь такихъ гаулопей дѣлать не будетъ. Тѣмъ это дѣло и кончилось: и мы тогда не знали объ этомъ ни слова. Въ 1836 году Александровъ кончилъ курсъ и поступилъ учителемъ въ Технологическій Институтъ. Я часто нахаживалъ съ нимъ у Эвальда и у Шаттена. Живя, какъ слышно было тогда, вѣкъ онъ самую распутную. Въ разговорахъ только и бредилъ тѣмъ, чтобы идти въ разбойники. Мы такъ уже привыкли къ этому, что не обращали даже вниманія на его восторженные мечты. Въ 38 году онъ задумалъ наконецъ осуществить свои желанія. Планъ его былъ такой: избрать изъ старыхъ студентовъ надежнаго товарища; одѣться одному жандармомъ, а другому жандармского офицеромъ, приѣхать въ домъ къ Яковлеву ночью, показать старику отцу указъ, написанный отъ имени Государя, который повелевается взять молодого сына Яковлева и отвезти въ Сибирь; а тутъ же предложить, что ежели отецъ хочетъ спасти сына, то чтобы далъ имъ 2 миліона, и они обѣщались увезти его за границу; явивъ же деньги убить арестанта на дорогѣ, а самимъ ѣхать за границу. Имя, что такіа неосторожности могли придти только въ голову Александрову. Въ товарищи себѣ онъ назначилъ Борисова—прекраснаго молодого человѣка, который мыслить изъ У-ти имѣлъ съ Александровымъ, и служилъ учителемъ математики до 2-я Пет-овъ Гимназии. Борисонъ, выслушавъ этотъ планъ, съчелъ его обыкновеннымъ бредомъ, и когда Александрову, что онъ согласенъ; при этомъ случаѣ мечтавъ имѣть съ Александровымъ, разучится пути, о томъ, какъ именно они закинутъ за границу.... Тѣмъ разговоръ вѣкъ и кончился. Борисонъ съчелъ это за бредъ; но Александровъ не остановился. На другой день онъ послалъ къ Борису записку, которую зналъ его къ себѣ. Борисову было нелзя и онъ не пошелъ. Черезъ дни Александровъ прикладываетъ другую записку, въ которой уже вено писать, что онъ имѣетъ надобность посоветоваться о томъ, о чемъ они говорили лично. Борисовъ, видя, что Александровъ не въ шутку уже что-то затѣваетъ, отказался отъ приглашенія. Александровъ приѣзжаетъ къ нему самъ, и, не заставъ Борисова дома, оставляетъ ему ругательную записку. Съ тѣмъ поръ Борисовъ уже и не выдвигалъ съ нимъ. А Александровъ обратился къ Галлеру—съ приглашеніемъ же себѣ въ товарищи; въ случаѣ же отказу грозилъ убить Галлера. Галлеръ былъ студентъ Юридическаго факультета, кончившій курсъ имѣлъ съ Александровымъ, и чмокалъ очень

богатый. Онъ согласился на предложеніе Александра и въ тотъ же вечеръ рассказывалъ все отцу; а отецъ Бенкендорфу. Бенкендорфъ сказалъ Галлеру, чтобы сыну ого дѣйствовать такъ, какъ велитъ ему Александровъ, и чтобы доносить о всѣхъ атакахъ дѣлѣтвѣяхъ. Такъ дѣло и пошло. Александровъ написалъ уже указы, и прекрасно поддѣлывалъ подписи Государя; нужно только было на что-то 5 тысячъ денегъ. Александровъ отбѣлалъ фальшивый вѣвонецъ отъ имени какого-то купца, и переодѣвшись вмѣстѣ съ Галлеромъ, отправился къ мажорѣ... Полиція уже знала объ этомъ, и какъ только пошли они къ мажору, тотчасъ арестовала ихъ, и представила Дуппелъту—жандармскому полковнику. Дуппелтъ обратился къ Александру съ вопросомъ: а Александровъ всю вину начать сваливать на Галлера. Тогда Дуппелтъ сказалъ: „оставьте Галлера въ покои: онъ дѣйствовалъ такъ, какъ ему было приказано; я васъ спрашиваю“... Тутъ Александровъ смѣлся. Началось слѣдствіе; Александровъ запуталъ и Борисова. Последнѣго обвинили въ томъ, что онъ знаетъ весь планъ и не довелъ. Кончилось тѣмъ, что Галлера перенесли въ собственную канцелярію Государя. Яковлевъ далъ ему въ знакъ благодарности 10 тысячъ, но онъ отказался. Борисова послали въ Архангельскъ подъ надзоръ полиціи; а Александра въ каторжную работу. Въ Указѣ о сыдѣхъ прописаны были всѣ дѣла Александра, и тогда только мы узнали, что онъ, еще бывшимъ студентомъ, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи. Но вотъ что отравно: въ прошедшемъ, 1842 году, я случайно увидѣлся съ однимъ проѣзжавшимъ изъ Вятки въ П-гъ чиновникомъ, и узналъ отъ него, что Александровъ возвращенъ уже изъ каторжной работы и живетъ въ Вяткѣ подъ надзоромъ полиціи.

Зима, сколько помню, прошла очень весело. Наша студентская жизнь была самая закидая. Хорошіе товарищи любили меня, а сволочь, порожденіе 3-я Гимназии, завидывала успѣхамъ моимъ и молчала.... Жалкія существа! Кюлеръ, Косововъ, Кошнинъ и Швадовъ—были моими друзьями, а прочіе—Дубравинъ, Дорогой, Бушмакинъ и др. безсильными соперниками. Я не ссорился съ ними, жилъ всегда мирно; но въ душѣ презиралъ ихъ. Два оригинала были у насъ въ одномъ со мной курсѣ: Ревкуцъ и Леонтьевъ. Ревкуцъ былъ маленюкой ростомъ и очень толстѣ, совершенно кубической формы. Мы прозвали его полковникомъ. Когда онъ идетъ бывало по помнатымъ, мы всѣ зашепчемся: самъ идетъ, самъ идетъ, и вытнемся передъ нимъ. Если онъ веселъ, то улыбнется, а сидитъ не въ духѣ, то обругать насъ.... Онъ часто пьянствовалъ, и потому перелѣ коніемъ курса мы разсказывали его изъ полковниковъ: схватили его, переломили надъ нимъ вѣвонецъ шляги дучину, и такъ отпустили. Онъ мастеръ былъ тактовать мажорку: однажды въ слѣбъ вѣмцы аплодировали ему, когда онъ, выпивъ 3 пушша, шелъ мажорку, и кричали: „форъ, студентъ!“ Леонтьевъ былъ тоже маленькаго роста и въ противоположность Ревкуцу—тощенькой. Онъ ипъ отъ нѣмъ не говорилъ

ни слова, и всегда сердился, когда съ нимъ начинать кто нибудь говорить; только со мной онъ жилъ мирно. Въ воскресенье, когда все У-ть отсутствовало, я оставался обыкновенно часовъ до 7 дома; потому что въ это время всего лучше заниматься; а Леонтьевъ обыкновенно не ходилъ никуда; стало быть въ воскресенье мы обыкновенно оставались съ нимъ вдвоемъ. Вышло, я сижу и читаю что нибудь; Леонтьевъ ходитъ по комнатамъ, покладаетъ ко мнѣ, хлопнетъ по плечу, и скажетъ: „ну, что?“ Это значить я могу съ нимъ говорить. Впрочемъ все наши разговоры ограничивались всегда какими нибудь шуточными фразами; потому что Леонтьевъ былъ человекъ очень посредственнаго ума.

Отношенія къ Лидіи измѣнялись. Какъ то случилось, что Аполлонъ, братъ ея, заболѣлъ, и лежалъ въ лазаретъ. Онъ написалъ письмо къ отцу и другіе къ Лидіи, и отдавъ имъ мнѣ, чтобы зашпечатать и отправить; потому что у него не случилось ни сургута, ни денегъ. Притомъ же онъ не секретничалъ со мной; потому что анализъ всѣхъ отношеній моя къ сестрѣ. Я, разумеется, прочиталъ письмо къ Лидіи, и приписалъ ей поклонъ. Лидія съ первой же почтой отвѣчала брату, и написала между прочимъ, что она очень удивляется, какъ я осмѣлился собственноручно писать къ ней поклонъ, что я могъ бы объ этомъ попросить ея брата и пр. и пр. Набожно замѣтить, что въ это время за ней волоочилъ свѣтлый полтъ Ремеръ, и стало быть она писала эти строчки подъ извѣстнымъ новымъ впечатлѣніемъ... Аполлонъ опять написалъ къ ней, и я опять приписалъ поклонъ... Лидія разсердилась, и написала: „скажи Нѣ-му, что ежель и было между нами что нибудь, то я уже давно забыла все, и говорю ему adieu. Это письмо принесли изъ У-ть, когда уже Аполлонъ уѣхалъ домой на каникулы; я распечатала письмо я, приписала подъ словомъ adieu—прощай, отправить его обратно на имя Лидіи. Тѣмъ все и кончилось.

Экзамены мои шли хорошо: изъ всѣхъ предметовъ я получилъ полныя отбѣтки, кромѣ, разумеется, латинскія; Впрочемъ и изъ тѣхъ дѣло кончилось какъ нельзя лучше: изъ Нѣм-го 4, изъ Латынскаго 4; и изъ Греческаго 2. Я не только не отлохотался экзаменами, но даже шелъ на нихъ съ наслажденіемъ, потому что былъ утѣренъ самъ въ себѣ. Истинное мое торжество было на экзаменѣ изъ Русской словесности. Какъ теперь помню, день былъ ясный. Утромъ мы узнали, что на экзаменъ въ намѣ будетъ Московскій профессоръ Шевыревъ, который въ это время прїѣхалъ изъ Петербурга. Часовъ въ 9 я съ Кошкинымъ и еще съ кѣмъ-то выпалъ на крыльцо—дождаться Плетнева. Въ 10-мъ часу Плетневъ пришелъ пѣшкомъ, и мы поцѣловавшись объявили ему, что будетъ Шевыревъ. Начался экзаменъ. Грѣфе председательствовалъ на немъ въ качествѣ декана. Вдругъ входитъ Шульгинъ и за нимъ идетъ маленькій человекъ, съ черными волосами, въ черномъ пальто и галстукѣ, съ очень прїятнымъ, нѣсколько омуглымъ лицомъ. Это былъ Шевыревъ. Тотчасъ вызвали меня. Я началъ билетъ

о Жуковскомъ. Въ эту минуту прибавляетъ Князь. Только я началъ отвѣчать, Шевыревъ вникаетъ въ мой отвѣтъ, и у насъ одинокъ на одинокъ пошла самая одушевленная бесѣда. Разговоръ нечувствительно перешелъ на Державина; а Державина я звалъ почти всего наизусть.... Много декламировалъ стихотв.; наконецъ началъ читать: *Властителямъ и судьямъ*. Шевыревъ сказалъ: „мы прекрасно читаемъ стихи“.... А Плетневъ тихо замѣтилъ ему: „онъ и самъ прекрасно пишетъ“.... Князь и Шульгинъ молча только вступили въ нашу бесѣду.... Наконецъ Шульгинъ напомнилъ, что пора и кончить. Я раскланялся; Шевыревъ всталъ съ мѣста, жаль меня за руку, и просилъ побывать у него. Князь тоже всталъ, очень довольный и уходя на лекцію къ прѣсвитеру, сказалъ: „пойду тамъ лекцію читать!“ Я былъ въ подлномъ восторгѣ; всѣ студенты подражали мнѣ.... Для черевъ 2 я пришелъ къ Шевыреву; онъ принялъ меня вѣжливо, говорить очень много о современныхъ состояніи нашей литературы, о многихъ будущихъ заикнѣтъ, давалъ совѣты, и отпустилъ. жаль было желаніе и поодѣ быть со мной знакомымъ.

На другой день по окончаніи всѣхъ экзаменовъ, я отправился къ Попечителю узнать о моемъ назначеніи. Онъ сказалъ, что уже назначилъ меня въ Псковъ. Этотъ звукъ былъ совершенно новымъ для меня, и я никакъ не могъ представить себѣ—что это за городъ Псковъ. Впрочемъ лучшее мѣсто некая было и желать; потому что въ Петербургѣ не было свободныхъ ваканцій, а ѣхать въ Вологду—учить исторіи я не хотѣлъ: мой предметъ былъ—словесность. Начались каникулы. Я остался въ Петербургѣ и поучилъ два частныхъ мѣста: у Вилкутина и у Мартыновыхъ; у Вилкутина каждую недѣлю 5 разъ, а у Мартынова трижды въ недѣлю. Стало быть деньги были, а съ деньгами нескучно. Я часто заходилъ на дачи: къ Плетневу и Шахъеву. Плетневъ жилъ въ Кушнелевой деревнѣ; а Шахъевъ у Григорьева, который женатъ на сестрѣ Шахъева, и жилъ подлѣ Тѣснаго Института. Время шло весело. Въ Университетѣ остались почти всѣ, кончаніе курсъ, и мы жили весело. Однажды случилось логъ какое происшествіе. Мы были уже въ спальнѣ; это былъ члѣъ 13-я; вдругъ возвращаются члѣовѣкъ 5 студентовъ и говорить: „господа! поймайте бражника съ Филипповымъ“. Мы тотчасъ накинули сверхъ халатовъ шинелъ, надѣли фуражки и отправились въ походы. Филипповъ этотъ былъ офицеръ 1-го кадетскаго корпуса, и стало быть жилъ подлѣ У-та; у него были 2 сестры, довольно вольныя, и студенты возочились за ними, а онѣ перемитгивались съ ними, бросали имъ огня разные шутки и пр. и пр. Братъ знаетъ это, и жестоко злился на студентовъ; къ тому же онъ былъ почти помѣшаннымъ и не зналъ какъ вымѣстить свою злобу: часто при встрѣчѣ повсе съ незнакомымъ ему студентомъ онъ начиналъ браниться, и тогда, не понимая отношеній его къ студентамъ, не зналъ—что это значить. Въ этотъ вечеръ, о которомъ я упоминалъ теперь, Филипповъ сдѣлалъ подобную же глу-

посты. Студенты или жимо и разговаривали между собою. Филипповъ вдругъ размахнулъ окномъ и началъ ругаться съ ними. Они, разувѣвшись, отпѣчали ему, и пришли позвать всѣхъ насъ, чтобы гуртомъ веселѣе было браниться. Лили только мы поравнялись съ окнами Филиппова, вдругъ онъ раздвинулъ опять окно и пошла потѣха: мы приударили самую отчаянную бранлю... Мать и сестры Филиппова, почти погурвалѣны, высунулись въ окно и стали упрямшазъ насъ: „господа! отбавяте милость, оставте: видите, что онъ сумасшедшій“. Побранившись отъ 1/2 часа, мы наконецъ удалились.

Такимъ образомъ, жияя очень весело, я и не замѣтилъ, какъ приближалосъ время—отправляться къ работѣ назначенія. Я не вѣрилъ даже, что приближается наконецъ часъ, когда надобно разстаться навсегда съ студентствомъ. Почти о Псковѣ были довольно неопредѣленные. Я зналъ только, что встрѣчу тамъ старыхъ студентовъ, бывшихъ некогда со мной въ одномъ курсѣ: земляка моего Студенскаго, Барановскаго и Котовича. Но больше занимало меня то, что я теперь кандидатъ философскаго факультета 1-го отдѣленія, что прѣйду въ новый городъ, что все будутъ смотрѣть на меня, какъ на лицо новое и пр. и пр. Передъ отъѣздомъ дня за 4 былъ на дачѣ у Плетнева, онъ, взявъ меня подъ руку, долго копая со мной по саду и весело разговаривая, совѣтовать мнѣ прожить не жениться; потому что это отвѣчать меня отъ занятій и остановить ходъ мой по службѣ и пр. и пр. Однимъ словомъ мы вдвоемъ провели съ нимъ вечеръ, какъ нѣтъ лучше. Ночевать я уѣхалъ къ Григорьеву: тамъ напелъ Эвальдъ. Уже мы пили, пили... Григорьевъ даже овалился съ ногъ; а я съ Эвальдомъ улегся уже утромъ. Возвратая въ Петербургъ, началъ собираться въ дорогу: мнѣ дали полпорошную прогону и 825 р. не въ счетъ жалованья. Это всегда ужъ такъ водится. Часу въ 5-мъ заѣхалъ къ Эвальду; со словами простился съ этимъ добрымъ семействомъ, и поѣхалъ къ Оверову. Оверовъ жилъ въ Петербургѣ по дѣламъ. Я позвонился съ нимъ нехотѣи за двѣ передъ этимъ; потому что у него остановился Горковскій, мой старый повѣренный по дѣламъ съ Лидією, и прѣѣхавшій теперь для поступленія въ Университетъ. У Оверова—7 дочерей и три сына; старшая—Катерина была тогда красавица; япрочемъ я не былъ, противъ моего обыкновенія, выпобѣнтъ въ нее, хотя и бывалъ у нихъ почти каждыя день. Тутъ собралось всегда много молодежи людей, и время мы проводили весело. Отъ Оверова, осыпанный маленькими счастливыми куты, я поѣхалъ ячевать къ Шахъеву, который въ это время былъ уже въ городѣ. А отъ туда утромъ къ Лебедеву, одному чиновнику, стирому моему гимназическому товарищу,—куда перенесены уже были все мои вещи. Проводить меня пришли нѣсколько студентовъ,—выпили и простились. Почтовыхъ лошадей не было, и потому я нанялъ до Царскаго села флетонъ тройкой. Лебедевъ поѣхалъ провожать меня. Это было 1 Августа. Итакъ—я простился съ Петербургомъ.... Въ

Царскомъ селѣ сѣлъ на почтовую тележку и прибѣхать къ вечернему чаю къ Пастуху. У Ильина провела вечеръ, ночевать и на другой день утромъ поѣхалъ далѣе. Наконецъ 8 Августа увидѣлъ Псковъ. Когда вѣхалъ въ заставу, было уже темно. Не зная квартиры Студитскаго, я подѣхалъ прямо къ Гимназіи. Тутъ встрѣтился мнѣ какой-то человѣкъ небольшого роста. Я спросилъ его: „позвольте узнать—гдѣ живетъ Студитскій?“—„Знаю, отв. маленький человѣчекъ самымъ тонкимъ дискантомъ; но только забылъ фамилію хозяина дома; а вы, вѣроятно, тотъ чиновникъ, котораго мы проводимъ изъ Петербурга?“—Точно такъ. — „Честъ мнѣ рекомендоваться: я служу писмоводителемъ при адѣйшей Гимназіи. Если вамъ угодно остановиться, то вотъ здѣсь недалеко живетъ учитель Котовичъ!“ Онъ указалъ мнѣ домъ. Я отправился къ Котовичу. Въ передней онѣлся человѣкъ. Я спрашиваю: „дома Котовичъ?“—Дома. И я отворилъ двери. Въ сѣдѣ сидѣтъ нѣсколько дамъ и съ ними Котовичъ. А я быть въ шпаци, съ трубкою въ рукахъ, и съ фуражкой на головѣ. Я тотчасъ махнулъ. Человѣкъ вызвалъ Котовича, и я вывохъ съ ними поѣхалъ къ Студитскому и Барановскому. Дамы эти были Диденевы, у которыхъ Котовичъ жилъ на квартирѣ. Такимъ образомъ я достигъ мѣста своего назначенія.

III.

Дополненіе къ предыдущимъ главамъ.

Въ предыдущихъ главахъ я забылъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ моей жизни; потому что писать безъ опредѣленнаго плана, по однимъ только воспоминаніямъ.

Изъ гимназическихъ моихъ товарищей былъ одинъ очень курьезной чело-
вѣкъ—Иванъ Титовъ. Онъ всегда смѣшалъ насъ въ классѣ. Вотъ нѣкоторые изъ его штукъ. Мы были въ Гимназіи у военнаго и стояли рядомъ четверо: Титовъ, Пчелинъ, а и Студитскій, а недалеко отъ насъ стоялъ Веденскій, кото-
рый тогда былъ уже директоромъ. Веденскій, какъ я говорилъ уже, молчалъ очень много. Титовъ выдумалъ передразнивать его: перекрестится большимъ крестомъ, и крѣпко начнется доставать рукою до земли. Мы хохотали. На другой день Веденскій приходитъ въ классъ и говоритъ протаванымъ басомъ: „вы вчера смѣялись за военнаго; вотъ я замѣтилъ—Титовъ, Пчелинъ, Иванискій.... потомъ вдругъ скороговоркой дискантомъ—бездѣльникъ Студитскій!“ Мы еще больше захохотали. Въ другой разъ мы сидѣли въ классѣ у учителя рисованія Катина. Катинъ былъ маленькаго роста, чрезвычайно глухъ и ходя по классу часто задумывался: тогда онъ обыкновенно шагнетъ и стоя на одной ногѣ, другую держа на воздухѣ иногда довольно долго. Титовъ хохоталъ надъ нимъ и брызгалъ его громко. Катинъ замѣтилъ это, подошелъ къ Титову и сказалъ: „ты ученикъ, и учитель; возмуж рисуюнокъ, тебя выгоню вонъ,—потомъ продолжать

октавой я протяжно—ок-а-ти-па!" Надъ Эверсомъ было всего болѣе смѣху. Онъ обыкновенно впадалъ въ прискачку. Когда онъ идетъ мимо нашего класса, мы поклонимся ему, а онъ подскочитъ и идетъ далѣе. Титовъ въ ту же минуту передразниваетъ его; мы захохотемъ; Эверсъ остановится, и сейчасъ начнетъ допрашивать, нѣтъ ли у насъ какого заговора. На этомъ онъ былъ уже помѣшанъ; ему только и грѣзились заговоры. Однажды онъ, разсердившись на Зосимоваго и Студитоваго, закричалъ: „объ вонъ, объ вонъ!“ На шумъ этотъ приходитъ Вѣляевъ; Эверсъ тотчасъ подскочилъ къ нему съ жалобой; а Вѣляевъ говоритъ: „помилюйте, вы такой подняли здѣсь шумъ, что у меня ученики всѣ захохотуть!“ Эверсъ выбѣсился, ухватъ изъ класса, и не ходитъ недѣли двѣ. Вскорѣ его перевели въ Новгородъ, но и тамъ онъ не ужился, и мѣсяца черезъ два былъ оставленъ. Объ Дружининѣ я уже говорилъ много; но вотъ еще два анекдота о немъ. Однажды онъ задолжалъ намъ урокъ очень большой къ слѣдующему дню; намъ некогда даже было и списать, и потому на другой день мы пришли въ классъ пораньше, и всѣ выскочъ учили по одной тетради. Между тѣмъ прошло уже 9 часовъ, а Дружинина все еще нѣтъ. Полагалъ, что онъ уже не будетъ, мы перестали заниматься. Вдругъ въ половине 10 слытъ намъ Дружининъ въ легкой, и тотчасъ спросить меня урокъ. Сначала я отпѣвался хорошо, но чѣмъ далѣе, тѣмъ чаще началъ заглядывать въ тетрадь. Дружининъ замѣтить, и сталъ прямо напротивъ меня, разшершавившись и облокотясь на столъ. Я разумѣется не могъ болѣе отпѣвать. Дружининъ обратился къ другому, и тотъ тоже, потомъ къ третьему и т. д. Ни одинъ не зналъ. Дружининъ заходитъ по классу большими шагами, пораваливаясь съ боку на бокъ. Это уже предвѣщало бурю. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло 5 минутъ, какъ вдругъ Дружининъ останавливается и съ какимъ-то остервененіемъ закричалъ: „а дайте-ка и васъ пощупаю изъ Греческаго!“ Мы просили его, чтобы онъ училъ насъ и по Гречески, потому что для этого языка тогда не было еще особеннаго учителя, а между тѣмъ намъ хотѣлось получить чины. Дружининъ схватилъ Демосвена и заставилъ переводить. Мы переводили худо; онъ сыпалъ всевозможными ругательствами. Наконецъ классъ кончился. Дружининъ раскрылъ журналъ и, взявъ перо въ руки, обратился къ намъ: „а что то—не прописать ли намъ сегодня апитафійъ?“ Мы наклонили головы въ столы.—„И, орши-кавады, вашираяя теперь!“ сказ. Дружининъ, и не записавъ ничего въ журналъ, ушелъ. Другой анекдотъ былъ съ нимъ дома о Пасхѣ. Домашніе караулили уже, чтобы онъ не выпился; но Дружининъ обманулъ ихъ, сходитъ тихонько изъ дому, купилъ вина, алеролъ въ кухню и купилъ. Наконецъ ему захотѣлось бѣть; онъ вытѣкалъ изъ печи жаркое, досталъ кринку молока, и—печальство парочко или ненарочко—вылилъ молоко въ жаркое. Передъ вечеромъ уже домашніе хитрили его, отворили кое-какъ кухню и напали Дружинина уже спящимъ.....

Въ тогдѣшнее время существовали еще въ Вологдѣ кулачные бои. Этого обычая—кѣмъ-то обійти во всѣхъ мѣстахъ Россіи—вѣроятно имѣя свое начало еще изъ древности. По преданіямъ извѣстно намъ, какъ бывались боицы при дворахъ великокняжескихъ; а о бояхъ въ царствованіе Екатерины можно еще слышать отъ очевидцевъ. При мнѣ въ Вологдѣ бывали бои каждый вечеръ зимой. Дрались всегда семинаристы со всѣми прочими сословіями. Главнѣе мѣста побоищъ были: у Благовѣщенія, на рѣкѣ, и Архангельской улицы и др. а время—погодѣ вечеренъ, когда семинаристы выходили изъ классовъ, и когда всѣ мастера были свободны; потому что въ сумерки они не работали. Начиналось всегда съ маленькихъ, а потомъ вступались и большіе. Съ обѣихъ сторонъ были нѣкоторые известные боицы. Вообще семинаристы отличались трусостью, и на каждомъ бою ихъ жевотомъ были. И всегда любили смотрѣть на эти драки. Однажды случилось, что режущимъ кто-то внушить мысль подраться съ семинаристами. Передъ вечернями они собрались у обихъ воротъ Семинаріи и до 8 часовъ вечера не выпустили ни одного семинариста. Въ воротахъ производился единоборства и овалки.

Изъ университетскихъ воспоминаній я пропустилъ еще нѣчто. Былъ у насъ одинъ студентъ—Вазилевскій. Онъ кончалъ курсы въ Вологодской семинаріи и поступилъ въ Духовную Академію; но не доучившись тамъ, опредѣлился въ Синодъ; получилъ чинъ и поступилъ въ Университетъ. Здѣсь онъ мало занимался, но ужасно много ѣлъ. Къ тому же клѣткою Семинаріи еще ярко означалось на немъ и дѣлало его посмѣяннымъ студентами. Однажды онъ легъ опять въ 7 часовъ и проспалъ, чтобы къ ужину его разбудили. Мы, разумеется, разбудили его тогда уже, какъ столовая была заперта. „Ахъ, чертъ возьми!“ говорилъ Вазилевскій и началъ охать. Противъ обыкновенія не шелъ уже и спать. Между тѣмъ кровать его поставили на другую кровать; наверхъ положили хукулу; по сторонамъ поставили на табуретку 4 сѣнчки. Вазилевскій былъ очень мнительнъ: онъ никакъ не хотѣлъ лечь на кровать, на которой лежала кукла въ видѣ покойника,—и не опалъ всю ночь, да не далъ и намъ спать. А на другой день заболѣлъ и ушелъ въ лазаретъ. На лекціи, внимательно слушая профессора, онъ подпирать голову обѣими руками и такъ скверно вытягивалъ рожу, что нельзя было смотрѣть на него безъ смѣху. Прочувшись въ У-тѣ годъ, онъ задумалъ опять выйдти на службу,—и чтобы освободиться отъ обязанности служить казизѣ, приговорился большими глазами и ушелъ въ лазаретъ. Тамъ онъ пролежалъ мѣсяца 3; слезно ѣлъ и плакалъ и расплакался ужасно. Однажды лѣкарь прописывалъ въ лазаретѣ кому-то рецептъ. Вазилевскій подошелъ къ нему и глубоко вдохнулъ. Лѣкарь спросилъ: „что съ вами?“ Вазилевскій отвѣчалъ: „да что-то скучно!“—„Чтожъ вамъ надобно?“—„Да хоть бы чайку прописали!“ И лѣкарь прописалъ ему чай. Такимъ образомъ, прочувствовавшись большими нѣсколько мѣсяцевъ, Вазилевскій былъ наконецъ уволенъ, и поступилъ на службу въ Синодъ.

Пробыл тамъ съ голъ, опять поступилъ въ своскоитные студенты. Шпагу себѣ купилъ на толкучкѣ какую-то старинную въ родѣ пикаши и заветъ преогромные карманные часы. Мы безпрестанно спрашивали у него: который часъ? Вязтевскій уйдетъ всегда въ уголъ, посмотритъ на часы, и сѣанетъ. Ему было уже за 30 лѣтъ, а онъ учился танцовать. Слѣду было довольно. Сначала онъ поднимать ногу и раскачать, а потомъ уже пойдеть танцовать; и когда въ срединѣ фигуры остановится, приложить палецъ къ носу, и думать—въ которую ему сторону надобно двигаться. Надъ Лѣневскимъ, студентомъ Математическаго факультета одного со мною курса, тоже смѣялись часто. Онъ былъ страстный охотникъ играть на флейтѣ и на скрипкѣ. Какъ только отобѣдаютъ мы, Лѣневскій беретъ за скрипку и начинаеть играть.... Невозможно слушать! Тогда Копосовъ лезетъ на табуретку и начинаеть хлѣбѣ такъ ужасно, что надобно уши заткнуть.... Сидѣть только и можно было выгнать Лѣневскаго. Мнѣ какъ-то вѣдуналось написать стихи, въ которыхъ выставлены были характеристическія черты многихъ студентовъ. Жаль, что эти стихи теперь не сохранились, а на памяти я худо помню. Вотъ какъ они начинались:

Друзья! вотъ у меня прекрасное созданье
Хотите посмотрѣть? назовите: вотъ Чертковъ
Въ мундирѣ глупое созданье;
Вотъ и Дубравинъ—черный жукъ,
Блота Арабскія, паукъ;
Вотъ Кеншинъ—плутъ подъ ъбдиною,
Вотъ Шведтъ—въ наравильскихъ кудряхъ,
Бушмакинъ—съ мѣдной головою;
Баршевскій—съ грубою, въ очкахъ;
Леоитевъ—мокрая улитка;
Вотъ Дорогой—живая нитка,
Точъ въ точъ съ цѣпочкой Круадегъ;
Вотъ и Поляно—нашъ поэтъ;
Идемъ ъбщевія любовники;
Вотъ Ревкукъ—самъ толстѣкъ полковникъ;
А вотъ и Копосовъ—барбось;
Вотъ Каслеръ—страшный математикъ;
Лѣневскій—формульной лунатикъ;
Вотъ и Ленчевскій—длинный носъ.

И пр. и пр. и пр.

Эти стихи по секрету разошлись между всѣми студентами, и послѣ уже кто-то написалъ къ нимъ прибавленія, впрочемъ довольно глупыя. Въ отати

объ стихахъ. Григорьевъ написалъ пѣню, которая тоже разошлась по всему У-гу, и мы пѣли ее на всѣхъ сходкахъ. Вотъ она:

Наливайте, наливайте,
Друзи! пѣннаго вина;
Выпивайте, выпивайте
Чаши полныя до дна.

То-ли дѣло жизнь студента!
Всякой день онъ сытъ и пьянъ,
Безъ бумажнаго патента
Онъ въ покоѣхъ капитанъ.

Что чины, богатство, слава,
Пряжки, ленты и кресты?
Это дѣтская забава,
Это дѣтскія мечты.

Звонъ бутылочекъ прелестныхъ,
Полушторфиковъ трезвонъ,
Словно звуки арфы небесныхъ
Тянетъ душеньку всю вонъ.

Дайте жъ, други, штофъ и рюмку,
Карты, четки и мылокъ,
Да раскуренную трубку
И я—маленькой царекъ.

Ну, послѣднее желанье:
Пусть придетъ къ намъ иногда
Это милое созданье,
Черноокая моя!

Вашмачекъ ея красивый
Смыло приступомъ возьмемъ,
Пощьлуемъ ножку милой,
И кипучаго нальдемъ.

И скажу вамъ—выпивайте
Въ честь красавицы моей,
Да порою вспоминайте
Дивный блескъ ея очей.

Голосъ этой пѣсни тотъ же самый, какъ и Карамзинской! Врѣмя! рюмки наливайте!

Григорьевъ былъ маленькаго роста, ходилъ всегда согнувшись, а голову вытягивалъ впередъ, и любилъ подъ чашку выпить съ приятелями. Съ нимъ случилось много анекдотовъ, вотъ одинъ изъ нихъ; это было еще въ старомъ У-тѣ. Мы стояли въ церкви за пасеюшкою и пѣли на крылосѣ. Вдругъ въ половинѣ пасеюшныя является Григорьевъ пьяной. Не видя ничего, онъ идетъ по церкву, и вмѣсто того, чтобы идти на крылосѣ, поворачиваетъ въ народъ, и воображая, что онъ уже на крылосѣ между студентами, запѣлъ: „Господи помилуй!“ Вотъ анекдотъ о другомъ студентѣ—Страшинскомъ. Онъ получалъ, единицу на экзаменѣ у Крылова. Крыловъ въ то время читалъ статистику, и любилъ брать ваята. Страшинскій, взявъ съ собою свой серебряный сервизъ, отправился къ Крылову, и дожидается его въ залѣ. Какъ только Крыловъ показался изъ дверей кабинета, Страшинскій, поставивъ сервизъ на окошко, подходитъ къ Крылову и проситъ переменить отъѣздки. Крыловъ сначала отказывался, но взглянувъ на сервизъ, согласился и тутъ же изъ единички сдѣлалъ четыре. Страшинскій благодаритъ его, беретъ съ окошка сервизъ, и уходитъ. Т. евр. Крыловъ и остался въ дуракахъ: отъѣздки переменить было нельзя; потому что вѣдомость была бытовая, да притомъ этимъ ясно надобно было показать, что онъ падѣлся получить сервизъ.

1838 года 26 Марта въ У-тѣ былъ актъ, первый еще по переводѣ У-та на Васильевскій островъ. Посѣтителей—мужчинъ и дамъ—было тысячъ до трехъ. Билеты были трехъ разборовъ: благородныхъ—розовыя, высокоблагородныхъ—голубыя, а превосходительныхъ и сіятельныхъ—бѣлыя. На актѣ Никитенко читалъ о наибольшемъ составѣ теоріи словесности, а Шульгинъ—исторію университетъ. Послѣ акта все посѣтители вышли въ библиотечку, которая представляла тогда видъ бульвара. Прогулка эта продолжалась около часа. Вечеръ не кончилъ только въ каюкъ день. приѣхавъ Государь, а наутро черезъ двѣ послѣ него Настѣдникъ. Государь на лекціи не заходилъ, а Настѣдникъ зашелъ только минутъ на 10 въ аудиторию къ Устрянову. Довольно было и сѣнцу по случаю этихъ посѣщеній. Государя ожидали медаль двѣ. Въ одинъ день онъ ѣхалъ по Исаевскому мосту и поворачивать къ У-ту. Часовой тотчасъ далъ знать. Въ У-тѣ поднялась страшная тревога. Мы въ это время сидѣли на лекціи у Порошина. Это былъ третій часъ въ исходѣ. Солдатъ Московскій, который въ это время

быть, ить сборныхъ залахъ и держалъ въ рукахъ аяконъ. съ испугу зазвонилъ. Мы думали, что уже 8 часа и пошли съ лекціи, но намъ закричали: Государь прїѣхалъ! и мы вернулись. Рождественскій, профессоръ правъ, сочинитель популярной логики, читалъ въ это время у юристовъ 2-го курса. Онъ дотогу перепугался, что вскочилъ съ кресла, и началъ свою лекцію снова словами: милостивые государи! въ прошедшій разъ мы говорили..., и пр. Экономъ въ это время побѣждалъ вычѣмъ-то наверхъ, но добывая до середины лѣстницы, присѣлъ и съ глубокимъ вздохомъ сказалъ: „ой, не могу больше“.... Между тѣмъ оказалось, что Государя нѣтъ: онъ проѣхалъ мимо У-та въ Марининскую больницу. Провѣдавъ это, студенты начали пугать Рождественскаго: вдругъ зашумѣть—идеть, идеть! и Рождественскій побѣднѣетъ и кончить съ мѣсто. Государи, былъ послѣ этого еще чрезъ нѣсколько дней. Кромѣ актовъ, были въ У-тѣ часто собранія по случаю защищенія докторскихъ и магистерскихъ диссертаций: при мнѣ было такихъ защищеній до 30! Всего больше отличился Неволинъ, а Устрялова нашего Плетневъ просто шибалъ.

Когда мы кончили курсъ, студенты трехъ первыхъ курсовъ сдѣлали для насъ правдникъ. Всѣ они сложились по 10 рублей, выбрали мѣсто на берегу озера въ Парголово, накупили вина и приготоили кутяжъ. Каждый долженъ былъ приѣхать туда въ сюртукѣ, въ фуражкѣ, со своей трубкой и табакосъ. Кто имѣлъ свой экипажъ, тотъ ѣхалъ, разумеется, на своихъ; но большая часть пошла omnibusъ. Собралось вдругъ omnibusовъ до 10; на крышѣ передняго стоялъ студентъ Воронинковъ, высокаго роста, съ волторной въ рукахъ. Подъѣзжая къ заставѣ, онъ закричалъ. Всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на эту процессію. На правдникъ было всего человѣкъ до 400: пили, ѣли, дурачились и пр. почти до утра. Съ тѣхъ поръ этотъ правдникъ дѣлается ежегодно.

Ульянинъ рассказывалъ мнѣ, что Крыловъ (баснописецъ) былъ у нихъ на вечерѣ. Это было въ 1836 году. Въ залѣ танцевали. Крыловъ сидѣлъ на стулѣ и смотрѣлъ на танцующихъ; но только вадремалъ, повалился на бокъ, подломилъ стулъ, и гранулся на полъ. Плетневъ рассказывалъ, что Карамзинъ, занимался исторіею, вставалъ всегда утромъ въ 9 часовъ, и тотчасъ же отправлялся съ женою гулять; въ 10 часовъ пилъ чай и садился закиваться до обѣда. Въ это время онъ уже не принималъ никого. Въ 5 часовъ обѣдалъ и отдыхалъ до 7: съ 7 до 8 занимался: а почему выходилъ въ гостинову къ семейству. Въ это время дѣверъ была отворена для всѣхъ. Въ 11-ть часовъ опять уходилъ въ кабинетъ и занимался до 1-часу. Такъ жилъ онъ все время, когда писалъ исторію;

IV.

Псковъ и Лифляндія.

Жизнь во Псковѣ мнѣ сначала очень нравилась. Климатъ прекрасный и очень благораспорядившій; при вѣздѣхъ почти домъ садъ, гдѣ на открытомъ воздухѣ растутъ разныя сорта яблокъ, вишни, сливы, крыжовникъ и др. Горы дровяныя; кругомъ его стѣны съ бѣлками; много старинныхъ домовъ, самыя названія улицъ и кварталовъ напоминаютъ о временахъ республиканскихъ. Рѣка быстрая и широкая. Въ городѣ находится дворянский штабъ и постоянно стоитъ Ксатерияноулавскій гренадерскій полкъ. Гимназія тоже понравилась съ перваго разу. Директоръ показался человѣкомъ очень добрымъ, Инспекторъ—тоже. Оба они приѣхали во Псковъ за нѣсколько дней до меня: одинъ переведенъ быть изъ Архангелска, а другой изъ Новгорода. Жить я вмѣстѣ со Студетскимъ и Варавовскимъ. Перваго явилъ уже и прежде, учившись съ нимъ вмѣстѣ съ самаго дѣтства, а втораго зналъ въ У-тѣ: онъ былъ малоросль, прекраснѣйшій, благороднѣйшій и умный человѣкъ. Прочіе учителя тоже хорошіе люди. Жили мы на Завалъцѣ, т. е. за рѣкой Великой, опера въ флигелѣ, а потомъ въ домѣ Петергофскаго священника. Домъ былъ большой, и потому мы взяли еще къ себѣ Котонича и Молоховца, учителя правоуѣденія, только что прибывшаго изъ Петербурга. Остало быть всѣ мы были студенты одного У-та, и жили дружно. Знакомыхъ сначала я не имѣлъ никого. Единственнымъ мое развлеченіемъ составляла бесѣда съ товарищами и Гимназія. Учителки, можно сказать, боготворили меня. Директоръ очень любилъ меня, но Инспектора мы скоро узнали хорошо: это былъ въ превосходной степени дуракъ, подлець, и шарлатанъ; однимъ словомъ, нѣльзя ничего представить себѣ отвратительнѣе этого човѣка. Фамилія его Баромъ Мену.... Гадко даже вспоминать объ этомъ човѣкѣ; лучше плюнуть, и не говорить ни слова. Жаль только было того, что онъ обратилъ къ себѣ въ руки директора и игралъ имъ, какъ куклой. Такимъ образомъ вся осень прошла у меня въ томъ, что я ходилъ въ классы и сидѣлъ дома: здѣсь мы разговаривали безпрестанно о подвостяхъ инспектора, и иногда ходили гулять. А наединѣ и занимался Нѣмецкимъ языкомъ. Приближались слятки. Одинъ изъ учениковъ Мендѣмъ пригласилъ меня ѣхать съ нимъ въ *Гомеодокое*—имену, гдѣ жили его родители, и находящуюся въ 180 верстахъ отъ Пскова. Я разумеется охотно соглашуся; потому что по недостатку въ деньгахъ въ П-тѣ ѣхать не могъ, а во Псковѣ ничего не ожидалъ кромѣ скуки. За нами присланы были лошади и мы поѣхали въ бричкѣ, потому что снѣгу не было еще ни одной снѣжинки, несмотря на то, что было уже 22 Декабря. Поездка была чрезвычайно интересна для меня; потому что я видѣлъ новыя мѣста, новыя быта и слышалъ новый языкъ Латышей. Жаль только, что время было очень неблагоприятно для прогулки; потому что въ первую же ночь выпалъ снѣгъ и покрылъ всѣ картины

однимъ покрываломъ. 24 числа мы прибыли въ Голгофское. Баронъ и Баронесса приняли меня очень радушно, и я засидеть весело. Баронъ худо говоритъ по русски, а Баронесса—прекрасно. Съ перваго дня Рождества начались балы. Къ Менгдену наѣхало множество гостей, и гостили у нихъ два дня. Каждый день мы танцевали. Звѣсь я очень коротко обѣднелъ съ сиколонскимъ Барономъ Менгденомъ, двоюроднымъ братомъ того, у котораго гостили я, съ отставнымъ кавалергардскимъ генераломъ Каленомъ и съ братомъ его отставнымъ кавалергардскимъ полковникомъ Каленомъ. Они полюбили меня, какъ роднаго. Изъ барышень были: двѣ сестры Левинъ—очень хорошенькія, Тизингаузенъ, я мѣняла дочь полковника Калена. Черезъ 2 дня мы все въѣздъ поѣхали въ Сиколно, къ двоюродному брату Менгдена, тоже Менгдену. Эта мѣла была въ 9 верстахъ отъ Голгофскаго. На дорогѣ случилось очень интересное происшествіе. Впереди всѣхъ на тройкѣ ѣхалъ генералъ Каленъ. За нимъ на парѣ я съ Левиномъ, который самъ и правилъ. За нами на парѣ рысаконъ какая-то старая барышня M-lle Collin. Она хотѣла насъ обогнать и потому приказала гнать во весь духъ. Только снѣгъ на началъ равниться съ наливки, какъ передняя лошади бухнула въ канаву, открытую сѣногной; кучеръ черезъ облучекъ, а барышня головою въ снѣгъ и ноги къверху. Мы тотчасъ остановились и начали вытаскивать ее. Между тѣмъ на сцену эту безпрестанно наѣзжали сани сами за санями. Хотѣли было довольно. Въ Сиколнѣ послѣ обѣда начали танцевать. Полковникъ Каленъ заставилъ меня вальсировать съ отаршею дочерью; я сначала отказывался; потому что у меня голова кружится; но наконецъ долженъ былъ вальсировать. Все кончилось благополучно. Каленъ подвѣлъ другую дочь; у меня голова кружилась уже порядочно; но долженъ былъ уступить настоятельной просьбѣ—и вальсировать. И этотъ вальсъ кончился благополучно. Вдругъ генералъ Каленъ подводитъ Тизингаузенъ, тетку хорошенькой Тизингаузенъ; нечего дѣлать; прошать и съ ней туръ; голова кружилась страшно; только мы останавливаемся, какъ вдругъ толстой сиколонской Баронессой, вальсируя не помню съ кѣмъ-то, хватилъ меня въ спину своей задницей, такъ что я повалился со своею дамой. Разумѣется, все кончилось смѣхомъ,—и Калены безпрестанно твердили мнѣ объ отаршѣ. Изъ Сиколны ѣхали мы на мызу къ Цейману, а послѣ въ Тизингаузенку. Все время проводили весело; танцевали, катались, пили и ѣли. Возвратясь въ Псковъ, я жить попрежнему, довольно скучно.

Между тѣмъ я получилъ уроки: у димитріеваго генерала Розена—училъ сына, и еще сѣдлаго полка Адама Гуронскаго, лицо замѣчательное во время Польской Революціи. Уроки эти получилъ вотъ по какому случаю. Передъ Рождествомъ былъ у насъ актъ. Я читалъ сочиненіе—о состояніи Русской литературы во второй половинѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Сочиненіе это произвело сильное впечатлѣніе на слушателей. Тотчасъ же старый вице-губернаторъ Деде-

жить попомнил ю мѣя и просить быть въ нимъ знакомымъ. Розенъ и Куровскій просили давать уроки: первый—сыну, а второй себѣ. У Розена старшая дочь. Ольга—была очень хорошенькая; впрочемъ я не выхажь на нее никакихъ впечатлѣній. Квартира моя въ это время была уже около Покровской балки, недалеко отъ Ваториана пролома, на берегу Вехиной. У насъ была прекрасная садъ.

Кончилисъ экзамены; за мной и за Менгденомъ присылали лошадей—испая четверня съ бричкой. Я былъ въ восторгѣ. Лифляндія чрезвычайно понравилась мнѣ. Побѣдилъ эта у меня описашь; я выбиралъ изъ прежняго описанія только то, что болѣе интересно.

Мы отправились 21 Июня, въ четвергъ, въ 9-мъ часу вечера. Надо было признаться, что я отправлялся изъ Лифляндіи съ такими же чувствами, съ какими, бывало, отправлялся домой изъ Петербурга. Разнообразіе впечатлѣній,—другая природа, другія лица, другіе обычаи, радужный пріемъ въ семействахъ, которое считало меня почти своимъ родственникомъ,—вотъ что оживило меня впередъ. Менгденъ, когда мы уѣхали, сказалъ: *браутесъ*, т. е. побѣдая, —и мы выѣхали со двора. Съ громомъ катились мы по Псковской мостовой. Студентскія и Баранковскія галопировали верхами. (Студентскій держалъ въ это время пару лошадей: одну изъ нихъ онъ купилъ у меня; потому что на задомъ до этого я выхаживалъ лошадей въ лотерей; но какъ самъ былъ не охотникъ до лошадей, то и продалъ ему.) Когда выѣхали изъ городъ, солнце закатилось; воздухъ сталълся свѣжѣе: мы остановились у Печерской часовни, въ полуторѣ веротѣ отъ заката. Часовня эта древняя. На отѣнѣ виситъ картинка, аршина 2½ въ длину, изображающая оаду Пскова Ваторіемъ. Работа лубочная. Больше нѣтъ здѣсь никакихъ украшеній. Мы надѣли шинели, простились со Студ-нѣ и Вар-мъ и пустились далѣе. Сумерки располагають всегда къ мечтамъ и откровеннымъ разговорамъ. Каждый изъ насъ началъ припоминать и разсказывать бывшее. Наконецъ Менгденъ—удивительный соня, человѣкъ безъ шаръ въ головѣ—скоро задремалъ. Тогда я могъ свободно сосредоточиться въ самомъ себѣ. Золотой рогъ луны прорѣзается на горизонтахъ, и навелъ фантастическія свѣтъ на безмолвную окрестность. Впрочемъ равнины Псковскія очень и даже очень не живописны. Дорога прямолинейно тянется по необозримой степи, упирается хонцамъ своимъ въ горизонтъ: вѣдшь вероту, вѣдшь другую—одна и та же картинка, вѣдшь десять верстъ—и нѣтъ никакой перемены ни въ очертахъ, ни въ краскахъ. Рѣдко покажется какой нибудь лѣсокъ, и еще рѣже какая нибудь деревенька. Слухъ идетъ, что на этихъ равнинахъ было множество дореней, да ждали ихъ развѣдчики; а отъ чего? неважно.

Передъ разсвѣтомъ показались Изборская крѣпость. Она построена на высокой горѣ; архитектура ея такая же, какъ и архитектура стѣнъ и башенъ Пскова. Вен-ока выстроена изъ известкового шипняка; стѣны безъ аубцовъ; нѣкоторыя башни

полуразвалились. Мы ѣхали въ деревеньку, состоящую изъ длиннаго ряда плоскихъ домишкоу, и расположенную вокругъ подошвы горы, на которой стоитъ крѣпость. Эта-то деревенька и называется защитнымъ городомъ Изборскомъ. Остатки остались у дьякона. Показъте гдѣ самоваръ, я выпасамъ въ бричку. После чаю пошелъ на курганъ, находящійся въ полѣ позади дьяконскаго дома; и рисовать отсюда видъ Изборской крѣпости. Осматривать крѣпость было некогда. Впрочемъ дьяконъ разсказалъ, что въ лѣтницы въ отъѣздъ развалились, своды подземныхъ ходовъ обрушились,—и сдѣд. нечего было я любоваться. Кромѣ того, дьяконъ разсказалъ еще, что Ст. Ваторія стоялъ подъ Изборскою крѣпостію 7 лѣтъ, что осажденные вынесли наконецъ на башню образъ Божіей Матери, что Она обвинила Короля и навела на него такой страхъ, что онъ ѣхалъ бѣзъ оглядки, что воеводы Русскіе напали на бѣгущія толпы непріятелей и совершенно разбили ихъ. Надныя Ваторія! подумалъ я,—глушій дьяконъ такъ бессмысленно пятнаетъ славою память твою!

Выкорнивъ лошадей, мы отправились въ путь. Минувая астау или—нриѣе сказать—последній огородъ, мы очутились въ чистомъ полѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги лежить множество камней, однкъ подлѣ другаго. На нѣкоторыхъ изъ нихъ укрѣплены небольшіе кресты изъ гранита. Вероятно, во время оно тутъ было кладбище. Посрединѣ возвышается бѣлая каменная часовня, съ рѣзными дверьми и съ двумя окошками. Прадмѣ говорятъ, что она построена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ Труворъ. Ризувѣтея, это вадоръ!

Въ Изборскомъ природа видимо переиждется. Свѣжая валець лѣсовъ пріятно поражаетъ взоръ, утомленный однообразною желтизною вѣсковъ Псковскихъ. Кое-гдѣ вытеснъ рѣчки, и черезъ нихъ живописно переброшены мосты. Погода была пріятная, лошади ѣхали дружно,—и мы весело доѣхали до *Нейгаузена*.

Нейгаузенъ теперь нѣчто иное какъ почтовая станція; только характеръ ея совершенно нѣмецкій. Это пражѣ всего можно замѣтить по столбу, на которомъ написано: von Rybow 76; von Riga 241. Потому вы подъѣдете къ большому деревянному дому, выразившему синесѣрою краскою. Передъ окнами расставены шпиль съ нѣмецкою аккуратностію. По широкой лѣстницѣ, усыпанной бѣлымъ пескомъ, вы войдете въ свѣтлыя сѣни. Здѣсь двѣ двери: въ право или въ лѣво поведете вы—ное равно; потому что весь домъ дѣлится на двѣ совершенно одинаковыя половины. Мы вошли въ правую половину. Кучеръ внесъ за нами корзинку съ съѣстными припасами. Обѣдъ кончился живо: дичина и пироги ночевали какъ на огнѣ. Я закурилъ трубку и отправился гулять. Сходя съ крыльца и минувая палисадникъ, я забылъ, что нахожусь не почтовой станціи, и прѣтается мысленно въ Швейцарію. Въ самомъ дѣлѣ мѣстоположеніе здѣсь обворожительно. Маленькая рѣчка, раздѣляясь на множество рукавовъ, гремнитъ между живописными горами. Орѣшники и липы зелѣютъ по крутымъ берегамъ ея. На одной горѣ,

очень крутой и высокой, торчать развалины замка. Придерживаясь за куоты, я вместе с Менгденом взобрался наверх: Сь этой стороны, т. е. сь западной, стѣны и обѣ башни сохранились еще довольно хорошо. Во внутренности стѣны сохранились еще остатки узенькихъ лѣстницъ. Внутренность же башенъ не представляеть ничего замѣчательнаго: все обрушилось, или уже готово обрушиться. Подъ башнями есть какіе-то погреба, но спуститься въ нихъ нельзя. Мысленно только бродить я по этимъ темнымъ ямамъ, видѣть и осязать тамъ кое-что, но ... не ручаюсь за истину! Говорятъ, нѣсколько латышей спустились однажды въ одинъ подвалъ по веревочной лѣстницѣ, нашли тамъ много серебряной посуды и другихъ вещей; но правительство запретило дѣлать подобные поиски: потому что искатели этихъ, такъ называемыхъ, кладовъ, роютъ подъ стѣнами, разрушаютъ мало по малу древность. Сь сѣверной стороны торчатъ только половина башни, а стѣны нѣтъ и въ поминѣ. На восточной и южной сторонѣ вѣсто стѣны и башенъ лежить только огромная куча камней. Мальчишки для забавы сбиваютъ ихъ въ кизъ. Сь югозапаа бродили мы по развалинамъ. Скажу: „вотъ прекрасный случай пометчать и написать нѣсколько Байроновскихъ куллетовъ!“ Правда, но здѣсь не было ни луны, ни звѣзда, а солнце жгло такъ сильно, что у меня разболѣлась голова.... Вотъ и поэзія!

По южному склону горы мы сошли внизъ. Здѣсь рукава рѣчки, переплетаясь между собою, образовали множество острововъ. Липгариттъ—аландецъ Нейгаузенъ—развелъ здѣсь садъ. Утомленные и дороною, и жаромъ, мы легли подъ тѣнью липы и заснули подъ шумъ рѣчки. Вняніе овецъ и барановъ разбудило меня. Смотрю, цѣловъ стало этихъ невинныхъ созданій лежить кругомъ меня. Вотъ прекрасная картина! Для полноты ея недоставало только пастушки. Я взглянулъ на часы: ровно шесть. Мы поспѣшили на станцію. Лошади давно уже были запряжены, и кучеръ ожидалъ насъ.

До корчмы Земарегофъ, гдѣ мы располагали почевать, считается отсюда 22 версты. Мы думали прѣхать туда къ закату солнца. Вѣдемъ; лошади бѣгутъ довольно скоро; кучеръ безпрестанно хлопаетъ бичемъ. Погода прекрасная: жара опять замечательно; прохладный вѣтерокъ появляеться въ полночи. Мы углублялись болѣе и болѣе въ средину Лифляндіи и почти осязательно встрѣчали новые вартыны. Большия, красивые горы и густые липовые лѣса улаждали зрѣніе. Мы часто выходили изъ брички: множество земляники, разсыпанной по пригоркамъ, соблазнить хотъ кого. Наконецъ солнце опустилось уже довольно низко. Вечеръ дохнулъ свѣжо и благовоно. Кучеръ нашъ съ своимъ маленькимъ товарищемъ, мальчикомъ лѣтъ 10, который исправляеть должность лакея, пѣтъ по-латышски священные лѣтосчисленія плѣни. Дозво прислушаться я къ этимъ заунывнымъ звукамъ и рѣшилъ, что наши православные гимны гораздо музыкальнѣе. Нантубачу попадалось намъ множество Латышей. Лошади ихъ были наряжены въ

рогатые яблочки, сплетенные из березовых и липовых прутьев. Это было для меня ново и смѣшно. Мнѣ объяснили, что Латыши всегда наряжают такъ лошадей своихъ въ канунъ Иванова дня—самого большаго ихъ праздника.

Но вотъ и Земегорофъ. Мы остановились. Кучеръ полезъ на крыльцо корчмы, переговорилъ съ какимъ-то высокимъ, усатымъ Латышемъ, покачалъ головой, развѣлъ руками, и подожди къ брѣчкѣ объяснитъ М-ну, что надобно ѣхать еще 15 верстъ до Мариенбурга; потому что здѣсь нѣтъ ни сѣна, ни ора. Мнѣ очень не понравилось такое извѣстіе: я хотѣлъ быть въ Мариенбургѣ не иначе какъ утромъ, чтобы осмотрѣть развалины. Но дѣлать нечего: завернувшись въ плащъ и задремать.... Просыпаюсь—свѣтло; смотрю на часы: ровно пять. Съ нами крестная ома! неужели все еще не пройхали этихъ 15 верстъ.—„Куръ верстъ Мариенбургѣ!“ спросилъ я кучера. Онъ усмѣхнулся только, и хлопнулъ бичемъ.... Я думаю, что онъ не помнитъ моего Латышскаго языка, и потому разбудилъ М. Но и М-ну кучеръ далъ тотъ же отвѣтъ. Между тѣмъ, покажица мы соображали и догадывались—что бы это такое значило, передъ глазами нашими развернулось знакомая картина. На правой сторонѣ дороги стояла большая корчма, нѣтъ-то вверхъ до самаго горъ тянувшая липовая аллея и на концѣ ея двухъ-этажный каменный домъ. Я тотчасъ узналъ *Земитингофа*, милого тавер. Калена, но все еще не хотѣлъ вѣрить глазамъ. Отъ Нейгаузена до Земитингофа ровно 70 верстъ, и мы пройхали это пространство не корчм; потому что въ Мариенбургѣ также не нашли сѣна. Я былъ радъ я не радъ такому—можно сказать—Пиррасскому изходу нашему лошадей. Радъ потому, что теперь оставалось только 20 верстъ до Голгофки. А не радъ потому, что не видать Мариенбурга. На возвращномъ пути я былъ счастливъ: покажица перепрыгали лошадей, я успѣлъ срисовать видъ Мариенбургской крѣпости. Она расположена на островѣ не широкаго, но длиннаго озера. Огнны и башни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже повреждены; нѣтъ ихъ такая же, какъ и Псковскихъ. На противоположномъ берегу видна красная мыза Барона Фитингофа. Но это было отступление.—Мы подѣхали къ корчмѣ Земитингофской и расположились отдыхать. Теперь можно поговорить на досугѣ о Лифляндскихъ корчмахъ. Это просто длинный одноэтажный домъ, сдѣланный изъ прутьевъ и глины, покрытый или черепицею или соломою. Огнны снаружи обдраны какъ губка. Съ наружной стороны приделано нѣчто вродѣ галлерей на столбахъ, съ деревянною крышею; это такъ, для прохлады въ жаркіе дни. Крыльцо приделано такое снаружи между вторымъ и третьимъ окномъ. Въ войдетѣ прямо въ большую комнату, выстланную известковыми плитинками и усыпанную пескомъ. Подлѣ парадной сѣдни, черепъ всю комнату занимаетъ столъ, и по обѣимъ его сторонамъ скамейки. Здѣсь обѣдаютъ прѣзвіе крестыне. Для нашего брата есть собѣдкая комната, нѣтъ-то. Тамъ есть и кровать, и постель: все опрятно и чисто. Семейство корчмаря живетъ въ задней половинѣ дома. Въ

задней стѣнѣ большой комнаты вы увидите не дверь, а половину двери,—т. е. одна только нижняя часть ея открывается, а верхней вовсе нѣтъ. Эта половина дверей служитъ стойкою, за которую сидятъ хозяинъ. Если вамъ хочется пить, подойдите къ стойкѣ и скажите: „дотъ мавъ бутель албей?“ (Дая мѣ бутылку пива.) Корчмаръ скажетъ: „д, я,“—и тотчасъ принесетъ вамъ погроба бутылку (такую точно, въ какихъ продается у насъ малага), оботреть ее фартукомъ, потянуть за ланку, свернутую жаровочкой и вбитую въ горлышко вмѣстѣ съ пробкою, пробка хлопнетъ, и довольный хозяинъ, проговоривъ громко: „миде албей“, (хорошее пиво) нальетъ стаканъ. Вы выпьете его съ большимъ удовольствіемъ; потому что Лифляндское пиво имѣетъ хорошій вкусъ. Бутылка стоитъ 10 копѣекъ. Хрестіанское пиво продается не бутылками, а кружками; оно нѣсколько хуже. Вотъ маленькое понятіе о Лифляндской корчмѣ. Въ онѣ строятся на одинъ обрамешъ. Остало быть это не то, что наши постоялые дворы, гдѣ все галко и нечисто, а деньги берутъ олавно. Между тѣмъ въ корчмѣ за хорошую постель берутъ только 20 коп., за самоваръ тоже 20 к.

Итакъ я говорилъ, что мы приехали въ корчму Зальтингофскую. Знакомый Латышъ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ. Мы узнали отъ него, что Калева нѣтъ дома: онъ уѣхалъ въ Синолино. Мы вошли въ комнату, хотѣли было пить чай, но не нашли ни самовара, ни чашекъ. Нечего дѣлать! Я сѣлъ подъ окно. Сегодня Ивановъ день. Передъ окнами корчмы стоитъ кирхъ. Къ ней толпами собравшаяся народъ: мужчины и женщины сидѣли на лужокѣ, въ ожиданіи пастора; а дѣти играли вокругъ нихъ. На головахъ у мужчинъ были маленькія шапки съ широкими полями; коротенькія камзолы покрывали стѣтъ; изъ подъ него видны были штаны до колѣна, а дѣтъ чулки, переплетенные тесемками, прикрѣпленными къ башмакамъ. Длинные волосы локонами опущены до плечъ. На шеѣ выступаютъ воротничекъ рубашки. Галстукомъ и борода нѣтъ. Головы женщинъ закутаны въ платки, подвѣсанные у подбородка, а сверху надѣты мясистыя мужскія шапки. На плечахъ шерстяная шаль голубого или бѣлаго цвѣту. Потому что-то вродѣ другая съ пуговицами напередѣ и съ карманами на бокахъ. Нѣкоторые, усажившись въ кружокъ, пѣли духовныя пѣсни. Надобно знать, что въ Лифляндіи при каждой кирхѣ есть училище: кистеръ учитъ Латышей Закону Божію и нѣвию.— Покаивотъ лошади отдыхали, мы долго гуляли по окрестностямъ Зальтингофа. Садъ былъ запертъ, а ключъ не знали у кого спросить. Впрочемъ въ это время (въ послѣднихъ числахъ Іюня) садъ еще не очень интересенъ; потому что фрукты не созрѣли.

Въ 10 часовъ выѣхали мы изъ Зальтингофа. Здѣсь дорога идетъ по горамъ, и потому ѣзда очень затруднительна: надобно безпрестанно выходить изъ экипажа. Зато весело для глазъ! Вотъ наконецъ, поднявшись на одну гору, мы увидѣли издали широкій садъ и при немъ анакомый домъ; голубой флагъ по-

докался въ воздухъ.... Вотъ и Голгофское! Черезъ полчаса мы были у крыльца. Латыши и Латышки начали обогатятся отъ вѣтра утловъ мысли, чтобы поапортоваться отъ своимъ *кумичиломъ* (молодой баринъ). Они цѣловали руку сперва М., а потомъ мою, и мы говорили каждому: *лабе діена* (доброй день). На крыльцѣ встрѣтило насъ очень толстое оущество, съ ключами въ рукахъ и въ огромномъ чепцѣ. Послѣ длиннаго нѣмцащаго привѣтствія и тяжелаго киникона, она отрекомендовала себя экономкою, сказала, что оставлена здѣсь только до нашего приѣзда, и что нѣмбѣтъ отъ нами должна ѣхать къ морю. Мы попросили приготовить обѣдъ. *Итали надежды мои лопнули!* Кучеръ дорогого говорилъ намъ, что новая экономка—очень маленькая француженка.... а теперь, я увидавъ, что это просто толстая нѣмка.

Въ ожиданіи обѣда мы жестоко поѣдали въ саду ягоды, а послѣ обѣда гуляли въ лѣсу и катались въ допотопъ по маленькой рѣчкѣ, которая протекаетъ здѣсь. Часу въ 6-мъ перешли въ поѣхали въ Синолино, въ 9 в. отъ Голгофска, къ Эрнсту Менгдену, двоюродному брату Бориса Менгдена, голгофскаго Барона. Передъ воротами въ 2 вер. отъ мызы мы встрѣтили всѣхъ синолинскихъ дамъ, съ ними былъ и самъ Баронъ—мушкетеръ 10 роста, въ бѣломъ сюртукѣ, съ черными усами, въ огромной шляпѣ,—и гевор. Калентъ—таже въ бѣломъ сюртукѣ, съ маленькими усами и съ сигарою въ зубахъ. Всѣ они встрѣтили меня очень радостно. Калентъ точнось спросилъ: «ау что, Ник. Ин-чъ, а вальсъ макнетъ? Я опять подведу къ вамъ старуху! хахтите ее о пещку, пусть же помнитъ, старая вѣдьма!» Цѣлую дорогую, пока шли къ дому, хохотали вспоминая бывшее. Самозаръ уже кипѣлъ на столѣ, когда мы вошли въ столовую. На диванѣ сидѣлъ оѣдой оѣпенцъ, въ коричневомъ сюртукѣ, и разговаривалъ съ какой-то старухой. Синолинскій баронъ отрекомендовалъ ему меня. Слѣпецъ всталъ отъ мѣста, обнялъ меня и поцѣловалъ. Это была родная дядя по отцу Бориса Менгдена. Онъ служилъ въ кирасирахъ подъ начальствомъ Потемкина и Суворова, былъ подъ Очюкомъ и Намаломъ, оствѣтъ еще въ молодыхъ лѣтахъ, и съ тѣхъ поръ живетъ въ своей мызѣ, недалеко отъ Валька. Вечеръ провелъ я весело. Калентъ по обыкновенію путникъ безпрестанно. Передъ закатомъ солнца, Баронъ далъ мнѣ прекрасную кобылку, и я прокатился на ней до корчмы и назадъ. Послѣ ужина, часу въ 12, мы возвратились въ Голгофское.

На другой день, уже поздно утромъ, мы снарядились въ дорогу. Я съ М. сѣлъ въ задокъ брички: экономка помѣтничавъ, впереди, а ея огромная желтая шляпка качалась на плурикѣ въ орадинѣ брички. Прикалникъ поцѣловалъ у насъ руки, сказалъ: «*ардѣво*», (съ Богомъ)—и мы поѣхали. Я съ любопытствомъ смотрѣлъ на окрестности. Сидѣ, корчма, латышскія избы проѣзжали мимо брички; передъ глазами открылся равнина и по ней въ отдаленіи тянулася цѣль горъ, увѣчаннахъ лѣсомъ. Впереди на самомъ краю горизонта сіялъ золотой плѣтухъ

нѣмецкой кнрих. Тамъ была черная черта дерева, оканчивавшаяся домомъ. Это *Адлейн*—имя Тивогтунентъ. Кое-что шевельнулось въ сердцѣ, кое-что мелькнуло въ головѣ; но мы повернули направо, и картина перемѣнилась. Мы опять должны были подниматься съ горы на гору; то вѣшать въ ореховой лѣсохъ, то вѣшать на берегу какого-нибудь озера, которыхъ здѣсь очень много. Живописныя мѣста (такъ-п какъ мѣста принад. Шереметеву) развертывались албои и тамъ. Солнце горѣло высоко. Вѣтеръ чуть-чуть вѣять съ долинамъ; только одинокой жалкій крикъ, не зная какой-то птицы, разлавался съ сосѣдняго озера. Латыши говорятъ, что нѣкогда въ этомъ озерѣ потонулъ ямщикъ, заблудивъ въ потемкахъ въ воду. Душа его превратилась въ птицу, которая съ тѣхъ поръ всегда, завидя ирѣваннаго, летитъ на выпасамъ и кричитъ на птичьемъ языкѣ: держи правѣ, чтобы предостеречь неосторожнаго отъ подобной участи. Въ самомъ дѣлѣ, эти птицы летѣли всегда параллельно съ запряженъ и кричали очень жалобно. Между тѣмъ толстая эконома болтала безъ умолку: пересказала, вконецъ, все, что случалось съ ней и съ ея родными въ жизни, и все это сопровождала жестикуля. Я, разумеется, не слушала: потому что худо понимала по-нѣмецки; а товарищ мой былъ церемоннѣ спать. Въ 2 часа мы остановились у корчмы *Дамм*. Я изурлилъ трубку и пошеть гулетъ: во окрестности здѣсь самая прованскакая; илентный огородъ, два-три крестьянскихъ домика, и въ ними небольшой перелѣсокъ. Кругомъ равнина. И ходилъ назадъ и впередъ по дорогѣ до тѣхъ поръ, пока старая эконома показалась на крыльцѣ и пригласила къ обѣду. Послѣ обѣда сидѣлъ на крыльцѣ и курить трубку, выжидая пробажонъ и прохожихъ. Они быстро неслись въ каретахъ: лошади въ пѣнѣ, кучера и лакеи въ пыли; какъ ома выгнать каганъ-нибудь черноглазая голонса, моринетъ, рази два и увезитъ.... Другіе тащились съ восточными за оунами, съ полтами въ рукахъ. Они входили къ корчмѣ и ложились въ тѣни на лунохъ. Какалъ-то слѣпая стапуха сидѣла на нижней ступенькѣ крыльцъ и что-то самымъ жалостнымъ голосомъ распѣвала по-латышски. Меня даже въ тоску бросило.

Въ 5 часовъ мы снова пустились въ путь. Толстая эконома, къ счастью, въ этотъ разъ была не такъ говорлива: вѣроятно ее устало, такъ что пѣлаую станцію она дремала, стучала головой о брычку. Дорога шла по горамъ, въ темномъ лѣсу. При каждомъ подъѣмѣ на гору и выходѣ изъ кареты и отъ нечего дѣлать разговаривалъ съ кучеромъ, который понималъ немного по-русски (пѣть Г. чась изъ другой вучеръ), потому что бывалъ нѣсколько разъ во Псковѣ. Отъ нечего узнать я, что лошади наши назывались: всѣ русскими именами: Принцесса, Далека, Ванья и Милка. Солнце село; кое-гдѣ показались звѣзды; пѣть чась отъ часу рѣдѣла и рѣдѣла. Въ половине 10 мы подъѣхали къ корчмѣ *Дроотен-гофта*. Она стояла на высокомъ холмѣ. Парадъ пѣя разстилался миленькое озеро, или—вѣрнѣе сказать—огромный прудъ; на противоположномъ берегу росло: в

на-за рощи показывается большой домъ. Это мѣст Барона Вольфа. Я выхожу въ бричку. Нѣсколько Латышей, стоявшихъ на крыльцѣ, почтительно сняли шляпы, подошли и поцѣловали у меня руку. Я же зналъ, что это значитъ: но М., поговоривъ съ ними, объявляетъ мнѣ, что они приняли меня за пастора, потому что я былъ въ длинномъ бешкетѣ и съ длинными волосами. Мы вошли въ кухню. Множество Латышей ужинало за длиннымъ столомъ, я перешъ къ-дому стояло по кружкѣ пива. Кормиаръ встрѣтилъ насъ приветствіемъ; лабе *ажарс* (добрый вечеръ) и ввелъ въ особенную комнату. Послѣ легкаго ужина, мы улеглись спать; а экономку отправили въ бричку. Но Барону моему не спалось: вечеромъ онъ сидѣлъ у одного Латыша дару пистолетомъ и кожь—всѣмъ-и-быть признавъ, что это разбойникъ, что ночью переѣдетъ насъ и пр. и пр. Я долго смѣялся надъ милодушнымъ страхомъ моего ученика, и наслука могъ уговорить его спать.

Утромъ мы вѣдали выѣхатъ съ охотникомъ, напился кофе и отправились далѣе. Ученикъ мой сообщилъ о вонъ вчерашній опасенія тохотой экономкѣ. Та обрадовалась новому предмету разговора, и рассказывала столько ужасовъ, сколько не знала и самъ Мадамъ Радклиффъ. Отѣхавъ 16 верстъ, мы остановились подлѣ олки небольшой деревенки, чтобы дать время лошадямъ перевести духъ; потому что теперь до самаго Ронебурга, на разстояніи 8 верстъ, дорога идетъ въ гору по песку. Жалко поскорѣе увидѣть развалины Ронебургскаго замка, я закурилъ трубку и пошелъ впередъ ѣздить.

Было 7 часовъ утра. Солнце грѣло жарко. Самыя скорыя шагамъ подымались я на гору; по обѣимъ сторонамъ дороги тянулся густой лѣсъ. Наполеонъ онъ кончился. Я очутился на вершинѣ высокой горы; оаженіе въ 160 отъ моря, напроно отъ дороги, торчали развалины дѣмка, на крутомъ утѣсѣ. Густой зеленой кустарникъ прикрывалъ основаніе ихъ. Замокъ выстроенъ въ видѣ параллелограмма, съ окнами въ два ряда; крыша, потолокъ, полость и разлѣ мѣтъ; но стѣны цѣлы. Цѣхитуря уже обвалилась, и потому онъ кажется теперь темно-красными; въ пустыхъ окнахъ растетъ высокая трава и маленькія деревца. Весь домъ обнесенъ бѣлы и-и-и-и-и стѣною съ башнями; теперь же все это развалилось. Въ дѣмкѣхъ противъ замка стоятъ красиво выстроенная кирка; а недалеко отъ ней корма, обнесенная ошнами. Противъ нее 5 или 6 шатровъ и нѣсколько балатановъ. Народу множество; всѣ въ праздничныхъ костюмахъ: говоръ, нѣси, пляска, музыка.... Это латышская ямарка. По узонькой тропинкѣ я спустился внизъ. Въ нѣтрахъ оидитъ мелочные торговцы; въ балаганѣхъ торгуютъ сукномъ, ситками, бумажными матеріями. Жидъ играетъ на гусляхъ; маленькой жиденокъ бьетъ въ бубенъ, а сестра его—въ трехъугольный. Нѣсколько Латышей и Латышекъ танцуютъ кадрилъ, нѣсколько похожую на Русскую; старики сидятъ на лугу, любуясь на молодежь. Въ сторонѣ Латышки, стоя въ кружкѣ, поютъ однозвучный свои

пѣони. Скучны нѣ пѣони: ни разгуляя удалаго, ни сердечныя тоски. Я обошелъ ярмарку, и потомъ по усыпанной пескомъ дорожкѣ поднялся на гору, которая возвышается на вершкѣ. Эта гора называется Горой Іоанна Грознаго. Она мысленная. Иванъ Васильевичъ устроивалъ на ней батареи, чтобы стрѣлять по замку. Теперь на ней разведенъ садъ, и сдѣланъ павильонъ. Отсюда я вижу нѣтъ замка. Между тѣмъ спутники мои подѣхали, и мы расположились завтракать. После завтрака я осмотрѣлъ гору. Она садъ образуетъ высокую скалу. У подножья шумитъ маленькая рѣчка. Внизъ можно спуститься по деревяннымъ ступенямъ. Тамъ надъ самою водою есть много пещеръ въ твердомъ вечноломъ грунтѣ скалы. Неизвѣстно, пода рѣчная или рука человѣческая образовала ихъ. Нѣкоторые пещеры очень живописны. Владѣтель замка и его окрестностей—Баронъ Вольфъ—мало заботится объ отдыхѣ своего имѣнія. А между тѣмъ такое мѣстоположеніе, при небольшой помощи со стороны человека, могло бы представлять удивительные предметы для кисти живописца.

Отъ Ронсбурга 20 верстъ до Вендена. Мы ѣхали скорою рысью, и во 2-мъ часу вѣхали въ городъ. Съ перваго взгляда можно уже узнать, что это Нѣмецкій городъ: во всемъ разбѣренность, аккуратность, чистота. Небольшіе, но красивые домики держатся въ возможной опрятности. Мы остановились въ трактирѣ. Намъ отвели очень чистенькую комнату. Сообщая и отправляясь осматривать замокъ, Надобно только выйти на крыльцо трактира, пройти черезъ дворъ, и вы очутитесь на дворѣ Графа Сиверса. Отсюда рѣшетчатые ворота проведутъ насъ въ садъ.—И замокъ, какъ баснословный великанъ, предстанетъ предъ вами во всей своей страшной наготѣ. Маленькая, какъ слѣзавція съ неба деревушка, дѣтъ 10 дѣвочка сидѣла у дверей одной башни, которой гигантская тѣнь давала ей прохладу, и плела рѣнокъ. Я спросилъ ее: гдѣ смотритель замка? Серебряный госпонокъ дѣвочки указалъ по саду и нѣтъ сѣдней сплетенной нѣтъ прутьемъ будки выглядѣлъ старикъ бѣлый, какъ луна, въ сіромъ камзолѣ, въ короткихъ штанишкахъ, чулкахъ и башмакахъ. Я попросилъ его отпереть замокъ. Старикъ вынулъ нѣтъ кармана связку ключей и сказалъ, чтобы мы шли одни; потому что ему трудно ласкаться по крутымъ лѣтвицамъ. Я поблагодарилъ старика двугривеннымъ и отправился одинъ. Венденскій замокъ менѣе другихъ разрушенъ: лѣтвицы и комнаты сохранились, многія даже нисколько не повреждены. Протѣки въ окнахъ зачисты такъ, что слѣтъ въ комнату проходить не прямо, а отравленнымъ, и потому во всемъ замкѣ очень мрачно. Зала, гдѣ бывали главныя собранія рыцарей, сохранилась менѣе другихъ; потолокъ цѣлъ, онъ выкрашенъ пунцовою краской и перочерченъ узелками бѣлыми полосками; полколонны торчатъ какъ одной стѣны. Въ полуразвалившихся простѣнкахъ видны потемнѣлыя лѣтвицы. Полы сдѣлаки уже недовжо новые. Окна нѣтъ; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть желѣзныя рѣшетки. Весь домъ представляетъ видъ креста.

Со средней башни видѣть весь городъ и въ полуверстѣ отъ него живописная развалина Клятерининской церкви. Отъѣвъ кругомъ замка почти уже развалилась. Дворъ поросъ березникомъ; въ окнахъ трава; а по стѣнамъ мохъ. Кругомъ вошло зябко садъ Сигерса. Замокъ на горѣ, и обведенъ ровомъ. На попятномъ пути въ Локоть я видѣлъ Вендлевскій замокъ въ ясную ночь, при свѣтѣ луны и звѣздъ.

Дорога за Вендлемъ очень живописна: она идетъ между горами, нѣрѣдка перегорадитъ намъ путь гремячая рѣчка съ красными мостиками; или развѣвается въ сторонѣ густой садъ съ бесѣдками и нѣтъ за него поднимется высокая домба съ фантомъ и гербомъ. Къ закату солнца мы подъѣзжали къ корчмѣ *Орелъ*, которая стоитъ почти у подношья оченъ живописной горы *Германса-Бергъ*; сѣвѣясь въ 60 отъ ней разстилается озеро. У крыльца прибита доска, съ надписью на Латинскомъ языкѣ: „Корчмаръ Краухъ—закадычный другъ всякаго, кто жаждетъ къ нему“. Милостивая Латинка, какъ-то не встрѣчалъ я во всю дорогу, встрѣтила насъ на крыльцѣ. Это была жена корчмара. Пока готовили ужинъ, я сидѣлъ на крыльцѣ и курить трубку. Солнце закатилось. Воздухъ былъ пріятный и благоуханнъ. Озеро курилось прозрачнымъ туманомъ. На небѣ кое-гдѣ мелькнули звѣзды. Корчмаръ, въ короткомъ камзолѣ, босикомъ, пришелъ съ озера съ цѣлою корзиною рыбы. Хорошенькая жена его вытѣкала настрѣчу, припала кошу и поддѣ крыльца начала чистить рыбу. Я могъ свободно любоваться ея....

Рано утромъ поднялись мы съ ночлега, и къ позднему обѣду прибѣжали въ Лаббашъ. Здѣсь ожидало насъ семейство Барона: они живутъ въ Лаббашѣ только нѣсколько дней, пробадомъ къ морю. Баронъ и Баронша приняла насъ съ почетомъ; цѣлый день поили и кормили какъ убой. Передъ вечернимъ чаемъ ѣздили въ лодкѣ черезъ озеро, что-е разотилается за домомъ. Тамъ есть прекрасная мѣста для купанья. Вечеръ провали въ бесѣдкѣ на берегу озера. Слѣдующій день прошелъ въ прогулкахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду. До моря отсюда 7 верстъ; но на вечерней зарѣ, при сильномъ вѣтрѣ, мы долго слушали громовой шумъ его. На слѣдующій день Баронъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить все къ нашему приѣзду. Мы отправились послѣ обѣда. Я съ Бароншею помѣстился въ коляску, въ когаль у насъ была гориллиная; а ученикъ мой поѣхалъ верхомъ. Скоро я услыпалъ шумъ, похожій на отдаленное паденіе водопада, и чѣмъ дальше ѣхали мы, тѣмъ шумъ этотъ становился яснѣе. Наконецъ явственно уже началъ я различать плескъ волнъ. Дорога повернула лѣво, съ правой стороны танулись невысокія обнаженные горы, и слышно было, что въ нихъ-то и плещетъ море. Я часто приподнимался, но не могъ ничего видѣть. Вотъ мы въѣхали наконецъ въ Лѣтъ; черезъ 1/2 часа онѣ кончились; передъ глазами раскинулся садъ и въ концѣ его красавыя деревянные домъ. Три дѣвы—мачиха Барошни (Гагеншоттеръ) и двѣ сестры барона—встрѣтили насъ на крыльцѣ. Баронъ, отрекомендовавъ меня своимъ родственникомъ, отвелъ меня въ назначенную мнѣ комнату. Я только ожи-

куль ее ганзана и бросился к морю. Поднялся на гору, которая возвышается за домом, и перед глазами развернулась бескрайняя серебряная равнина; ее все вбывало темн-то чистым, но чрезвычайно лиственным. Я раскрыл рот и колено грудью старался дышать этим воздухом. Ух, какое раденье! После чаю я сѣлъ съ М. въ лодку къ двумъ рыбакамъ и поѣхалъ въ море. Отъѣхавъ отъ берегу версты полторы, рыбаки начали выбрасывать сѣть. Сперва отпустили нѣку, а потомъ начали выпускать сѣть сажень въ 200 для камбалы. Копить это, мы возвратились къ берегу, а сѣть осталась въ морѣ до утра. Весь вечеръ пролежалъ въ осмотръ окрестностей и въ знакомствѣ съ волынн лицами.

Мѣстополюженіе представляло мнѣ удобства для жизни свободной. Морской берегъ нѣмного смачала вода отливовъ, сажень въ 16 или 20; а потомъ поднимается круто (горю, сажень на 20; на вершинѣ этой горы, какъ—лучше сказать—валу (потому что онъ растянутаго почти на версту, а въ ширину сажень 5, не болѣе) растетъ сосновый лѣсъ; съ противоположной стороны этотъ валъ довольно отойти и выходяще къ болѣе 6 или 6 сажень; отъ него сажень въ 10 стоитъ домъ; въ промежуткѣ же между домомъ и валомъ находятся кухня и еще кой-какія маленькія постройки. Съ противоположной стороны дома находится цѣтникъ и садъ, который по обѣ стороны граничитъ съ лѣсомъ. Лѣсомъ мимо сада идетъ дорога: поѣзжалъ къ дому черезъ садъ; на дорогѣ сажень въ 25 отъ дому—корюха; при ней и баронская постройка; нѣмного отъ главнаго дома, на площади лѣса, довольно рѣзкаго и очень чистаго, находится нѣсколько мѣстечекъ домишекъ, алатытъ равными семействами, сѣдѣвшими къ морю. Въ одномъ изъ нихъ жила Гасельстремъ, мажика Баронши, а въ другомъ сестры барона. Климата у меня была совершенно отдѣльная, лицомъ къ валу; черезъ сѣки отъ нея другая, такая же, которую посѣлъ заняли Каленъ и Э. Мендгенъ, оишюинокъ Баронъ. Они приѣхали черезъ недѣлю послѣ насъ. Послѣ еще приѣхали Остафъ Вергъ и Робертъ Мендгенъ, тоже родственники Барона, старые холостяки.

Жизнь моя была однообразная, но очень веселая, однимъ словомъ, въ моемъ духѣ. Утромъ, иногда часу въ 3-мъ, рыбаки Янъ будить меня, и мы отправлялись съ нимъ къ морю, гдѣ ожидалъ насъ другой рыбакъ въ лодкѣ. Мы отправлялись достанать сѣти, закидываемыя съ вечера для камбалы. Отъѣзденъ переты полторы отъ берега. Море китъ зеркало. Изъ за лѣса показывается солнце; тишина мертвая: отъ берега не долетаетъ ни одинъ звукъ. Сѣти, вытягиваютъ довольно долго; камбалы запутываются въ ней какъ птички. Изъ всегда считаютъ канями. Въ 4 часа 30 минутъ. На эту лодку и бѣднѣ только съ самую тихую погоду. Въ 7 часовъ весь домъ просыпался; дамы отправлялись по звонку купаться. Въ 8 часовъ другой звонокъ. Мы, набросивъ только на плечи халаты, отправлялись къ морю. На отмели были выстроена будка, тамъ мы обсыхали халаты и

рубашки и отправлялись в воду. Раздохле! от берега можно было отходить шагов на 400. Дно и береговая отмель состоят из самого мелкого песка — точно томленной сахар — только желтой. На купанье выходило нас всегда почти человек 15. Крик, шум, смех. Флегма Роберт Мендигет, которого все называли Der Alte, обижал нас часто до слез. Чистота воды морской удивительна: с глубины 2 саженей можно считать каждую песчинку; у берега ходят миллионами каких-то маленьких рыбки, которых здесь называют иголками. Их ловят иногда мелкою сѣтью, а иногда маленькія дѣти рубашками. Все камешки и на дне и на берегу имеют округленную форму; потому что качка моря тихонько перекачивает их по дну. После купанья мы возвращались в комнаты и отдыхали несколько минут, потому что чувствуешь всегда большую усталость. После легко одѣваемы и гуляем по саду в тени аллея. Я иногда садился на удивленной бесѣды и читал Шаллера. Часу в 11-м мы завтракали; а в 12 часов отправлялись купаться. После купанья зарывались в песок и лежали так. обр. несколько минут. Иногда же бѣжали купаться на двух-парусномъ яликѣ. Обѣдали час в два, иногда в комнатах, а иногда в сплетенной из хитро галлерей, которая примыкала къ столовой. После обѣда я ложился спать; а часу в 5-мъ опять купались. Час шли часу в 7, и после иногда гуляли по саду и по лесу, а иногда съ М. я бѣжали кататься вертось. В 2-хъ вечерахъ от нас на берегу стояли лагеремъ Рикские кантонисты; в 1-хъ перотъ от нихъ была жена Neubadt, куда съѣзжалось множество пѣльцовъ и поляковъ. Тамъ былъ хорошій трактиръ, гдѣ все и мужчины и дамы обѣдали. Оркестръ музыки каждый вечеръ игралъ въ рощѣ. Молодежь на лугу играла въ воланъ. Было много хорошихъ. После заката солнца я любилъ гулять по берегу и слушать шумъ моря.

Но самыя лучшія купанья въ опилный пѣтеръ, когда волны гонятъ на берегъ. Если море рѣшумится съ вѣтра, то ночью трудно заснуть: точно пушечная пальба на берегу. Подойдешь къ берегу: море представляется снѣжною равниною, немного приподнявшея отъ земли; потому что видны однѣ только вершинки валовъ. Но нельзя скрыть этой обманчивой бѣлизны и глази: подъ нею открыты миллионы чешуей, и каждая реветъ какъ голодный вѣтръ. Стоишь отъ воды аршина на 3; раздается громъ, и бѣлая рваная волна съ шипѣніемъ закидываетъ къ ногамъ. Небольшо отскочишь назадъ. Но нечего долго думать: надобно идти въ воду. Отмѣжѣніе бросается впередъ на битву съ волнами. Когда пройдешь шаговъ 80, тогда только поймешь немного — что такое заводное море? Теперь стоишь уже не въ золотистой, холодной и прозрачной влѣгѣ; но въ какой-то мидиой и зеленоватой глян. Глубина до копыта; но это на одно только мгновение.... Надъ головою повисла водная скала, обрушилась, оглушила страшнымъ громомъ, отбросила назадъ шаговъ на 5, и снова стоишь въ водѣ по

котлами. А между тѣмъ съ обѣихъ сторонъ ревутъ и падаютъ водопады, разверзаются хляби, и видишь, какъ товарищи то исчезаютъ, то снова показываются. Иной, глядя съ горы, подумаетъ, что тутъ тонуть. Нѣмцы обыкновенно встрѣчаютъ волны спиной: упрутся ногами въ землю, выкроютъ уши и косъ руками; волна затопитъ ихъ, они стоятъ; волна убожитъ, они повертываются, одѣлываютъ шагъ впередъ, и снова въ прежнемъ мѣдѣ сунутся подъ другую волну. Но я дѣлалъ не такъ. Я ставу къ волнамъ лицомъ, сложу руки крестомъ на груди, понуро немного голову, и крѣпко упрусь правою ногою; волна обрушится, заревуетъ какъ зѣбрь и шатаетъ немного назадъ; но я опять впередъ и опять также погружаю следующую волну. Въ этой непрерывной борьбѣ съ волнами я состою все кушале. Минуть черезъ 15 уставашь, будешь выдыхаться. Но назадъ выйти легко: стоитъ только повернуться лицомъ къ берегу, и волны выносятъ тебя рывкомъ. Послѣ такого бѣглаго купанья за завтракомъ съѣмъ столько же, сколько и за обѣдомъ. Въ такую погоду, когда волны гонятъ на берегъ, рыбаки обыкновенно ловятъ лососей. Человѣкъ 12 гребцомъ сядутъ въ большую лодку, отправляютъ настрѣну гребцамъ и начинаютъ выпускать веревку, конецъ которой на берегу привязанъ къ столбу. Веревка тянется саженой 50, потомъ начинается ѣсть, длиною саженой въ 800. Когда выпустятъ половину сѣти, тогда поворачиваютъ къ берегу. На берегу стоитъ человѣкъ 15 народу. Они берутъ за оба конца веревки и вмѣстѣ съ рыбаками тянутъ сѣть. Это продолжается часа два. Латышки поютъ пѣсни. Когда всю сѣть вытянутъ и вынутъ рыбу, тогда дѣвки схватятъ ного яблудъ изъ молодыхъ ребятъ и бросаютъ его въ воду. Если варень довольно снѣгѣ, то дѣвки цѣлыми кучами сыплются въ море. Крикъ, визгъ и хохотъ.

Иногда, въ тихе вечера, мы ѣздили съ дамами кататься въ лодкѣ и наслаждались великолѣпнымъ зрѣлищемъ заката солнечнаго. Нельзя было не вспомнить Бенедиктова:

Изъ за облачнаго края
Солнца, будто покаяна
Пелены къ колыбель,
Къ морю сладостно склонилось
И младенцемъ погружалось
Въ необычную купель.

Въ ту самую минуту какъ солнце яркнѣетъ въ морѣ, съ крѣпости Динаминда, которая находилась отсюда верстахъ въ 30, раздавался пушечный выстрѣлъ и гудѣть по морю. Чуждено!

Надобно упомянуть еще объ одномъ обстоятельстве. Въ первый вечеръ приѣзда къ морю я подвѣтилъ одну горевинную Б. Гьгалнстремъ. Она была Латышка, но хорошо говорила по-нѣмецки и была очень хороша собой. И объяснилась съ

нею, Она была добра ко мнѣ, и мы проводили вечера, а часто и ночи весело. Она была строга ко всемъ, кромя меня. Её звали Ленорхенъ. Денегъ она не брала, и я никакъ не могъ ничего подарить ей. Она любила меня очень. Самъ же В. Менгденъ, Катенъ и Вертъ старались какъ-нибудь поймать меня съ нею; потому что сами несли въ благосклонности. Много бывало очень забавныхъ сценъ. Ленорхенъ любила меня и провожая даже плакала.

Вообще Лифляндія произвела на меня такое впечатлѣніе, какого я никогда не испытывать еще. Природа очаровательная. Люди ласковы до *des plus ultra*. Одинъ только недостатокъ довольно рѣзокъ въ нихъ: страсть говорить о своихъ предкахъ. Положимъ, что предки ихъ были великіе люди—да они-то сами глупы, и больше ничего. Напр. родъ Менгденовъ подумитъ баронство отъ Христины, дочери Густава Адольфа, и быть одинъ изъ доблестныхъ родовъ въ Лифляндіи: но нынѣшній М. никакъ не служивалъ, ничего не дѣлалъ.

Во Псковъ возвратился я безъ особенныхъ впечатлѣній, по знакомой уже дорогѣ. Жить попрежнему, у Покровской башни вмѣстѣ съ Б. С. и М.-мъ. Директоръ попрежнему глумился, а инспекторъ подпичалъ. Чадъ всего я ходилъ къ Девеле и къ Ф. Познакомился также съ Черепниной и съ Зальскимъ. Черепнина жила во флигелѣ; а домъ ея занималъ Ген. Веклешовъ. У него воспитывалась вмѣсто дочери Ушкова, кот-я вполнѣлась за мной. Когда пришелъ къ Черепниной, Ушкова всегда ужъ присѣжить гудъ. Но я не вполнѣлся за ней, а просто иногда дурачился. Разъ она галдела обо мнѣ и записывала по фр. всё отъѣзды, какіе выходили обо мнѣ. Поздѣ она подарила мнѣ эту бумажку, кот-я хранится у меня и теперь.

У Ф. я познакомился съ К. И. Она была полныя, только что выпущенная изъ Павловскаго Института. Лицико недурное, сама довольно ловкая,—и этого уже довольно было, для того чтобы въ сердцѣ моемъ разжечь неугомоннаго огня. Я былъ тогда похожъ на голодную собаку, которая бросается на все.... Странное чувство! Безъ любви у меня жить и жизни: мнѣ непремѣнно тѣлобно думать о комъ нибудь; въ недостаткомъ чего нибудь хорошаго, я готовъ находить прелестьныя черты въ какой угодно нишей старухѣ.... Положимъ, что эта неугомонная жажда любви есть примакъ поэтическаго настроенія души; но вѣстныя она по мнѣ, какъ-то, ужъ беззачуръ велика....

Итакъ дѣло скоро спалилось. Мы вполнѣ уже понимали другъ друга, хотя ни слова еще не говорили о любви. Только В-й змалъ о моихъ чувствахъ и, разувѣтивъ, смотрѣлъ на нихъ, какъ на простое волокиство. Наступили святки. Я бывалъ у Ф. почти каждыя день. Однажды мы задумали маскироваться: Ф. съ женой и К. И., Маниховскій съ женой и своячиной и я. Костюмы готовились у Ф. Вечеромъ я, не помню, что-то помогать шить К. И. и сидѣть противъ нея. Мадамъ Ф. вышла готовить чай, Ф. тоже вывернулся. Я взялъ руку К. И. и

поцеловала. Она нѣжно посмотрѣла на меня. Съ тѣхъ поръ рукопожатіе и поцѣлуй руки были дѣломъ обыкновеннымъ вслѣдъ гдѣ только встрѣчались мы шедши. Маскированные мы провели несъ вечеръ у Девалѣ. Я поцѣловалъ съ К. Я. цѣлый вечеръ, цѣловалъ ее въ плеча, которыя были роскошно обнажены. Ф. жестоко надудилъ на меня. Вскорѣ Ф. пришелъ въ малъ вечеромъ, тонко намекая о К. Я.; а я будто не понималъ. Часу въ 10 и пошелъ его провожать. Дорогой онъ объяснился со мною откровенно. Я, разумеется, оправдался, и тѣмъ дѣло кончилось. На другой день я былъ у Мамыныхъ, К. Я. была тамъ одна. Тамъ были до глубокой ночи. Часу въ первомъ К. Я. отпривилась домой съ провожатой. Я за ней. Провожатую мы отпривили домой, а сами пошли одни. Дорогой К. Я. разсказала мнѣ, какъ Ф. сердится на нее и бранитъ меня. Дойдя до крыльца, мы остановились и долго еще разговаривали. Наконецъ надобно было проститься. Я крѣпко поцѣловалъ у ней руку: а она, поцѣловавъ меня въ щеку, сказала: „прощай, душа!“ Послѣ этого я уже смѣло поцѣловалъ ее въ губы разъ, два, три и т. д. Это были перамъ поцѣлуи. Ф. на другой же день я узнала, что я проводилъ К. Я. Но я мало заботился объ оныхъ.... Она дала мнѣ разныхъ бездѣлушекъ и между прочимъ записку, въ которой назначала свиданіе въ костелѣ. Чертъ меня прорвалъ выпосать ей вѣнчикъ. А она какъ-то неосторожно подала полковника Ф. и Мадамъ Ф. прочитала мою записку. Вдругъ вечеромъ Ф. прикидается за мной и увозитъ къ себѣ. Вложу въ гостиницу: Ф. вышелъ, и вводитъ его жена.—„Милостивый государь! такъ-то вы платите за наше къ вамъ расположеніе“, и пр. и пр. и пр. Однимъ словомъ наговорили мнѣ все то, что можеть показаться возбуждающая баба. Я былъ довольно глупъ, и—главное—николько не приготовленъ къ подобному объясненію; отговаривался, сколько могъ; но дѣло было ясно—собственноручная записка.... Чертъ побери всѣ записки! Въ жару нашего объясненія двери открываются, и К. Я.—блѣдная, заплаканная—выходитъ въ комнату и начинаетъ упрямивать Мадамъ Ф. Разумеется, ее сейчасъ же вывели. Все объясненіе кончилось тѣмъ, что мы примирились, по крайней мѣрѣ на словахъ. На другой день я пришелъ. К. Я. проинтъ настоятельно возвратити всѣ ея вещи. Это побѣдило меня. Я возвратилъ. К. Я. опять начала ухаживать за мной: опять клитвы, опять поцѣлуи въ темномъ корридорѣ.... Чужное созданіе! Однажды—это было уже въ Майѣ—мы лишились съ молъ вѣнчикъ изъ костела. Долго говорили о старомъ. Она сказала: „ахъ, Н. И., зачѣмъ я узнала васъ?“ Я отвѣчалъ: „вы сами разсердили меня. Я васъ любилъ, а вы подчинились Мадамъ Ф.“ Разумеется, это сказано было глупо; мнѣ тогдашнъ любен не могло быть ничего хорошаго. Я никогда бы не женился на ней.

Передъ Пасхой еще я получилъ письмо отъ Деля. Онъ навѣщалъ меня, что пожелатель, получилъ письмо отъ моего парення, который проситъ навестити меня въ Вологду; но Кизъ не имѣетъ въ виду моего согласія, и потому оста-

является переводом. Я тотчас отвечать, что согласен. Через неделю пришла бумага о моем переводе, с тем чтобы я отправился по прежне окончанию экзаменов. Я переводился на место Наванина. И, с конца 37 года начал впадать в меланхолию, а наконец в 38-м году ясно уже увидели, что он совсем сумас. Его взяли в гимназическую палату; но толку было мало. Наконец в начале 40 года видимо было довести начальству, что Н. болеть неизлечимо. Ему выдали не в счет годовой оклад; брать из Саратова приехать за ним человека; Н. уехать к родным, в скорей из припадков сумасшествия потонул в колодезь. Причиной его болезни неизвестны. Я один больше всего понимаю из. Меланхолическое расположение у него было врожденное: отец его до сих пор почти сумасшедший. Из отпрысков двоюродного Н., который изво- уже понадел мунд, видно, что он страдал о..... Это болван при меланхолическом характере—самый сильный из. Кроме того, он не задал из В. ни одной души, способной понять его. Все это свело его в могилу.... Прекрасный был человек! но для Волжды создаются такие души....

Последнее время и проведя не окучно: часто бывал у знакомых и гулять по городу. Покой. стоять того, чтобы пометать на развалинах его. Подъ всхл городом подземелья. Что пал, то и памятник.. Евгений, покойный митрополит Клевский, бывший архиепископом П-м, написал в 4-х томах Историю Епископского. Из этой Истории самый лучший эпизод осады Ватерии. И написать его не проза для одного ученика к всту, и напечатать в П-ой газет. Вот еще История Ильина. ее очень хвалят; но мы не случаем читывать. Моим Гавриил Полюховский лежал в собор; под этим вином видеть меч его, преогромный, с надписью: холост несут пенни даю. Подъ собору стоял дом, принадлежавший некогда Пунь; но он сгорел, в 1839 году, упал. Речная церковь, теперь Никольская, до сих пор цела, только переделана; в ней служить. На возвышенн. где был дом посаженников, теперь дом губернатора; а бывшая площадь занята губернаторским садом. Во Помой живёт жена партизана Фигнера, урожденная Бибикова. Она лет 60; вежливой собой, и очень веселая; но мы не случаем от нее ничего слышать об ее муже. Недалеко от Гимназии, на так называемой большой улице, стоит часовня *Красный крест*. Предание говорит, что когда поляки С. Ватерия ворвались в пролом, то на этом самом месте они были отражены и почти все изгнаны. Тут, говорят, пали цорковный окровавленный крест. Вероятно какой-нибудь священник выходил с ним; но был убит. Два квартала от этой часовни до пролома, и до сих пор называются *Лоловничем*. Пролом начинается от самой Саншуской башни и продолжается севернее на 30. к Покровской башне. Он был заложен кирпичем, но вскоре, и потому теперь кирпич развалился, так что зимой тут бьют. Недалеко от пролomu находится церковь во

ния Рождества Богородицы, сооруженная въ память отраженія приотуга (8 Сен. 1692). Покровская была самая большая, находится на берегу Великой. У ней окаймляется городской ровъ. Весною снѣгъ, растаявъ во рву, стремится съ крупнаго берега въ рѣку водопадами. Жители говорятъ, что *Покровский быкъ заре-тыла*, и замѣчаютъ, что рѣка вскрывается подъ этого черезъ 12 дней. Замѣчительно еще сеголѣднее наводненіе р. Псковы. Она впадаетъ въ Великую въ самомъ городѣ. Оба берега ея сажены на 20 отлоги, а потомъ круто поднимаются высокими скалами. На отлогости стоятъ дома съ одинъ рядъ. Когда Великая вскрывается, жители этихъ домовъ начинаютъ перебираться въ верхніе этажи; потому что вода въ Псковѣ вдругъ, въ продолженіи двухъ или 3 часовъ, поднимается сажени на 3 и на 4.—и потомъ опять также скоро упадаетъ. Церквей во Псковѣ около 70, и въ оныхъ, за исключеніемъ очень немногихъ новыхъ, чрезвычайно малы; вмѣсто колоколенъ надъ папертями выстроены мѣстныя стѣнки съ двумя или тремя окнами, гдѣ висятъ колокола; звонять съ земли.

Въ концѣ 39 и въ началѣ 40 года около Пскова развѣдась огромная пляска разбойничья подъ начальствомъ какого-то Авдѣя. По дорогамъ была грабежь страшная; даже въ самомъ городѣ небезопасно было ходить по вечерамъ. Разбойники брали бѣлаго дня напали на село Окуново, въ 10 в. отъ города; схватили прикащика и жгли его, допытываясь, чтобы онъ сказалъ, гдѣ у господъ деньги. Для черезъ 3 они напали тоже днемъ на село Геп. Кульнева (роднаго брата знаменитаго Кульнева) и прожгли тѣ же владѣнія. Наконецъ въ Майѣ и Іюнѣ они были въ переломленны, и даже самъ атаманъ. Въ городѣ беспрестанно приходили къ по тысящамъ людей, въ цѣлахъ.

Экспедиція по обыкновѣнію вѣдѣлась рано, выѣхавъ около 18 Іюня. Я попросилъ, чтобы подорожную дали черезъ Москву, для того чтобы имѣть случай прѣкратиться и для того чтобы захватъ за Залѣскими, одного изъ моихъ товарищей, вологжанинѣмъ, который служилъ въ Новоржевѣ. Вмѣсто прогона въ получить на подѣлѣ. Въ день отбѣда я обѣдалъ у Черепниной выѣхавъ съ Залѣскими, кое-е отправлялись въ Торопецъ. До Новоржева мы условились ѡхотъ вмѣстѣ. Передъ вечеромъ мы отправились въ путь. Залѣские ѡхоты въ каретѣ, а въ почтовой кибиткѣ. Меня провожали Крюковичъ, Юрдаль, Гавенкамъ, Барановскій. За Залѣскими ѡхоты семейство Черепниныхъ. До первой станціи б. в., потому что шоссе изъ П. въ Варшаву идетъ въ б. вер. отъ города. Домчались мигломъ. Первое привѣтствіе—хлѣбъ лошадей. Мы отправились въ трантиръ. Покутили часа 2. Но дѣлать нечего; надобно было ѡхотъ одному; потому что на слѣдующихъ станціяхъ предвидѣлись тѣ же неудобства. Я взялъ лошадей; прѣстался съ любимымъ Б. и со всеми другими и—маршъ. Дорогой обогнали нѣсколько гимназистовъ; поговорилъ съ ними минутъ 5. На слѣдующей станціи нашелъ своего ученика Сиданскаго, который тащился въ Остроу на долгихъ. Я взялъ

его съ собой, и въ вагону солнца прицмалъ въ городъ. Здѣсь, у Симанскитъ, остановились ночевать. Они такіе топытые.... Скучно! На слѣдующее утро опять увидѣлся съ Затылоскими. Они поѣхали впередъ. Я выѣхалъ въ полдень, дорогой провѣлъ часа 2 въ деревнѣ у Васильева и у Врынкина, и ночью приѣхалъ въ Новоринскъ. Засытскій былъ еще не готовъ и я ждалъ его полтора дня. Ждалъ все у Верга, который былъ очень благодаренъ мнѣ за милости, многогда оказанныя его сыну. Какой радушный пріемъ! Выѣхали мы въ полдень. Насъ проводили торжественно съ бутылками и дами-боу. Отъѣхавъ верстъ 8 остановились у Карамышева, предводителя Нов-го дворянства, въ Комьковѣ. Обѣдали, пили шампанское и отправились спать. На слѣдующей станціи случилось маленькое приключеніе. Мышникъ всеъ тихо; а между тѣмъ обретенъ дождь. Я нѣсколько разъ покусалъ мышника, но онъ не слушался. Я не расположенъ былъ сердиться, и потому, завернувшись въ шинель, спокойно приготовилъ встрѣчать дождя. Темно ужасно, дождя крапаетъ. Вдругъ мышникъ закричалъ: „стой, братъ Ваня! давай переписаться!“ Смотрю, передъ нами тихо тащится карета, запряженная 6 лошадьми. Это меня поразило. Я далъ хорошихъ разв 3 по епипъ ямщику и закричалъ: „попалъ“.... Изъ кареты выставился чопчипъ и вскрикнулъ: ая! Мышникъ вслушивался. Я пострадалъ его, что на епипия палашу въ книгу. Отъѣхавъ съ версту, онъ совсѣлъ съ козель, лопъ на траву и завыдалъ: „аи прибилъ меня, я не могу ѣхать“.... Этими маневрами онъ хотѣлъ наобѣщать меня, чтобы я порядочно покомлотъ его, а тогда не имѣлъ бы уже права жаловаться. Но я смекнула—чего хочетъ онъ, и спокойно ждать чѣмъ кончится исторія. Вида, что хитроуи не удалось, мышникъ съѣлъ нѣ коаны и погналъ лошадей. Приѣхали на станцію. Я взялъ листъ бумаги, написалъ письмо къ губернатору, который долженъ былъ пробавать адѣвъ дня черезъ два, отдать письмомъ смотрителю и сказа, чтобы онъ доставилъ по адресу. Это втроевозило мышника. Схожу съ крыльца, староста проситъ меня: „ваше высокоблагородіе! прикажите перебраться, если втрѣтится почта: ей-Богу, нѣтъ лошадей“.... Вотъ, Русской народъ! Безъ палки ничего не дѣлается.

До Великихъ Лукъ ѣхали безъ особенныхъ приключеній. Станціи прекрасныя: лошадей вездѣ почти по 50 троекъ; на каждой станціи трактиръ, что угодно найдешь, какъ въ городѣ. Въ В. Луки притхали въ позанія обѣдни, и отдыхали до вечера. Въ вечерни я пошелъ къ смотрителю училища—Кузымину, бывшему моему предшественнику въ П. Гимназіи. Онъ принялъ меня радушно. Просидѣлъ часа дов. Вечеромъ выѣхали изъ В. Лукъ. На другой день приѣхали въ жидовскій городъ Великъ; куда ни посмотришь, все жиды. Это поселеніе было ново для меня. И передъ городомъ я на городомъ обѣ станціи жидовскія. Въ Портѣ только переѣздили лошадей. Городъ известный мнѣ по 12 году. Въ Смоленскѣ жѣхали утромъ. Погода была прекрасная. Издали весь городъ предостаняетъ

пиксельной: онъ расположенъ на горѣ, на берегу Днѣпра: азіатскіе каменные, прекрасныя; все это перемѣшалось съ густой военной оадою. Городомъ надобно вѣхать все мнѣ въ гору или подъ гору. Смоленскъ обнесенъ стѣнами; но архитектура ихъ не та, что въ Локотѣ. На городомъ видны историческіе курганы. Мы прибыли здѣсь не болѣе 2-хъ часовъ. По шоссе прямо къ Москвѣ. Въ Дорогобужѣ были передъ закатомъ солнца. Городъ, кажется, порядочный. Въ Вязьмѣ прибыли днемъ. Остановились часа на 3; купили пряниковъ—привести домой гостиница. Черезъ Бородину проѣхали передъ закатомъ солнца. Колонна везетъ направо, саженья въ 60 отъ дороги. Далѣе виденъ монастырь Тучковскій. Омо отстроено прекрасно: прекрасныя трехъ-этажныя дома, крашенныя земной краской. Куда ни взглянешь—вездѣ мѣста полныя воспоминаній. Въ Можайскѣ вечеромъ пили чай. Городъ прекрасный; соборъ на скалѣ—предѣлъ! Въ Москвѣ прибыли въ Петровъ день, часу въ 12-мъ. Погода была прекрасная. Надали, перѣзъ за 15, видъ города—предѣлъ. Полгорода занято шпичами колоколенъ, башнями, огромными административными, садами—далѣе видны живописныя окрестности; Иванъ-Великій нынѣ всѣхъ подымае золотую главу.... Вспомнилъ Пушкина, какъ подѣлывали въ Москвѣ Нариксы. Черезъ Дорогомиловскую заставу мы проѣхали въ Тверскую, и остановились въ гостиницѣ *Бероца*. Я пообѣдалъ и легъ спать: потому что ужасно ямучался. Но заснуть не могъ: встать и сѣсть къ окну. Комната наша была въ 4 этажѣ; отъдѣ. въ полномъ смыслѣ и сѣдалъ только выходя въ Москву: потому что болше ничего не видать. Передъ закатомъ солнца мы снова пустились въ путь. Проѣхали мимо Университета, подъ Сухареву башню, и въ заставѣ. На первой станицѣ выстались. Утромъ опять въ путь. Въ Переяславѣ только переѣхали лошадей, и то поздно вечеромъ. Въ Ростовѣ были днемъ. Городъ прекрасный! Въ Ярославѣ прибыли вечеромъ, и только напались чаю. Мѣстоположеніе и постройка—предѣлъ. Даниловъ тоже довольно красивъ. Въ Грязовцѣ переночевали и явились въ Вологдѣ....

У.

Вологда.

Опять на родинѣ! Это чувство очень сладостно, когда увидишь родныя мѣста послѣ долгой разлуки. Домашніе мои разумеется радовались не менѣе меня. Я увидѣлся опять съ тѣми, которыхъ никогда любить.... Много нашелъ перемены. А. П. Дубрава была замужемъ уже за Вульфомъ, отставнымъ артиллеристомъ, очень хорошияго человѣкомъ. Дубрава состоитъ на Никитской. Отецъ ея, озабтннкъ Губ. Правленія, единственный человѣкъ. Лидія З., предметъ моей страсти, ужасно переменялась и подурнѣла; ходила обѣ ней скверныя слухи. Гимназія понравилась: Директоръ и Инспекторъ обшались мнѣ; а я и принять это за нелѣпную монету. Какимъ (я прибылъ 3 Юня) провести дома, Пере-

водил Д. Карлоса въ прозу; но очень дурно, и потому вскоре бросилъ это занятіе. Изъ учениковъ было много прекрасныхъ мальчиковъ. Всѣ полюбилъ меня всѣмъ сердцемъ, такъ же какъ и я ихъ. Насталъ день свадьбы Д. На двѣнадцатіи мы танцевали. Не помню которую кадрили я танцевалъ съ невестой Д. Вдругъ входитъ Л. В. Д-на и за ней какая-то молодая дама. Д. подошла къ невестѣ, поздоровалась съ ней, и указывая на свою спутницу, сказала: „рекомендую тебѣ мою племянницу, дочь моего брата.“ Воже мой, это М. Л. З., за которой и вполыхалъ гимназистомъ! Теперь она за Откасовыми, живетъ въ Либенѣ и приехала сюда невдалеку только на свадьбу, безъ мужа. М. Л. не замѣтила меня; но когда кадрили кончались, я подошелъ къ ней и пристально посмотрѣлъ на нее сказавъ: „позвольте васъ попросить на слѣдующую кадрили“. Она взглянула на меня и безъ перекосилась въ лицѣ, такъ что едва выдержала—что отвѣтить. Кадрили начались. Сволочи ни старался я заговорить съ М. Л., но не могъ никакъ добиться отъ ней: она краснѣла, смущалась, дрожала—и только.... Я очень доволенъ быть такимъ. Въ день свадьбы успѣлъ быть совершеннымъ; она не сказала отъ меня слова; я рѣшительно окружилъ ея голову.... Я спросилъ: „зачѣмъ вы вышли замужъ?“ Она отвѣчала: „ахъ, не говорите ужъ лучше“.... Я жаль ей руку и пр. Дня черезъ 2 она уѣхала, и послала мнѣ черезъ Д. тысячу поклонковъ.....

Дѣла въ Гимназіи шли хорошо: самъ я очень порядочно занимался, да привлечилъ и учениковъ къ занятіямъ; они полюбили словесность. Между тѣмъ сердце мое жаждало жизни: такъ ужъ видно создано оно! И опять привалили за стихи, которыхъ не писалъ съ 37 года. Въ Покомѣ написано было только одно стихотвореніе къ К. А. И. Оно есть въ моей книгѣ. Это довольно страшно! Последній годъ въ У-тѣ и 2 года въ П-тѣ я рѣшительно не писалъ. Можетъ быть отъ того, что было слишкомъ большое разнообразіе въ жваніи, и я не успѣвалъ сосредоточиваться въ одномъ какомъ-нибудь чувствѣ. Теперь первыи предметомъ была Лидія. Я не любилъ ее: но память о быломъ еще слишкомъ сильно волновала сердце. Это стихотвореніе есть въ книгѣ. Другое, ялиновское тоже къ ней, уже не въ томъ тонѣ; потому что я началъ правдивѣе смотрѣть на нее. Два стихотворенія посвящены Лифшицѣмъ,—наивно воспоминаніе объ Ѳнекорѣ.... Домъ Саверона также занимъ моя. К. М., которую я видѣлъ въ послѣднее время въ П-тѣ, теперь явился предо мной уже въ полной силѣ свѣтлой дѣвушки. Мы общались съ нею коротко. Она думала, что я влюбленъ въ нее; но въ сердцѣ моемъ не было ничего похожаго на любовь. Сестра ея Софія болѣе правдива; потому что проще вела себя. Вообще я пришелъ въ ихъ домъ много прекраснѣе нечерномъ. Для акта въ этотъ годъ написалъ разсужденіе о *состояніи отечественной словесности во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX ст.* Оно имѣло успѣхъ. Начальство тотчасъ представило меня ораторовъ.

Другая статья также въ прозе была: *вспоминание о Навашинском*; но она не была читана. А теперь я ее затерялъ гдѣ-то. Въ стихахъ я написалъ книгу и *вспоминание о Навашинском*—отъ имени учениковъ. Чихачевъ написалъ прекрасное стихотвореніе: *Разрушеніе Геригона*. Эта статья напечатана была въ *Младѣ*. Между тѣмъ у Сѣверова я встрѣчался нѣсколько разъ съ М. И. Красоской, племянницей Волоцкихъ. Она была прекраснаго роста и превосходно сложенная; во въ лицѣ не было ничего замѣчательнаго, а въ душѣ, кажется, еще менѣе. Однакожъ для меня важно было первое впечатлѣніе. Я мечталъ о ней и написалъ нѣсколько стихотвореній. Обаяніе было непродолжительно; масла не подливали, и потому лампада скоро потухла. Къ веснѣ я мечталъ о Р. И. Дуб-ой, и написалъ ей 2 стихотворенія, одно на тему—*Вы слепы*; а въ другомъ ясно объявлялся въ любви. Книга, въ которой это стихотвореніе, была у ней. Она прочитала стихи и поняла къ кому они относятся. Но и Д. тоже смеялась..... Однажды онъ сказалъ ей: „гдѣ это къ тебѣ написано“. Она вся вспыхнула. Она любила меня; потому что видѣла, что я во всѣхъ отношеніяхъ лучше ея мужа. Но я никогда не протиралъ далеко своихъ намѣреній. Подлѣ, когда начали отъ насъ сплетничать уже довольно громко, я совсѣмъ отсталъ отъ пей, и такъ обр. дать ей случая—исгребить прежніе чувства. Послѣ у ней пошла дѣти, и поэзія исчезла. У Сѣверовыхъ же я познакомился и съ самою В. И. Волоцкой, которая играла тогда первую роль въ городѣ. Она была очень хорошо расположена ко мнѣ. По ея желанію я написалъ стихи: *адожковское мило*, потому что однажды на цѣлой вечеръ разговаривалъ съ ней и пилъ пиво. Она называла меня: „мой поэтъ!“ Въ то же время написалъ стихи и К. М. С-ой, которая, въ знаю почему, однажды написала мнѣ на книгѣ: „я заплатила вамъ тою же монетою“. Но вѣрить этимъ стихамъ не могла: тутъ много чести. Вообще этотъ годъ я провелъ весело: былъ со многими знакомъ; всѣ любили меня. Больше всѣхъ я сблизился съ Новицкими; онъ человѣкъ чистосердечный и прегостеприимный; у него никогда не бываетъ скучно.

Въ каникулы побѣжалъ въ Тотму. Тамъ заѣхалась сестра моя трюфольная сестры А. И. Саввиной. Но въ Тотмѣ пробылъ я только одинъ день и уѣхалъ къ дядѣ на Леденскій заводъ, въ 95 в. отъ города. А маменька и сестра остались съ дядей. Въ Леденскѣ жизнь радостная. Въ одинъ день познакомился со всѣми. Управляющій Д. Т. Павловичъ человекъ претестный. У него гостила тогда замужняя дочь его, Ярославцева, очень хорошенечка. Въ Л-кѣ навѣсть и еще своего инспектора съ женой, Семенову и Момакова, студента. Каждый почти день мы танцевали или у Павловича, или на Малахова—предгоренькой дачѣ, въ 2 верстахъ отъ завода. Дѣй только и была тамъ хорошенечка: Ярославцева и Лямаркина. И ухаживать за обѣими; но поспѣвшей было только еще 14 дѣтъ, и потому больше оцувствій находить въ первой. Написалъ

стихотворение *Машенька*, которое доставило мнѣ немалую славу въ этомъ муравейникѣ. Три недѣли веселился я въ Леденскѣ. Наконецъ надобно было ѣхать въ Т. на свадьбу. Я оставилъ Л-кѣ съ грустью: много было чувствъ и мечтаний. Въ стихотвореніи въ Л. можно видѣть эти чувства и мечты. Въ Тотьму приѣхалъ прямо на вечеръ. У С-хъ было штукъ 16 барышень, а изъ кавалеровъ только я, де-Шаллята, тамошній окружной, ляхой малой, хотя и жгатый, и Кокорекъ, меншой охотъ тамошняго заводчика. Я, разумеется, разыгрывалъ первую роль. Танцевали и дурачилось до упаду. Я ухаживалъ за Ю. Кокоровой. Ея было тогда еще 16 лѣтъ; она была очень хороша. Впрочемъ возмощество мое далеко не пошло: мнѣ мало было времени заняться ею; потому что за мной ухаживали 2 барышни, и слѣд. надобно было на нихъ удѣлить много времени. Въ день свадьбы танцевали до 12 часовъ. Къ числу кавалеровъ прибавились еще Фортунатовъ, имѣвъ инспектора, Еврейновъ изъ Леленска, да учитель Тининъ. На другой день танцевали до 6 ч. утра. Дурачества было много. А утромъ въ 12 часовъ мы отправились въ лодку. Долго кутили на Дядюномъ островѣ. Проводы были торжественны: все пило и пѣло... Дорогой я только и думалъ о Кокоровой. Стихотвореніе *Мое солнышко* относится къ ея глазамъ.

Въ Вологдѣ жилъ я попрежнему. Между тѣмъ братъ мой сосватался на Ш. Мать и меньшая сестра ея Юлія жили также въ Вологдѣ. Свадьба несчастная: братъ нектого ошибся въ выборѣ. Теперь мнѣ надобно будетъ приступить къ описанію со мною несчастной исторіи. Новая сватъла моя Ю., очень хороша собой, самая лучшая въ цѣлой В. Она очень часто бывала у насъ. Ш. кавалеръ вечеръ приводила сестру свою въ мои комнаты, и мы играли въ карты. Такъ, обр. я облизался съ Ю., т. е. влюбился въ нее по уши, а она изъ меня. Между тѣмъ домашніе мои замѣтили въ чемъ дѣло, и подняли ужасную бурю.... Здѣсь начинается цѣлая рядъ самыхъ непріятныхъ исторій между братомъ, женою его, Ю., мною и моими домашними.... Не могу описать этого. Кромѣ того весь городъ ошлетничалъ обо мнѣ.... Но чѣмъ больше препятствій, тѣмъ больше дерзости, Я завелъ съ Ю. самую страстную переписку: она хранится у меня. И наяву и ночью я только и думалъ объ одной Ю. Никудъ почти не ходилъ; только и счастливъ былъ въ тотъ день, когда видѣлъ ее. Стихи лились..... Я не могъ ни о чемъ болѣе думать, какъ только о любви. Въ этотъ годъ только и написалъ: *Камилла*, пѣтійя при вступѣ въ Г. Инокентія; *Бородинское сраженіе*, кот-е читалъ на актѣ; *Приступъ Баторія ко Покову*, кот-е читалъ одинъ ученикъ, да еще *Кіевъ*, тоже написанный для одного ученика. (Къ стати здѣсь замѣтить: Инокентій былъ въ Гимназіи вмѣстѣ съ пр. Погодинымъ, который путешествовалъ. Послѣ я самъ былъ у него. Онъ принялъ меня хорошо. Я далъ ему нѣсколько народныхъ нашихъ пѣсенъ, которыя и были напечатаны въ Москвитинѣмъ вѣстѣ съ благодарностью Погодина.) Другіе всѣ стихи относились

къ ней. Она всегда съ жаромъ писала ко мнѣ; но фактичическій ея характеръ мучилъ меня. Кромѣ того Ш. дѣлала ужасныя глупости, а она во всемъ слѣдоvalа ея капризамъ. Мысленно упрековъ писала я ей въ каждомъ письмѣ; между тѣмъ, востанки любить ее безъ памяти. Какая буря возмущала тогда мою душу! Въ Генварѣ и апрѣлѣ поцѣловать ее, и съ тѣхъ поръ началась длинная иль поцѣлуевъ и объятій.... Какъ ужасно это вредило здоровью моему! Но я знать ничего не хотѣлъ и безумно любилъ ее.... Сколько разъ отъ мной бывала даже рвота отъ огорченія! Чего все это стоило мнѣ! Вдругъ въ Февралѣ она уѣзжаетъ, къ Одиновымъ. Какое горькое прощанье! Передъ отъѣздомъ она написала мнѣ письмо. Изъ деревни тотчасъ же прислала мнѣ еще письмо; но потомъ извѣстила, что она боится писать.... Я рвался и проклиналъ весь міръ. Писать къ ней каждый день, но отвѣта не было. Наконецъ въ выпитыи мои получаю письмо, въ которомъ вышло тѣмъ написана уже *он*.... Съ тѣхъ поръ началось мое разочарованіе. Я написалъ ей самый холодный и вѣжливый отвѣтъ.... Чего стоило мнѣ такъ ужасно переболѣть себя! Я мучился ужасно; но рассудокъ началъ вступать въ свои права.... Чѣмъ больше думалъ я, тѣмъ больше вои поступки ея представлялись мнѣ въ иномъ свѣтѣ: я увидалъ, что она никогда не можетъ понять любви моей, что для женщины любовь только игрушка.... Съ тѣхъ поръ взглядъ мой на женщинъ перемѣнился и, кажется, навсегда.... Она замѣтила, что письмо написано уже не съ шутку, и послала мнѣ два письма вскорѣ одно *он* другимъ. Но я скрѣпился и не отвѣчать ни ошова.... Когда она прибываетъ сюда, я никогда не показывался ей. Конечно! я поцѣлывалъ себя, хоти эта поцѣла и дорого стоитъ мнѣ.... Прости, моя любовь! Сильныя перемены происходятъ совершенно осуществившійся порядокъ вещей: такъ случилось и съ жонки чувствами. Въ книгѣ стиховъ можно видѣть, какъ постепенно разочаровывался я.... Жаль, что я сперва не былъ знакомъ *жизни*: какой богатый матеріалъ былъ бы у меня для размышленій. Чего не нисывалъ я въ ней! Кажется, не осталось уже ни одной струны въ сердцѣ, куда бы не коснулся я, или одного слова въ устахъ, которое бы не выдыхалъ *он*.... Хотѣлось бы достать отъ ней вои мои письма, да нельзя. Но переворотъ совершился однакожъ не вдругъ: я искалъ развлеченій, чтобы въ чѣмъ нибудь показаться. Ижноты съ Ю. кажется окончательно расстроили меня. Въ канікулы я поѣхалъ къ Чечулинымъ, въ усадьбу Борисоглѣбское, въ 100 в, отъ В-ды, изъ Череповецка уѣздъ, на Шексені. Они пріятные и пріятные люди; собиы у нихъ такіе же. Мѣстопоположеніе живописное; вои приволье. Я какъ въ мысляхъ сирѣ катался. Для услажденія связался съ очень хорошею горничною. Эта *жизнь* благотворно подѣлствовала на меня: слѣды прошедшихъ буръ потечали совершенно. Я прожилъ въ Борисоглѣбскомъ 6 недѣль, и возвратился къ В-ду основаннымъ. Здѣсь написалъ стихотвореніе *Борисоглѣбское*, изъ котораго видно, какъ я измѣнился въ сравне-

ниъ съ прежнимъ. На актъ написала статью о *современномъ эмкакинъ отечественной поэти*. Она имѣла большой успѣхъ. Между тѣмъ стихи мои печатались мало помалу въ *Маякѣ*, и одно сжигота, въ *Отъ Замыслива*. Это было первое мое датче-поприще. Я испытала чувство новое—что значить выпустить въ первый разъ въ печати свое произведеніе! Между тѣмъ приближались святки и кюбствъ съ нами для меня новыя наслажденія и печали. Изъ Петербурга пріѣхалъ студентъ Соколовъ, который прошлую зиму жилъ у насъ, готовясь въ У-тъ. Онъ теперь поселился у тещи и вѣсегъ матери своей—Е. И. Бюкиной. Я разумѣется былъ всегда у нихъ какъ дома; уйдя рано утромъ, а возвращуюсь домой поздно вечеромъ. Е. И. любила меня какъ сына. У ней жила еще внучка ея, только что выпущенная изъ института, А. И. Давыдова, прехорошенькая. Еслибы я былъ помоложе годами тремя, то непременно бы влюбился въ неѣ. Время мы проводили прелесно. А сплетни городскія между тѣмъ кипѣли, какъ илѣ.... Меня, разумѣется, звали тутчасъ на Д. Я и Е. И. хотѣли палѣ этимъ. Но неспрѣтностей было много. Ну, да теперь все уже кончилось: стало быть нечего и вникиминя. Я сказала только объ этомъ потому, что въ это время обмѣнива съ Е. И. Б. Она очень любила меня и можетъ быть повезла спремененъ.

Весною я часто бывала въ деревнѣ у В. И. А лѣтомъ поѣхала въ Устьгъ. Дорога была прелезона. Со мной поѣхали 3 мои ученики и Н. Засѣтскій, съ кот-мъ я ѣхала изъ П. и который живетъ теперь въ В-дѣ. Провожили насъ всѣ ученики, кончившіе тогда курсъ. Пили и пѣли много. Я до сихъ поръ все еще студентъ. Порую ночь конары не дали намъ глазъ сомкнуть. Въ Наремахъ мы явили оуражкѣ и пустились впередъ вдвоемъ съ Засѣтскимъ. Въ Шуйскомъ перемѣнили пашу подводу. Насъ повезли мать съ дочерью. Въ продолженіи 14 часовъ мы доѣхали до устья Толпымы: явали адѣсь лошадей и вечеромъ пріѣхали въ Тотьму. Лодка наша приплыла на другой день въ вечерни,—и мы отправились далѣе. Но сильная противная вѣтеръ задерживала насъ безпрестанно. Окрестности прелезны: оба берега Сухомы круты и высоки; на нихъ шумитъ густой лѣсъ. Боя много мѣстоположеній живописныхъ.... Въ горахъ какъ-то лучше дышитъ: сердце лучше понимаетъ природу. Боя много такихъ горъ, на которыхъ и осены представляются съ рѣки кустарникомъ. Въ Опожѣ я припомнилъ старину, какъ мы тонули слишкомъ 20 л. тому назадъ. Только много это совершенно не въ такомъ видѣ осталось у меня въ памяти. Скала, сажена 15 вышины, образуетъ не выпуклую, а возмнутую дугу—адѣсь тонули мы: а подлѣ неѣ—такъ называемая медѣжкая гора; она образуетъ выпуклую гору; она вдвое выше скалы.

На противоположномъ берегу такая же гора, называемая Порогомъ. Въ Порогѣ мы вышли четверо и взяли лошадей; а пятого товарища оставили въ лодкѣ.

До Устюга оставалось еще 70 верст, — а мамъ хотѣлось поспѣть туда къ заутреннему, т. е. къ Петрову дню. Однакомъ приѣхала ночью. Остановился я у А. П. Царевского, который былъ знакомъ съ моимъ отцемъ и знаетъ меня 22 года тому назадъ. Оня и жена его (родная сестра моего У-го товарища Вороникова) приняли меня радушно. Я прожилъ у нихъ день; а послѣ перебрался къ ученику моему Красильникову, у котораго давно уже была приготовлена для меня квартира. Устюгъ одинъ изъ красивыхъ городовъ по своему мѣстоположенію. Онъ стоитъ на крутомъ берегу Сухоны, которая широко раскатила здѣсь воды свои. Водъ набережная обстроена каменными домами; изъ за нихъ видны церкви, всѣ почти съ вызолоченными главами, такъ что съ рѣки представляется какъ будто весь городъ каменный. Въ 2-хъ вер. отъ него, въ верхъ по Сухонѣ, на крутомъ берегу находится Яковская пустыня — мѣсто очень живописное; видъ къ городу прекрасный. Въ живописной расщелинѣ, между двумя горами, находится колодезь, выкопанный монахами и обнесенный старыми соснами, на которыхъ множество гнѣздъ грачей. За городомъ Сухона прервала себя своею устьемъ, называемое Подъя; а другая рукавъ немногою подальше соединяется съ Югомъ. На острову, образуемомъ двумя рукавами Сухоны и Югомъ, стоитъ деревня. Дальше разстилается Двина. На крутой горѣ Гладень, т. е. на мысу между правымъ рукавомъ Сухоны и Югомъ, стоитъ Троицкой монастырь — одинъ изъ древнѣйшихъ въ этомъ краю. Мѣсто очень живописное. Вся окрестность видна на нѣсколько верстъ. Въ 8 верстахъ за Устюгомъ — Воскресенское — прежняя архіерейская дача. Она устроена при Елизаветѣ Пр. Варлаамомъ. Тамъ есть липсовая лѣсная. Около колокольни видны всѣ друны, которые развѣшаны на сѣнѣ. Они образуютъ вѣнчикъ П. В. В. У., т. е. Пр. Варлаамъ В. Устюжскій. Подлѣ саду мельница. Время я провелъ въ Устюгѣ весело. Прожилъ 10 дней, — а потомъ съ Засѣтскимъ отправился въ Никольскъ. Здѣсь жилъ 5 дней, — и каждый вечеръ быть въ гостяхъ. Квартира моя была у Пр. Соколова, женатаго на сестрѣ моей Савиной. Чаше всего бывалъ у окружнаго вѣдѣльщика Засоленскаго. Тимодавъ. Какая-то ничтожная красавица вполочиница, за мной. Всего больше нравилось мнѣ здѣсь купанье. Югъ очень быстръ, и вода хороша. Провожали меня торжественно: пили на прощанье изъ золотой чашки, пох. что забыли пить стаканъ. Я поѣхалъ дѣлать въ Леденскъ. Тамъ прожилъ 3 дня очень весело, и уѣхалъ въ Тотму. Въ Тотмѣ пробылъ только 2 дня, и опять въ Леденскъ. Веселье! Сидѣлъ Палкинъ, приѣхавшій изъ П-га, еговорень былъ на дочери Савана, солдатыка Л-го полка. Онъ объяснилъ мнѣ, что 8. Липляжовъ, за котораго я указывалъ назадъ тому 2 года, теперь влюблена въ меня. Слыху было много; и отъца и мать ея хотѣли завать меня; но теперь я уже не тотъ.... Павляковъ — острѣе. Однакомъ ночью онъ импровизировалъ стихи, — какъ бы я сталъ объясняться въ любви къ Умилѣ....

Большую часть времени проваля я на Мавзонтъ. Т. обр. прожилъ 11 дней. Потомъ поѣхалъ въ Тотлму. А. С. влюблена въ меня. Бедна была грустостей. Она подарила мнѣ кольцо. Проводины были самыя веселыя. На другой день я былъ уже въ В-дѣ. Остатокъ каникулъ провела въ Соколовѣ.

Вотъ краткій очеркъ моей Вологодской жизни. Подробно писать—негодя, а—главное—лѣнь.... Много, разумеется, не записано такого, что я составляю собственно свою жизнь: это только кити; но что же дѣлать? Надобно было бы подумать о запискахъ прежде и писать все сгоряча.—какъ говорится,—съ огнемъ писать....

Теперь договоримъ о настоящемъ. Осенью минувшаго года я занялся окончательно обработкою реторики: надѣюсь современнымъ надѣть что-нибудь порядочное, не то, что каданали Г. Георгіевскій, Кошанскій и т. под. Я забочусь больше всего о простотѣ и истиннѣ, а это кажется главное къ учебникѣ. Въ положенія беру прямо изъ жизни, а чего не знаю, такъ о томъ и не говорю. Сначала занялся было логикой; но этотъ предметъ требуетъ еще многихъ размышленій. Надѣюсь однакожь, что не безъ вниманія прочитаны были мысли моя о способѣ преподаванія логики въ гимназіяхъ и о Руководствѣ Рождественскаго. Въ Ж. М. Н. П. похвалили. Это первый печатный отзывъ обо мнѣ. Объ реторикѣ же надобно будетъ посоветоваться съ Плетневымъ, Никитенкой. Я займусь ею въ Петербургѣ. Теперь доволенъ и тѣмъ, что успѣлъ дать ученикамъ хотя нѣсколько истинныхъ понятій о словесности. Несчастный этотъ предметъ у насъ въ Россіи. Все толкуютъ объ немъ, даже бабы, а никто почти не понимаетъ. Тѣ, которые понимаютъ, не пишутъ. Недавно перевелъ нѣсколько оперъ изъ Ц. Карлоса отиками. Переводъ вѣрнѣ; а больше не могу ничего сказать объ немъ. Печатать не думаю; потому что драма эта вся уже переведена Ободовскими. Когда буду въ П-гѣ посмотрю его переводъ.—и если увижу, что мой вѣрнѣе, тогда канемчатно. Дая только Богъ, чтобы надежды моя сбылись,—а то мнѣ не въ ночь приходится уже жить съ В-дѣ. Не видать ничего гадше этого города! Такъ называемая аристократія адѣшная—все надутыя санины; глупы, средю ничему не удивляясь, ничего не видая, ничего не читывая,—и хотѣть корчить, все графомъ да князья. Средній классъ—хуже пшѣй. Слѣпечничество ужасное. Наша ученая собранія—тоже гуся порядочные. Директоръ учился, много выдалъ,—но до сихъ поръ охмѣляесть.... Инспекторъ большая, дитрая и пре-самолюбивая штука.... Я прошусь въ Петербургъ, въ первую гимназію, на мѣсто учителя словесности. Не знаю, чѣмъ-то кончится. Плетневъ, Никитенко и Мавсимова хлопотутъ обо мнѣ.

Съ этихъ поръ я начну мой дневникъ.

17 Декабря. Былъ у Жарковыхъ. Воспитательница его Варвара Плотто, институтка, влюблена въ меня. Сегодня очень много было многозначительныхъ взглядовъ

и рвчей.... Она еще неопытна. Кружить ей голову не стоит; потому что на нину никакой цѣли.... Пылъ мой уже пропалъ; теперь надобно быть разсудительнѣе. Надобно признаться, что мнѣ оцѣна отъ институтокъ. Сдѣлалъ имъ анкетъ я ихъ, всѣ онѣ были неравнодушны ко мнѣ. Самъ Ж. прекрасный челоуѣкъ; старой служивой; былъ подъ Аустерлицемъ; до сихъ поръ еще сѣмъ и неистопимъ на анекдоты.

19 Дек. Былъ у Дивернуа. Вѣдѣлъ мѣ первый разъ посылъ приѣзду изъ деревни Адели Порошинну. Она немного выросла. Познакомился и съ сестрой ея Антонинной, недавно выпущенной изъ Ек. Москов. Института. Обѣ онѣ двоюродныя сестры моего любимого профессора Няк. Отецъ Порошина. Мать ихъ уѣхала недавно въ Петербургъ къ сыну. Я познакомился съ этимъ семействомъ въ прошедшемъ году. Сынъ Порошинна тогда проживалъ въ В-дѣ: онъ студентъ П-го У-а, но б. боленъ аневроизмой, и потому жилъ при матери. Ему кто-то говорилъ обо мнѣ и о братѣ, что мы люди ученые, дальные, литераторы (III) и онъ приѣхалъ познакомиться съ нами. Это было въ первыхъ числахъ Декабря. Съ тѣхъ поръ мы сошлись съ ними: онъ челоуѣкъ неглупой и большой оловитникъ учиться. Мы часто бывали другъ у друга. 19 Декабря, въ именины Адели, танцевали у нихъ. Адели, разумеется, какъ молоденькая институточка, остановила на мнѣ свой взглядъ: вѣдь надобно же кому нибудь любить молоденькой дѣвушкѣ, хоть для того только, чтобы поговорить по секрету съ подружками.... Мы поняли другъ друга. Но это продолжалось недолго. Мать съ сыномъ уѣхала въ П-тъ на третій день Рождества; а дочь съ бабушкой въ деревню. Потомъ другая сестра ея вышла изъ института, и теперь онѣ приѣхали сюда ненадолго, — только проводить мать.... Въ среду онѣ уѣзжаютъ въ деревню. Вчера я очень много куртиазилъ: обѣ сестры очень заняты мной. Онѣ сказали мнѣ, что напуганъ у нихъ была Надяныкъ Плотто (онѣ одноклассницы), что онѣ не спали всю ночь, вспоминали старину, что Надяныкъ влюблена мнѣ, что она влюблена мнѣ захотѣла и пр. и пр. Потомъ прочли у меня книгу. — спрашивали у меня нѣсколько разъ: надолго ли я ѣду въ Петербургъ? и пр. и пр. Прощаніе было многосмыслительно. Сестра Мадамъ Дивернуа сказала мнѣ, что очень много жалѣютъ обо моемъ отъѣздѣ. Разумеется, не трудно угадать — кто эти мисіе.

24 Дек. Вчера утромъ я былъ ужасно расстроенъ. Какъ? Получилъ нѣдѣлю уже тому назадъ письмо отъ Копосова, въ которомъ онъ уведомляетъ, что переводъ мой непремѣнно состоится, и между тѣмъ не получаю ничего, и даже имѣть никакого извѣстія отъ Соколова. Приготовилъ было уже письмо къ Вибиковой, изъ которомъ бранилъ Соколова. Но вдругъ братъ сказывалъ, что приѣхалъ сейчасъ О. Петръ и сказалъ, что обо мнѣ получена съ этой почтой бумага. И тѣмъ же въ гимназіи. Въ бумагѣ сказано: Директоръ I-я Петербургской Гимназіи уведомляетъ меня, что въ его Гимназіи открылось мѣсто Ст. Учителя Словесности, — и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствуетъ о перемѣщеніи на это мѣсто изъ В. Г. кандидата Иванцлага.

А потому предлагалъ намъ, Милостивый Государь, доставить мнѣ свидѣніе—нѣтъ ли какихъ препятствій къ перемѣщенію канд. Иванцоваго, и если нѣтъ, то выслать мнѣ формулярный списокъ о его службѣ. Я пошелъ къ директору. Огъ было сначала изговорилъ: вотъ видите, вѣстакъ не обомлоо безъ моего содѣйствія; но тогда я сказалъ ему: объ этомъ-то я и пришелъ просить васъ,—тогда онъ перемѣнилъ тонъ, сказалъ, что радуется моему счастью и пр. и пр. Потому, чтобы не остаться безъ учителя, предложить мнѣ выслать, чтобы оставили меня здѣсь до Майя; но въ такомъ только случаѣ, если это не повредитъ моему перемѣщенію. Я, разумеется, охотно согласился, и дѣло кончено. Такъ об. я уѣду изъ Вологды. О, сколько утѣшительнаго въ этой мысли! Еще уѣзжая изъ Петербурга, я уже думалъ о томъ—какъ бы поскорѣ опять возвратиться туда. Живя въ Пескахъ, я безпрестанно писалъ къ Плетневу и Никитенкѣ объ этомъ самомъ; но мѣста не было. Наконецъ долженъ былъ перебраться въ Вологду. Здѣсь въ первую голу не могъ думать о перекодѣ. Исторія съ Ю. Г. и слѣдствія этого—непріятности съ домашними внушили мнѣ первую мысль удалиться отъ ала. Наконецъ прошедшей зимой, послѣ того какъ всѣ подняли такую ужасную тревогу и чуть-чуть не жгали меня на Давыдовой и даже на самой Вибяковой, я написалъ къ Плетневу, что желаю служить въ Польскѣ, гдѣ предлагаютъ разные выгоды охотникамъ. Объ той же почтой написалъ я въ Варшаву къ директору второй гимназіи Фиминскому, бывшему университетскому инспектору. Плетневъ отвѣчалъ съ первой же почтой, что въ В. ѣхать не захочетъ, что надобно подать прошеніе попечителю о перемѣщеніи въ Петербургъ. Прошенію было написано и отправлено въ письмѣ къ Плетневу. Этого никто не зналъ здѣсь. Плетневъ самъ подать прошеніе мое попечителю и получить отвѣтъ, что при первомъ мѣстѣ я буду перемѣщенъ. Тѣмъ дѣло и кончилось. Наконецъ въ первый члскалъ Ноября я получилъ извѣстіе черезъ Максимовича, что открывается мѣсто въ первой Гимназіи. Я тотчасъ написалъ къ Плетневу и Никитенкѣ. Плетневъ попросилъ попечителя, а Никитенко Кадыжова (Дир. 1-я Г.)—и дѣло рѣшено. Перемѣщеніе это во всѣхъ отношеніяхъ должно быть выгодно для меня. Во-первыхъ, служить въ Вологдѣ нѣтъ никакой цѣли; служу хоть 20 лѣтъ, кромѣ жлтованія ничего не выполняю; занимаюсь нѣтъ никакихъ средствъ; посянговаться не съ кѣмъ. Вторыхъ, живя въ Вологдѣ, я мало полезенъ для семейства; платить отцовскіе долги не имѣю средствъ. Въ Петербургѣ же не то.

1844 годъ.

10 Января. Всѣ праздники провелъ весело. Я говорю это только объ жиш. мой мажи, а не объ душѣ и сердцѣ. Въ первый день писалъ письма въ Петербургъ; потомъ принималъ поздравленія, болѣею частью отъ учениковъ. Самъ не ѣдиль съ поклонами. Вадоръ! Только къ Дир. и Инспек. и то ex officio.

Ненавижу этих людей: въ высочайшей степени эгоисты: плачутъ и дергаютъ камень за пазухой. Вечеромъ былъ у Новицкаго. Этотъ человекъ съ родни мнѣ по душѣ. Оттуда часовъ въ 8 отправился къ Жаркову и просидѣлъ тамъ до полночи. Было довольно весело. На другой день вечеромъ былъ у Новицкаго. Въ понедѣльникъ вечеромъ былъ у Дубавина. Карты.... послѣ только немножко было веселье. Во вторникъ у Ясыцкаго.... любезничалъ съ Семережкою.... Она очень мила, только вѣтреная; мной занимается; но это на нѣсколько минутъ; но будь меня здѣсь, я все къ чорту. Танцевали до упаду. Въ среду маскировался; былъ въ двухъ или трехъ домахъ; а послѣ цѣлая вечеръ дурачился у Энгельмейера. Съ Лидіей вралъ ужасно, а она все слушаетъ охотно. Ужасно опустилась! отвратительная безстыдная дѣвушка. Не то было прежде.... не такъ я смотрѣлъ на нее.... Въ четвергъ у Шарыгина: опять любезности съ С-ой и опять дурачества. Маскировался я съ 8. ъѣхалъ къ Жаркову. Усталъ. Въ пятницу у Новицкаго. Танцевали до утра. Въ субботу на именинахъ у Вульфа. Опять до утра. Въ воскресенье въ маскаралѣ въ собраніи. Почти до утра. Въ понедѣльникъ маскировался съ Новицкимъ, а ночь до утра танцевалъ у Жоленинскихъ. Во вторникъ на именинахъ у Застыкой. До утра. Въ среду отдыхалъ. Въ четвергъ у Шарыгиныхъ на вечеръ. Насилу опомнился послѣ такой гулянки. Но душа моя, какъ только погружусь самъ въ себя, не знаетъ покою....

Занимался риторикой: если Богъ велитъ, въ будущемъ году выпущу первую часть. Знаю, что она далеко не удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ; но до крайней мѣры вѣстки представить нѣчто живое. До сихъ поръ въ ходу Комарскія, Плоскинъ, Георгіевскій.... хоть бы искра ума и чувства была въ этихъ сборникахъ. Я самъ Давыдовъ семимаристъ. Вообще эта часть у насъ въ Россіи еще и не начпнмалась. Смѣшно! учебники пишутъ чертъ знаетъ для кого! Нагородятъ галлицизмы цѣлую книгу, да и даютъ ученикамъ.... Помнитесь! развѣ учить вадору не значить разорачать учениковъ? Притомъ вачѣмъ такіе огромные учебники? Училища словесности не значить выдѣлывать реторику. Словесность такой предметъ, гдѣ надобно понять хорошо только главную, основную мысль, т. е. связь языка съ понятіемъ, и тогда весь учебникъ будетъ ясомъ какъ дѣти; а безъ этой мысли—все вадоръ, хоть бы реторика ваша была въ 100 томовъ. Учить словесности надо не по книгѣ: книга для учителя служить только пособиемъ за которой водить его учитель. Надобно разивать учениковъ многостороннѣе. До сихъ поръ я употребляю вотъ какія средства: въ IV классѣ читаю хорошія сочиненія и объясняю имъ мысли, со всѣми ихъ изворотами и приложениями, для того чтобы пролить въ умы учениковъ смачата хоть немножко себѣ; разбираю въ подробности сочиненія учениковъ, Разумѣется въ оныхъ случаяхъ обращаюсь сперва къ онымъ ученикамъ, а чего они не знаютъ, говорю самъ. Въ V классѣ по риторикѣ уже разбираю хорошія и дурныя сочиненія. По моей

реторику можно это делать; а по реторике Котанского нелзя. Обращая внимание на красоты выражения. Въ VI классѣ почти тѣ же занятія; даю только поправлять нѣкѣ сочиненія учениковъ IV класса. Въ VII классѣ задаю спорныя темы, и ученики должны защищать ее передъ всѣми. Какое обширное поле для диалектики! Кроме того въ IV классѣ ученики пишутъ еще сочиненіе на доскѣ: это для того, чтобы слѣдить за ходомъ ихъ мыслей. На бумагѣ нелзя указывать, можно только поправлять; а здѣсь есть возможность предупреждать каждое уклоненіе отъ прямой дороги. Современникъ можетъ быть придуманъ еще нѣкоторыя средства—съ большою пользою занимать учениковъ. Все это теперь очень занимаетъ меня; потому что до этого я делалъ самъ, безъ всякихъ указаній,—и плагу и изложеніе реторики принадлежитъ лично мнѣ: учителей у меня не было. Въ Университетѣ этотъ предметъ читается совершенно не такъ: тамъ легче преподавать словесность, нежели въ гимназіи. Надобно напоминать объ этомъ особенную статью, да не могу собраться. Впрочемъ торопиться нечего: можно еще подумать. По выходѣ изъ У-ты я не имѣлъ понятія о преподаваніи словесности въ гимназіи; потомъ обдумывая болѣе и болѣе этотъ предметъ, дошелъ до настоящихъ мыслей; нелзя считать ихъ конечно окончательными, по крайней мѣрѣ основаніе вѣрно. О хорошей христоматіи, которая тысячѣ необходима, какъ и реторика, надобно еще подумать. Теперь покажите мнѣ мѣтчики 3 сборника: *Собраніе образованныхъ Русскихъ сочиненій 12 томовъ; Христоматія Пешинскаго и Христоматія Галахова*. Въ первомъ собраніи всѣ сочиненія, пользующіяся классическою извѣстностію въ первой четверти 19 столѣтія. Разумѣется тутъ есть многое, чего бы не слѣдовало помѣщать въ христоматіи. При томъ для учениковъ эта книга теперь не годится; во первыхъ потому, что недоступна для нихъ по огромности, а слѣдъ и по цѣнѣ; во вторыхъ потому, что въ ней нѣтъ сочиненій новѣйшихъ. Пешинскаго христоматія также пахнетъ стариною и не совсѣмъ разборчива. Галахова отзывается безвкусною. Если буду жить въ П-ѣ, надобно объ этомъ предметѣ подумать и поговорить съ молодыми учеными. Теорія поэзіи представляеть ужасно много затрудненій. Теперь у меня собрано все, что было можно собрать, живя въ В-дѣ; но въ П-ѣ надобно заняться этимъ предметомъ основательно. Боже мой! за что ни хватись, ничего у насъ нѣтъ! А между тѣмъ молодое поколѣніе не ждетъ и проситъ науки.

Февраля 8. Опасенія мои, къ несчастію, были оправданнымъ: два письма изъ П-га отъ Соколова окончательно подтвердили истину, которой боялся я. Въ первой гимназіи нѣтъ не бывать... Соколовъ пишетъ, что у Капымова есть въ виду другой. Все таки это для меня самая горькая несправедливость! Хотя Вибикова и убѣждаетъ, что брать ея—директора 2-го корпуса,—будетъ хлопотать обо мнѣ и искать мѣста гдѣ-нибудь въ корпусѣ; но все таки надобно вѣхать въ П-ѣ на авось. Плетневу написать письмо такого рода, что онъ, я думаю, отвѣтитъ

около.... Подождемъ. Сегодня послѣднiй день масленицы; катанья я даже не видать: не то на сердца. Впрочемъ всю недѣлю, каждая вечеръ быть въ гости, хотя душевно и скучать.

Марта 21. Дѣлалъ мѣсяцъ... какое мѣсяцъ! слишкомъ в мѣсяцъ не могъ приняться за дневникъ. А сколько въ это время переиспытать, пораздумать, пере-чувствовать! Не бывае мнѣ вѣрно никогда аккуратнымъ! Нарочито для того и заведу дневникъ, чтобы не пропалъ ни одинъ случай жизни изъ памяти, ни одна мысль изъ головы, ни одно чувство изъ сердца; а между тѣмъ пишу тогда только, когда уже рѣзительно нечего дѣлать, или когда хочется спать, какъ сегодня напримѣръ. Но въ томъ-то и сила, что когда живемъ, тогда и не думаешь объ дневникѣ; а хватись за него тогда уже, когда жизнь совер-пить свое дѣло. Дѣлать нечего: запишу хоть воспоминашя. Отъ Плетнева полу-чилъ отвѣтъ съ первой же почтой... Что это за благодѣтель! Онъ принимаетъ во мнѣ участіе, какъ въ родномъ сытѣ. Пишетъ, что все къ лучшему; не хва-литъ Калмыкова, имѣть для меня въ виду что-то лучшее, соотвѣтуетъ заняться новыми языками и пр. Все это, разувѣется, успокоило меня, хотя и не вполнѣ. Самое лучшее то, что П. попрежнему любитъ меня.... Можетъ быть, мнѣ вавогда не оцѣнить достойно любви его. На третью недѣлю поста, въ субботу вечеромъ, прибѣжалъ Максимовичъ, изъѣ окружный инспекторъ. Насъ повѣстили въ воскресе-сеніе утромъ, и мы все собрались къ гимназію въ обѣдню. Страшное лицо у М. Когда онъ смотритъ серьезно, то кажется очень сердитымъ; когда же заговоритъ, то фзіономіи его дѣлается очень доброю и пріятною. Я успѣлъ обмѣняться съ нимъ только нѣсколькими фразами. Директоръ сказалъ ему обо мнѣ: „онъ скоро оставитъ насъ; мы уже и не считаемъ его за своего“.... Лучшие ужъ ничего не успѣлъ сказать! Максимовичъ только улыбнулся и сказалъ: „да“.... Въ понедѣльникъ онъ на минуту заходилъ ко мнѣ въ 4-я классъ. Никого не спра-шивалъ; только посмотрѣть. Во вторникъ пришелъ въ 6 классъ и сѣлъ на стѣнку къ ученикамъ. И проходилъ впередъ. Максимовичъ остался доволенъ. Въ среду пришелъ къ нему на квартиру: во сказали, чтобы придти въ 6 часовъ вечеромъ. Вечеромъ пришелъ, а его нѣтъ дома. Я разошелся и далъ себѣ слово— не ходить больше. Я думалъ, что онъ не хочетъ принимать меня. Какал ошибка! Наконецъ совершенно случайно прихожу въ пятницу вечеромъ. М. опять не было дома; но зато братъ его остановилъ меня и сказалъ, что братъ спраши-валъ уже обо мнѣ нѣсколько разъ. Черезъ ¼ часа прибѣжалъ и М. Я началъ благодарить его за участіе, которое онъ принималъ во мнѣ, еще не зная меня лично. М. сказалъ, что онъ очень радъ быть хлопотать обо мнѣ; во что, къ несчастію, неудачно.... Я отв., что знаю все,—и прочиталъ ему писмо П-на. Разговоръ былъ продолжителенъ. М. обмывалъ меня, какъ отецъ. Сказалъ, чтобы я прибѣжалъ въ П-тъ въ 10-ть, что онъ доставитъ мнѣ и уроковъ, и мѣсто.

чтобы я не заболелся ни обь чемъ, что обо мнѣ заботится больше чѣмъ я самъ о себѣ выучусь, что я человѣкъ любознательный, и потому долженъ имѣть ходъ, и буду его имѣть и пр. и пр. Чего жъ мнѣ больше и ожидать. Я слушалъ М. почти со слезами. Между тѣмъ разговоръ кончился и службой моей. М. оказало, что онъ всегда слышитъ обо мнѣ съ отличной стороны, только съ начальствомъ у меня всегда *каже-то такъ*.... При этихъ словахъ онъ сдѣлалъ пальцемъ въ воздухъ выщелку и улыбнулся. Ось Калмыковъ сказалъ: „вы разумеется писали къ нему такъ, какъ ко мнѣ пишете и къ Петру Александровичу, и вообще къ людямъ, понимающимъ эти вещи; сдѣл. ослобы вы написали къ Калмыкову хоть такъ напрямикъ—*наисусатакайный вама*, то я это было бы кстати“, — и засмѣялся. Вообще видно, что онъ понимаетъ меня, что П. много ему говорилъ обо мнѣ, и что самъ онъ, какъ благородный и добрый человѣкъ, любитъ дѣлать добро другимъ.... Я былъ въ такомъ восторгѣ отъ этого разговора, что не могъ опать всю ночь. А милостивое мое начальство—одинъ семинаристъ, а другой полонецъ—вѣроятно уже шепнули ему обо мнѣ.... Да не на того попалъ! Ось самъ хорошо понимаетъ ихъ.... Сочинилъ учениковъ М. брать на квартиру и остался очень доволенъ.... Въ пансіонѣ ось при всѣхъ сказалъ: „я адѣсь напелъ такіа сочиненія, которыхъ не выходилъ ни въ одной гимназіи!“ Директоръ при этомъ только захлопалъ ушами, а Фортунатовъ точно такъ сказалъ: „да, они имѣютъ чинкого наставника; в мы съ Ад. В-мъ каждое воскресенье читаемъ имъ проповѣди“.... *Мм!* а когда въ уѣздномъ училищѣ М. былъ малолетствъ и бранился, тогда директоръ не оказало *мы!* Подлецъ!

22 Марта. Былъ на 5 недѣль поста, въ среду, у Порошиной. Провелъ часа два преприятно. Адель и Антонина были въ восторгѣ, увидѣвъ меня. Ось не замолкли ни на минуту. Вѣрно не шута я запалъ имъ въ головы.... какъ еще онъ не подерутся за меня! Много говорили и о Баронессѣ Плотто..... Ось всячески дають захитить мнѣ, что Плотто влюблена въ меня; а я будто и не починаю.... Страшно это институтское воспитаніе! Дѣвушка выходитъ изъ института совершеннымъ ребенкомъ: какъ будто ихъ воспитываютъ для гаремовъ.... На повѣрку выходитъ то, что онъ влюбляется въ перваго появившагося мужчину, п счастливымъ еще тѣ, которыя, по выходѣ изъ института, имѣютъ вѣрныхъ руководителей въ родителяхъ, а не то—гибель вѣковая.... Мать просила меня повидаться еще разъ съ нѣю, до отъѣзда въ деревню; а дочки прямо назначили джмѣ свиданія—верное воскресенье.... И хотѣть потѣшить ихъ, и вечеромъ въ назначенный день отправился къ нимъ. Мать еще отъвѣдала. Адель и Антонина потрѣтили меня; онѣ такъ были довольны моимъ посѣщеніемъ, что не попрощали даже садителѣ. Антонина точно такъ оказало, что Адель напоминала матери уже нѣсколько разъ послать за мной; а Адель ссылалась на Антонину, и наконецъ обѣ покраснѣли.... Ясно, что нѣтъ обьимъ хотѣлось видѣть меня.... Сказали,

что посылали и за Баронессой: да ей кепья!... Впрочемъ мнѣ и съ дигуна-то трудно было любезничать; чтожъ если бы являлся еще трестъ?... Вечеръ промчалъ незамѣтно. Мнѣ было весело смотрѣть на эти миленькія созданія, — а они просто блаженствовали!.... При свѣтѣ луны я выдѣлъ, какъ онъ стояли у окна и провозили меня глазами, покажеть я не ухмыль изъ виду!....

Въ это же воскресенье получилъ письмо отъ Вурачка. Добрышій человекъ! Онъ хлопоталъ сильно обо мнѣ! Былъ у Князя и упрямилъ его, чтобы онъ позволялъ проситься мнѣ во 2 гимназію. Онъ промѣшалъ почтой я отправилъ къ Директору. Не знаю что будетъ изъ этого лива; а кажется ничего.... Впрочемъ— все равно: теперь я уже обеспеченъ....

26 Апрѣля. Говорять, Державинъ не зналъ порядочно ни одного языка; но странно смотрѣть на его переводы. Псалмы Давида, которые онъ могъ бы хорошо понимать по нашему Славянскому переводу, переданы ужасно диво; напр. что это за переводъ:

Помниша мя, о Боже! по волеица
Мнѣ милости Твоея,
По множеству щедротъ, Твоя десница
Сгладя грѣхъ съ души моея;
А паче тайныхъ беззаконій
Очиствъ: ихъ знаю я.

Между тѣмъ многія пьесы Анакреона и Горация, которыя онъ читалъ въ плохомъ подстрочномъ переводѣ, переданы превосходно. Вотъ что значить чувствовать симпатію къ чужой кибудь! Здѣсь онъ по одиному, можно сказать, буквенно угадывалъ духъ поэзіи, а тамъ—ное было ясно, и онъ ничего не выдѣлъ. Пьеса Державина *Лавра за арфой* есть переводъ пьесы Шлягера: *Laura am Clavier*, и переводъ прелестный, только въ концѣ онъ прибавилъ къ ней два куплета своихъ; она начинается стихомъ: *Завеса отъ очей упала*. Этого хвостъ совершенно задекорировалъ пьесу, такъ что нельзя даже и думать, чтобы она была не Державинская.

Вчера получилъ письмо отъ Соколова; онъ пишетъ, что въ Университетѣ явился мой другъ, и очень замѣчательный—Песляцкій, что Никитинко въ посторонѣ отъ него. Это пріятно. Песляцкій учился у меня въ Локоть, въ 6 и 6-мъ классахъ. Въ 7-мъ классѣ онъ былъ уже безъ меня, послѣ онъ поступилъ въ училище какого-то уѣзднаго училища, и черезъ 2 года перешелъ въ У-тъ. Но страшно то, что онъ тогда не писалъ стиховъ, по крайней мѣрѣ не показывалъ мнѣ; да и проза-то писалъ не охотѣясь хорошо. Стихъ, которую онъ читалъ на актѣ въ гимназіи, была импровизація моя.

VI.

Петербургъ.

Вотъ уже слишкомъ мѣсяцъ живу я въ Петербургѣ. Кажется, цѣлая жизнь, полная и горя и радостей, пролетѣла съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ въ послѣдній разъ въ этомъ дневникѣ. Изъ Вологды выѣхалъ я 9 Юля. Последнее время проводить не скучно. Каждый день бывалъ выѣхъ съ кѣмъ нибудь изъ пріятелей, съ которыми Богъ явотъ уязмусь ли когда. Меня очень любили всѣ.... Много пріятныхъ вечеровъ провелъ въ послѣднее время у Витта, у Новикова, у Смирнова, у Селецкого и пр. За день до отъѣзда прощался съ тѣми, которые еще оставались въ городѣ. Съ Жарковымъ простался нѣсколько пріяхе. Старый старикъ! Никогда не забуду его. У Витта былъ почти всю ночь ая дель до отъѣзда. У Новикова утромъ. Никитова—это хорошенькая, умная, милая, 14-лѣтняя его дочка—грустила: она также была занята мной..... Какъ жаль, что я не успевалъ писать моихъ чувствъ! Никитова гола черепъ два будетъ красавицей-небѣстой.... но не для меня..... Ужасно выдѣтъ—прекрасное и не кистъ вальденъ когда либо издѣтъ кистъ! Тутъ можно написать цѣлую диссертацию,—но останеть пока—до времени..... Бибикова съ чувствомъ простилсъ со мной и провозвала персты 4, разумѣется, выдѣтъ съ Соловьевымъ. Я поѣхалъ съ Засынскимъ и Максименковымъ въ брнчкѣ. Дорога была скучна: грязь ужасная, и потому ѣхали тихо. Въ Тихинѣ ночевали. 14 Юля утромъ, часовъ въ 9, выѣхали въ Петербургъ. Не нужно говорить, что чувствовалъ я, въѣжая въ столицу, гдѣ нѣкогда протекали лучшіе годы моей жизни, годы студентства.... Остановился въ домѣ Круае, у бывшаго ученика моего Энгельмейера. Это было въ субботу. Вечеромъ пошли гулять. Зашелъ на минуту къ Моихову; потомъ къ Эвальду. Дѣти узнали меня тотчасъ. Истѣ эти крошкѣ теперь выросли. Сама М-те Эвальдъ бросилась мнѣ на шею.... Федора Ѧ. не было дома, а старика Фед. Христ-ча уже четвертый годъ нѣтъ на свѣтѣ. Условились на другой день ѣхать на дачу къ Шактѣву; но никого не нашли дома. Гуляли въ Отроичновомъ саду; слушалъ кавалергардскую музыку.... Въ понедѣльникъ въ дилижансѣ отправился въ Кушелевку. Пришелъ къ Пастеву. Онъ встрѣтилъ меня попрощену. Поговорили объ дѣлахъ и пошли къ Никитенкѣ; но малыя дома одну только жену его. Пошли въ садъ: гуляли долго. Плещевъ проводилъ меня до дилижанса. Черезъ недѣлю я опять былъ въ Кушелевкѣ. Никитенко обласкалъ чрезвычайно. Я пробылъ у него цѣлый день. Жена его попрощену хороша, добра и мила. Тутъ же былъ и Любонинскій—братъ ея, мой старый товарищъ. Съ тѣхъ поръ и постоянно ѣзжу въ Кушелевку, дня на два въ недѣлю. Ночую у Шактѣва; потомъ отправляюсь въ Муюю Институтъ къ Григорьеву, а наконецъ къ Никитенкѣ; отъ туда уже въ городъ въ дилижансѣ. Ахъ, какъ тамъ весело, какъ омыо живишь! то ли въ Вологдѣ! Однажды я былъ съ Никитенкой въ 4 верстахъ отъ Кушелевки на

Поклонной горь. Тамъ гулялк въ саду и встрѣтили Остроградскаго. Онъ былъ въ бѣломъ сюртукѣ до пятъ: вокругъ шеи обернута голубая шелковая шаль; на головѣ бѣлая фуражка. Колосальный ростъ и необыкновенное выраженіе лица дѣлають его какинъ-то всемірнымъ существомъ. Окруженный дѣтьми, онъ игралъ съ ними въ карты. Съ ними же былъ и академикъ Вуняковский. Эта встрѣча памятна мнѣ. Въ Кущелевскъ же у Никитенки видѣлъ Павскаго, Фидилпова—маленькаго стараго университетскаго инспектора и Отрутовскаго—переводчика Гете.... Переводы его удачны. Никитенко досталъ мнѣ мѣсто въ Корпусѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, въ срединѣ классовъ. Мѣсто прекрасное. У Вурчакъ бываю также часто. Онъ человѣкъ хорошій; впрочемъ являеть небогата. Изъ старыхъ товарищей видѣлъ Любощанскаго, Саловскаго, Черниева, Виноградова, Маринковскаго, Поляко, Вилкова, Чертова... Всѣ они служатъ: нѣкоторые хорошо, а иные худо.

6 Сент. Съ 30 Августа мнѣ вывѣтъ съ Н. Н. С-мъ. Устрашилися хорошо. Это неспяние—мое смятеніе.... Живу ли скучно, ли весело; ни то, ни се.... Серьезныхъ заботъ рѣшительно нѣтъ: то полежу, то схожу куда-нибудь за дѣломъ, а иногда и безъ дѣла, то почитаю старый журнальный обродеъ, то подумаю о предстоящей новоя живани, то—по обыкновенію—замечтаю.... да и замечтаюсь.... Несомнѣныя мысли! откуда лѣзутъ онѣ въ голову? Я думаю, чрезъ недѣлю начнется уже моя новая служба! Что-то Богъ дастъ! неужели и здѣсь разочарованіе! Въ головѣ ужасное безмысліе.... рѣшительно ни одна мысль покажется не занимаеть меня.... Ужасно пусто и въ головѣ, и въ сердцѣ: ни гора, ни радости.... Одна только непріятность по временамъ давить сердце и скоплетъ въ груди грозу, которая, какъ обыкновенно бывають у меня, произвѣститъ мгновенныя вырывы....

16 Сент. На прошедшей недѣлѣ въ пятницу былъ у Никитенки и видѣлъ Красевскаго. Никитенко отрекомендовалъ меня ему. Я обѣщала доставить нѣсколько статей для *Отеч-аъ Записокъ*. Разговоръ былъ пустой: бранили монаховъ и вообще то состояніе, до котораго доведено у насъ духовенство. При этомъ разсказано было множество сѣблшнихъ анекдотовъ. Говорили о Моравицкой. Краевскій хотеть наладить его жизнеописаніе. Это хорошо. Говорили о Щепкинѣ, которая прѣѣхала сюда изъ Москвы. Онъ, говорятъ, человѣкъ очень сѣблшшій, просто живая книга. Между прочимъ Краевскій упомянулъ, что *Отаросетеміе* помянутого Гоголя написаны съ разказа Щепкина. Въ помѣстѣннхъ на нынѣшней недѣлѣ былъ въ *Кумокамерѣ* и въ *Кабинетѣ Петра Великаго*. Предметовъ множество; но особенно замѣчательнаго мало. Только статуя Петра и почаль его интересны. Впрочемъ первая сѣблшна чударно: лицо и руки дѣлелія. Портреты царей, начиная съ Алексея Михайловича—хороши. Портреты Евстеріны Великой превосходень. Что это за чудесныя глаза! Немудрено, что она умѣла

побуждать сердца. Скехотт мамонта интересен. А главное меня занимало въ Кунсткамерѣ лично какой-то Нѣмочки, которая ходила съ своею матерью. Очень миленькая! Она заглядывала въ пристально слѣзку за ней глазами, и часто осязала плечо. О женском лукавствіи! Впрочемъ мнѣ скоро наскучило и я ушелъ. Въ четвергъ былъ у Порошина. Признаться, никогда не чувствовалъ я, какъ много отсталъ въ своемъ образованіи въ послѣдніе шесть лѣтъ; но изъ разговоровъ съ Порошинымъ узналъ мнѣ бедную, отдающуюся меня отъ него, — я узналъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ — приняться за учебы. Но по пути зашелъ къ К., и кончить вечеръ сѣверно. Вотъ мой характеръ! Въ этихъ контрастахъ истинной теплоты чувства и массы въ самыхъ глупыхъ проступкахъ заключается моя жизнь; а всему причиной первоначальное воспитаніе и бышняя кровь. Въ одну минуту могу оставить за собою многихъ и даже очень многихъ, — и точно такъ быть низко животнаго. Впрочемъ Порошинъ подыскавалъ на меня благодетеля. Я рѣшительно принялся теперь за Нѣм-ій языкъ; надобно больше читать и читать и читать. Въ обществѣ съ Плетневыхъ, Никитенкой и Бурачкомъ я чувствую, что слышу на глухъ — потому что главное достоинство ихъ (кроме Бурачка) заключается въ явномъ изгнѣ и чистотѣ вкуса. Они не имѣютъ такой многосторонности фактическихъ свѣдѣній, какъ Порошинъ. Съ этимъ человекомъ познаешь вполнѣ все свое незнательство. Вчера были у Никитенки; сидѣлъ тамъ съ Гребенкой и Струговицкимъ. Гребенка челоуѣкъ безинтересный; но Струговицкіи очень образованный. Разговоръ былъ многообразенъ. Много говорили о Гете. Струговицкіи прамудрѣе всего занимались этимъ писателемъ и переводить его очень удачно. Мысль его, — что хотя Гете сдѣлался уже вполне нашимъ достоинствомъ въ переводахъ, перефразисахъ, поправахъ и т. п.; но что надобно изучить его непременно въ своемъ источникѣ: уподѣли всю ширину его мыслей, познать по какому поводу возникали эти мысли, какое отношеніе имѣли онѣ къ современной жизни и пр., — эта мысль совершенно справедлива. Дая Богъ, чтобы Струговицкіи удалось исполнить исполнить этотъ планъ. Говорили опять о Щепкинѣ. Очень хвалятъ его игру въ Ревизорѣ и сравнивали съ Соколинскимъ. Разумѣется, самъ я не могу судить объ этомъ; потому что не видалъ Щепкина, но недостатку въ финишисхъ. Что дѣлать? надобно показывать потерпѣть; авось скоро обстоятельство замѣнится. Говорили о книжной торговлѣ въ Роговіи. Въ самомъ дѣлѣ, имѣть у насъ вторго Новикова; все это торговля. Надобно бы составить компанію изъ людей образованныхъ, которые бы имѣли и силы и ередетна локротителствовать талантамъ. Тогда бы меньше было у насъ надорныхъ книгъ.

18 Окт. Много случилось со мною въ одинъ мѣсяцъ. Въ самомъ дѣлѣ въ Петербургѣ мѣсяцъ то же, что въ Вологдѣ годъ. Надобно бы записывать каждый день, да гдѣ взять времени. Жизнь кипучая.... когда жъ тутъ думать и записывать. Начнемъ съ того, что я уже живу на 4-й квартирѣ, по приваждѣ въ

Петербург. Ну да это проза. Лекции въ Институтѣ идутъ. Въ малюткиихъ классахъ я ничуть не боятельно. Кадеты на меня смотрѣли какъ-то дико, —однимъ словомъ, не поняли меня. И испытать маленькое разочарованіе. Прежде бывало я произносилъ на учениковъ магическое дѣйствіе... Я былъ всегда идоломъ ихъ, а теперь.... Въ чемъ же причина? Въ надрывахъ—преподавателей односторонности: они приучаютъ учениковъ только къ бездушнымъ возгласамъ и интуитивныя мысли, что знаніе словесностью легкое и пріятное. Отъ этого и происходитъ, что всякой хочеть учиться словесности слепо. Вутырскій, мой предшественникъ, кабыловалъ кадетъ: занималъ ихъ анекдотами да побаселками.... Однакъ надѣюсь, современемъ они полюбятъ званіа: надобно добиться того же, что я имѣлъ и въ Вологдѣ, т. е. безграничной любви, уваженія, преданности, утѣренности въ истинѣ всякаго слова, сказаннаго мною.... Въ офицерскомъ классѣ дѣло идетъ лучше: тамъ я профессоръ, студ. свободѣтъ, и скорѣе могу шлушить къ себѣ уваженіе. Нелюблю только устроить классъ. Офицеры не имѣли передъ собою столовъ, сидѣтъ на стульяхъ, разставленныхъ амфитеатромъ: а профессоръ долженъ стоять передъ ними на маленькомъ амвоитѣ, тоже не имѣя передъ собою ничего. Но дѣло идетъ хорошо. Слушаютъ внимательно, да и я не лѣнюсь; потому что предметъ чтенія—теорія поэзіи—любимѣйшій мой предметъ. Отношенія къ началству хороши. Получилъ черезъ Никитенко урокъ у Пожарскаго—готовить сына въ Университетъ. Ученики мой малой славныя; способности отличныя. Только тутъ вышла сплетня. До меня училъ Савельевъ—другъ и сотрудникъ Бурчан. И оговаривая на урокѣ невольно о Маякѣ. Ученики мой пересказали Савельеву, а тотъ Бурчану. Прихожу вчера къ Бурчану, и тотчасъ замѣтить, что уже ему пересказано. По случаю этого написалъ къ нему сегодня по городской почтѣ. Не знаю что будетъ. Хорошо, если бы разошлись съ нимъ. Съ такого фанатизма, который вилать къ Св. Писанію только буквы, дѣла не сдѣлаешь. Спорилъ вчера съ нимъ часа два о сатирѣ и комедіи. Разумѣется, ничѣмъ не рѣшился. Онъ утверждалъ, что этотъ родъ поэзіи противенъ духу христіанства; а я говорилъ, что основаніе его чисто христіанское,—желаніе исправить людей. Онъ занесъ ужасную желѣзность, что надобно у насъ въстановить только тѣ роды поэзіи, которые были у Евреевъ и пр. и пр. Что станешь дѣлать съ такими человѣками? Онъ готовъ въ глаза выпититься каждому.

2 Декабря. Былъ вчера у Никитенки, и провелъ время очень пріятно. Спачеда пришелъ туда Краевскій. Разговоръ нечуждаственно скончился къ Крылову. Много было сказано о его умѣ—чисто Русскомъ—точною, тонкою, сибѣлливомъ, о его уваженіи илюзіямъ изъ жизни и пр. и пр. Между прочимъ потъ два анекдота, рассказанные Краевскимъ. Однажды (К. не помнитъ, въ которомъ году) Крыловъ сидѣлъ у Князя Одоевскаго. Приходитъ Яковъ, который тогда бредилъ пачувано-пластикой, и хихикъ Гресь. Одоевскій тотчасъ познакомилъ ихъ съ

Крыловых. Начались разные влечения и комплименты. Крылов между прочим сказал: „да, и я очень люблю естественные науки; но не был возможности заниматься ими как следует; а потому много вопросов для меня нерешимы, хотя очень занимают меня.“ Якоби и Геосъ, разумеется, захотели узнать—что это за вопросы. „А вот например, скаж. Крылов: и не понимаю преломления лучей света. Положим, я отсюда, справа, смотрю на левый конец картины и вижу его; а вы слева—на правый и также видите. Каким же образом, если мы видим предметы потому, что лучи света падают на них и отражаются в глаз, здесь эти лучи пересекают друг друга и не перемешиваются?“ Другой анекдот. Въ 1836 году, въ послѣдній годъ жизни Жуковскаго, у Жуковскаго были субботы. Однажды въ субботу сидѣли у него Крыловъ, Кривеяскій и еще кое-кто. Вдругъ вошелъ Пушкинъ, необыкновенно ужасно. Что за причина? спрашиваютъ все. А вотъ причина: дѣловъ Крыловъ не хочетъ пропустить изъ стихотвореній Пушкина—Пиръ Петра Велѣико—стихотв.: чудотворца исмаелна черкесбровая жена... Пошли толки о дѣворахъ. Жуковскій, съ собой-сказанномъ ему дѣтскимъ поэтическимъ простодушіемъ, слышалъ: „странно, какъ это затрудняются черкеры! Уставъ нѣхъ данъ: ну, что подходить подъ какое нибудь правило—не пропускай; тутъ въ томъ только и трудъ: прилаживать правило и смотрѣть.“—„Какой ты чудакъ! сказалъ ему Крыловъ: ну, слушаю. Положимъ, поставили меня сторожемъ къ ятой залъ, и не велѣли пропускать въ двери плѣшниковъ. Идемъ ты (Жуковскій плѣшникъ и зачесываетъ волосъ съ висковъ), я пропустилъ тебя. Меня отколотили палками—вѣдь пропустилъ плѣшникаго. Я отв.: „да вѣдь Жуковскій не плѣшникъ: у него здесь (показывая на виски) есть волосы.“ Миѣ отвѣчаютъ: „здесь есть, да здесь то (показывая на мышковъ) нѣтъ.“ Ну хорошо, думаю себя, теперь-то ужъ я буду знать. Опять идемъ ты; я не пропустилъ. Меня опять отколотили палками. „За что?“—„А какъ ты смѣлъ не пропустить Жуковскаго.“—„Да вѣдь онъ плѣшникъ: у него вѣдь (показывая на темя) нѣтъ волосъ.“—„Здесь-то нѣтъ, да здесь-то (показывая на виски) есть.“—Чортъ возьми, думаю себя: не велѣли пропускать плѣшниковъ, а не сказали, на которомъ високѣ встанѣться“. Жуковскій такъ былъ пораженъ этой простой истинной, что не зналъ—что отвѣчать—и замолчалъ.

А вотъ кстати ужъ еще анекдотъ Крылова. Я слышала его отъ Познавскаго. Незадолго до смерти, Крыловъ былъ гдѣ-то на обѣдѣ. Разговоръ завелъ объ стерлядкахъ, которымъ въ это время подавали, за столомъ. Одинъ какой-то господинъ, сѣдя напротивъ Крылова, рассказывалъ, что изъ ихъ стороны стерляди необыкновенно велики. „А какъ например?“ спрашиваетъ Крыловъ.—„А вотъ, отъ господина, какъ отъ меня до васъ.“ Крыловъ немного отодвинулся отъ стула въ сторону и сказалъ: „не мѣшай я и мѣшъ?“.... Просто зарывалъ! Да и Крыловъ ужъ вѣтъ на свѣтъ! Грустно видѣть, какъ старое покатіе извѣстней по-

степенно все уже почти бавало со сердца; а новое что-то плохо действует. Далио
ли у нас звучала еще имена: Пушкина, Баратынского, Крылова, Дмитриева,
Карамзина, Гибявца, Дельянта, Ваташкова и пр. и пр. А теперь остался уже
только один Жуковский. Да и тот живет въ Дюссельдорфѣ съ молодой женой.
Говорить впрочемъ, онъ уже перевелъ 10 пѣсней Одиссея. Дав Богъ, чтобы
онъ кончилъ этотъ трудъ. Теперь у насъ одинъ Гоголь.... Вотъ писатели! Вчера
Кравковъ говорилъ, что Гоголь написалъ путевыя записки Русскаго генерала
въ Италию. За одну тему уже стоитъ расдѣлывать Гоголя. Этотъ предметъ до-
того исходненъ комизма, что право кажется не можетъ быть ничего лучше. Что
можетъ быть глупѣе Русскаго генерала? Но идѣи этотъ народъ, можно сказать,
нѣ своихъ сложилъ; а чтожь онъ въ Италию, среди памятниковъ искусства? Ум-
режь со смѣху!—Вылъ вчера у Никитенки Маяковъ. Я познакомился съ нимъ.
Прелестный человекъ! Онъ прочелъ прекрасное стихотвореніе—*Дуга вѣка*. После
много толковали съ Италию, съ женщиныхъ—съ Венешанцахъ и Испанцахъ....
Боже мой! неужели мнѣ никогда не удастся осуществить мечту свою—о поѣздѣ
заграницу. Нѣтъ, отказуюсь отъ всѣхъ ядвѣныхъ благъ, какія только сулитъ
здѣсь жизнь, и во что бы то ни стало, поѣду заграницу.

1840.

3 Мая. Чортъ знаетъ! никогда нѣрно не быть мнѣ аккуратнымъ. Дневникъ
я завелъ не для того, чтобы писать воспоминанія, которыхъ—какъ бы они ни
были ясны—возстану воспоминанія; образы безъ плоти и крови; мнѣ хотѣлось
бы высказывать мысли и чувства въ минуты ихъ бытія; а малорѣчку выводить
не то: я продумываю почти по полугоду.... Вотъ Русская натура!

Вчера былъ Маяковъ шарль. Ничтожное столкновение какого-то
франта съ полицейскимъ чиновникомъ навело меня на ужасное чувство.... Чѣмъ
больше живешь, тѣмъ больше понимаешь, какой ужасный деспотизмъ въ Россіи....
Это чувство невыразимо мучительно.—и нѣтъ никакой надежды на болѣе свѣтлую
будущность.... Вудочникъ можетъ среди улицы ударить насъ по щеѣ, и попро-
буйте-ка позлословиться? вѣкъ задавать.... Ужасное положеніе! Чувства народныя
долго одолѣны, въ этомъ дьявольскомъ деспотизмѣ, что подлость даетъ чело-
вѣку пѣсь, и облагораживаетъ его въ глазахъ другихъ. Слова: *она подлая*.—и
она хорошій человекъ—у насъ синонимическія. Попробуйте жить честно: счастье
еще, если насъ не задумаютъ.—а ужъ о низгрѣдахъ не думайте. Кто вчера хра-
мовалъ . . . въ лентахъ и аждадахъ? Первые подходы къ Россіи, царвары,
тираны, дураки,—и народъ такъ привыкъ къ этому, что смотритъ на нихъ съ
какимъ-то благоговѣіемъ.... А Царь? онъ совершенно счастливъ, что солдаты
хорошо маршируютъ.... Онъ считаетъ себя въ эти минуты не ниже Наполеона....
. . . , а что между тѣмъ дѣлается ужасъ! нѣтъ словъ выразить воѣ

мерзости.... Быва ли Римъ бывалъ въ такомъ плахоженіи.... И есть же подданы, которые печатнымъ образомъ кричатъ о славіи Россіи, Мы венки подданными: въ этомъ дѣйствительно не сравнится съ нами ни одинъ народъ.... а больше что? всѣ части у насъ въ упадкѣ страшномъ.... неадъ торжествуетъ одна только подлость.... Ужасъ, ужасъ!... Если бы имѣли средства, сбавилъ бы на край свѣтъ.... только чтобы не водить этого и отдохнуть сердцемъ.... въ груди такъ тяжело.....

19 Ноября. Съ Октября я получилъ 4 частныя мѣста. Одно у Графа Фермана. Готовить въ У-тъ двухъ сыновей и учить дочь. Сыновья хорошие люди, а дочь Софья Павловна—прелесть. Умило и мила. Она доставляетъ мнѣ много удовольствія. Другое—у Княгини Салтыковой—готовить въ Университетѣ сына. Прелесть что за юкота. Умило и благородно! Третье—у Князя Одолевскаго (Влад. Федор-ча) готовить въ У-тъ племянника. Четвертое—у Графа Клейнмихеля—учить двухъ дочерей.

Все это проза. Теперь о ваканціяхъ другого рода. Я переажу Донъ-Карлоса. Кажется, удастся копчить это дѣло хорошо. Драма моя пошла въ ходъ, и общипать успѣлъ. Можетъ ли въ деспотическомъ государствѣ быть что-нибудь порядочное на сценѣ! Ахъ, если бы всѣ мои надѣлки исполнились!

1846.

18 Февр. Проза, проза и проза! куда ни оглянись—все проза. Возьмемъся за перо—проза: потому что въ тѣ минуты, когда чувствуешь въ себѣ что-то похожее на поэзію—перо не попадаетъ подъ руку. Хотѣлось бы писать жизнь духа, то, что волнуется меня, а между тѣмъ пишешь не то, какія-то холодныя воспоминанія. Нужно имѣть Нѣмецкую аккуратность, а это ужъ рѣшительно не въ природѣ моей. Въ границахъ я никакъ не могу быть: что ни задать себѣ, ничего не исполнишь. Плановъ много, и если судить обо мнѣ по планамъ, такъ пожалуй иной сочтетъ за гонія,—да ноть бѣда! имѣть воли. Съ самой напряженной мысли я тотчасъ падаю въ грязь. Считаю только мое, что недолго останусь въ этой грязи: тотъ часъ же опять и встану *здравъ и непреклонъ*. Пожила, доламъ-бѣе живется. Умираю—и слѣда не оставишь.... Грустно! Теперь только находить иногда на меня минуты, когда я начинаю чувствовать какое-то одиночество. Иной сочтетъ это за полозавоженіе жениться. Да вѣдь нельзя, по моимъ понятіямъ о жизни и о женщинѣ.... Впрочемъ много тужить не о чемъ. Изучать же я и учился, если не устою противъ внутренней борьбы. Вотъ много еще въ жизни, чѣмъ можно одушевить себя. Впервыхъ наука со всѣми своими живоносными истинами; вторыхъ литература: въ третѣхъ благотворительность.... окошко читѣвшихъ наслажденій, которая гораздо прочнее счастья супружеской жизни. Объ одномъ только надобно заботиться—беречь здоровье. Ноть если оно камѣнится, тогда—бѣда, просто бѣда. Но будущее неизвѣстно для

нись, — такъ нечего много и заботиться объ немъ. Подождемъ во имяъ на Бога. — и поживемъ, покажеться живется.

Что наша литература? На прежнихъ основаніяхъ, т. е. выходятъ иногда что-то порядочно, сколько возможно это въ деспотическомъ царствѣ. Трудно представить даже, какія ужасныя оковы наложены на истинное свободное развитіе мысли. Теперь, только можно чувствовать нѣкоторые историческія мысли, какъ напр. отпаденіе Нидерландовъ, Сѣверо-Американскихъ штатовъ и пр. То, что было даже въ царствованіе Александра, (а давно ли кажутся) теперь представляется уже какието-то мимомъ. Варварскія деспотизмъ! Когда жъ это кончится? Спитъ Русскій народъ глубокимъ сномъ, и вѣроятно скоро еще проснется. Сколько можно предвидѣть это теперь, такъ сонъ нашъ прекратится двумя путями. Вышшія и среднія классы обрадуются и въ наукѣ почерпнутъ силы и средства для дѣятельности человѣческой, — а низшія само правительство разбудить наконецъ кнутами; потому что допущенъ же когда нибудь историческое — можно сказать — беспословное его терпѣніе. По временамъ, а въ послѣднее время даже и нѣорѣдко, — вспыхиваютъ уже маленькія возмущенія. Правда, это раздаются голоса только немногихъ, маленькыхъ волостей; но все же таки это вопли человѣчества — принамакъ, что чувство чего-то лучшаго есть уже въ народѣ. Прижимки — варварскія прижимки Еврейскія —; религиозное гоненіе въ Лифляндіи и Курляндіи (въ XIX вѣкѣ!!!), плети и кнуты въ Польшѣ, Кавказѣ — все это ускорить ходъ вещей..... Но все-таки врядъ ли дождатся намъ чего нибудь лучшаго! Говорятъ жебо сжигали надъ нами, и сомнѣваться какое нибудь чудо!.... Чортъ знаетъ, какъ бы возмущнулъ я, если бы совершилась какая нибудь казнь!... все бы бросить и пошелъ на площадь..... Какимъ клеймомъ заковать будущій историкъ нашу несчастную эпоху! И подумамъ! Изъ 60 миллионовъ жителей — едва ли найдется пошлякъ, который почувствуетъ нехъ ужасъ своего положенія. Стыдно сказать!

19 Февр. Что наша журналика? То же, что и другія отрасли литературы. Хорошій человѣкъ не пожелаетъ изъ изданія журнала, потому что эта часть опущена спекуляторами; а тѣ журналисты, которые теперь на дѣло, не заслуживаютъ ничего кромѣ презрѣнія. На первомъ планѣ стоитъ — *Отеч. Записки* и *Библия для Чтенія*. И тотъ и другой журналъ имѣютъ до 4500 подписчиковъ — число въ наше время огромное! Но чтожь изъ этого выйдетъ? можно ли заключить у насъ по числу расхожихъ экземпляровъ о духѣ журналики? ничуть не бывало! Общество наше погружено еще въ такое глубокое невѣжество, что никто и не думаетъ всмотрѣться въ направленіе журнала..... Только въ Петербургѣ сдѣлать за вѣкъ. А добрымъ самымъ провинціаламъ давай только новостей — все равно какъ бы имъ были оны — давая повѣстей и тошноту. Провинціалы смотрятъ на литературу, какъ на предпримчивое ремесло. Если нѣтъ лучшихъ размеченій — картъ, оцѣнокъ и т. п. Вотъ *Б. для Ч.* и *О. З.* и подучаютъ ихъ изъбытокъ рома-

нами, переводя ихъ отовсюду. А издатели журналовъ собирають денешки, держатъ на жалованьи цѣлыя натуры рецензентовъ, переводчиковъ, корректоровъ, — а сами лежатъ на боку, и смотрять на свои журналы какъ на хорошія усадьбы. Конечно, они народъ смѣтливый, знаютъ, что въ мутной водѣ легко ловить рыбу.... *Сынъ Отечества* мало извѣстенъ. *Репертуаръ* — слишкомъ для нашего общества спеціаленъ. Въ немъ имѣють нужду только любители театра, а такъ какъ этихъ людей мало, да и Репертуаръ хочетъ быть только ничтожнымъ эхомъ мірній толпы, потому и не можетъ никогда имѣть ходу. *Современникъ* и *Малекъ* издаются — можно сказать — *исподлобъ*. Первый потому, что слишкомъ тонокъ: мало въ немъ повѣстей, стало быть и подписчиковъ мало; а въ Петербургѣ тоже онъ не можетъ имѣть ходу; потому что мірніа поттентнаго издателя нахнутъ еще въкомъ Аркадскихъ пастуховъ. Второй — Богъ знаетъ что такое. Это голосъ фанатика, который ругаетъ все, что только не ваято изъ Вибліи. На дняхъ, къ чести нашего вѣка, онъ замолкъ: его запротили за статью, въ которой издатели проповѣдывали кровный похоть противъ иностранцевъ въ Россіи. *Москвитинъ* имѣлъ было сущаго порядочно, — но потомъ сбился съ толку: началъ доказывать, что Россія хороша была только до Петра, но потомъ когда подвинулись къ Европѣ, все пошло вверхъ дномъ. Чортъ знаетъ, что за нелѣпость!.... А между тѣмъ новое поколѣніе воспитывается подъ вліяніемъ этихъ мірній; многие учителя почерпавшъ въ журналахъ пищу для своихъ крошечныхъ умовъ и толкующъ это своимъ ученикамъ. Каковы надежды Россіи!!! Оди, увлекаея духомъ Висаіотехи для Членія, приучаются, прежде нежели образуются наукой, копипотевать надъ всѣмъ, не разбирая снатыня ли это или глупость. Другіе, въ духъ Олеч. Залисова, въ духъ глупо понятой Германской философіи, начинаютъ пускаться въ объясненіе такихъ явленій, которые они никогда не попытавали и не выдвали. Дистя они и по уму и по сердцу, онъ не хочетъ и знать — что значить образованъ утъ и сердце, — а трактуетъ очень высокопарно о снотпротіи міра, о Богѣ и пр. и пр. и пр. Вотъ наше мнествоще, да и въ будущемъ-то тыма кровѣшная!

23 Фев. Вотъ что разсказывалъ гр. Сологубъ Никителю о смерти Пушкина. Въ послѣдній годъ своей жизни, Пушкинъ рѣшительно искалъ смерти. Тутъ была всякая-то психологическая задача. Причины никто не могъ знать, потому что Пушкинъ былъ окруженъ шпіонами: каждое слово его, сказанное въ разговорѣ саиому искреннему другу, было извѣстно правительству. Стало быть — что тылоа въ душѣ его, извѣстно только Богу. Онъ искалъ смерти. Въ 1836 г. онъ вызывалъ на дуэль Сологуба, по самой пустой причинѣ, въ какую-то сплетню. Сологубъ не отказался. Это покаянило Пушкину. Онъ облизнулся съ Сологубомъ, и они сѣдѣли на дуэляхъ. Вскорѣ онъ вызвалъ на дуэль Дантеса — и просилъ Сологуба быть секундантомъ. Сологубъ согласился. Секунданты обѣщались съ Шатисомъ. Тотъ сказаль, что готовъ исполнить всѣ требованія Пушкина, Пуш-

жить потрбовать, чтобы Дантес женился на его сестричкѣ. Дантесъ женился. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Пушкинъ опять потрбовать его на дуэль. Дантесъ опять объявляетъ, что въ жизни этого великаго человека онъ обязанъ будетъ дать отчетъ передъ цѣлымъ народомъ,—и потому готовъ одѣлать ему всевозможныя уступки. Пушкинъ соглашался, что онъ хочетъ непременно стрѣляться съ нимъ; потому что оба они не могутъ жить вмѣстѣ. Сологубъ убавлялъ тогда въ Москву, и секундantomъ Пушкина быть Данасъ. Разужбется, обвиненія пали на жену Пушкина, что она будто бы была въ саяхъ съ Дантесомъ. Но Сологубъ уиаряетъ, что это сущій вадоръ. Жена Пушкина была въ формѣ красавица, и поклонники у ней были цѣлые лагеря. Немудрено стало быть, что и Дантесъ поводился ей какъ красавицѣ; но объясн между ними никакихъ не было. Подозрѣвають другую причину. Жена Пушкина была фрейлиной при Царѣ, такъ думаютъ, что не было ли у ней саяхъ съ Царемъ. Изъ этого повятно будетъ, почему Пушкинъ испугъ смерти и бросился на всякаго астричнаго и поперочнаго. Для души поэта не оставалось ничего кромѣ смерти.

28 Мая. Переводъ для Современника 2 статьи: одна—биографія Берл. Проф. Пухты; она напечатана уже въ Майской книжкѣ; другая *Любовь Гете къ Грелингу* (отрывокъ изъ Wahrheit und Dichtung); она напечатается въ будущемъ мѣсяцѣ (въ Юнѣ). Повѣщая статья навела меня на мысль—описать подробно любовь мою къ Ю. А. Г. Заглянуть сегодня въ дневникъ. Эта исторія описана съ жаромъ; но видно, что, живя еще подъ иллініемъ страсти, я не могъ тогда быть историкомъ собственнаго сердца. Теперь же, сколько припомню, запишу основательнѣе. Великъ можно было отъ Ю. А. достать всѣ мои писыма, тогда бы соотвѣдала мнѣ этого самая любопытнѣшая исторія: на было ни одного вадеха, который бы и не вѣрилъ псью; самая обстоятельность разныхъ истричъ съ нею описаны преподробно, съ приличнымъ объясненіемъ—когда и что и чувствовалъ.... Сильно! а тогда каковы глубокая жизнь иищилъ среди этихъ повидимому незначительныхъ обстоятельствъ! Я увидалъ Ю. А. въ первый разъ на бульварѣ. Она шла съ дѣтми Н. Н. Зубова. Это было въ Май мѣсяцѣ 1841 года. Я шлъ тогда съ П. Встрѣтити, въ Вологдѣ новое лицо—вещь рѣдная: тамъ мнѣ лица известны. А это лицо было такое козенькое! Я немилосердно пристально по-смотрѣлъ на нее. Она потупила глаза. Я несколько разъ оглядывался мнѣ и смотрѣлъ въ нѣмъ; но она повернула къ дому, и пошла. П. сказалъ мнѣ, что она недавно прѣхала изъ Пет.б-га. Дѣйствительно, какъ я послѣ узнавалъ, она только въ концѣ аима прѣхала. Мнѣ очень хотѣлось почтѣе встрѣчаться съ нею; но 3-й въ ухали на лѣто въ Поговорую и узнали, разужбется, съ собой и Ю. А. Я по обыкновенію желалъ только, и невозможныя прешения поильми. Думать, что я она непременно мечтаю обо мнѣ. Тамъ, я былъ само-надеянъ! Впрочемъ на этотъ разъ, какъ увидалъ шнее, и не ошибся. Иию

проведено в Тотмъ. Въ другой разъ я увидѣлъ Ю. А. въ домѣ Тизенгаузена, когда братъ мой былъ уже женихомъ III. А., — именно въ самый день сговора. Ю. А. съ матерью прибавала изъ Погорькова, по этому случаю, въ городъ. Не знаю почему, я не былъ на сговорѣ, а пришелъ уже вечеромъ. Братъ откровенно доказалъ меня Ю. А. Я не помню что-то говорилъ ей и приготовился уже услышать отъ нея что-нибудь любезное. Не тутъ-то было! Она рѣзительно ничего не сказала: сидѣла въ кресло, и тотъ-часъ же ушла съ матерью въ Погорьково. Я растолковалъ это замѣчательство въ свою пользу, и въ сердцѣ моемъ въ эту минуту было уже рѣшено, что дойдетъ отъ нея откровенности. Приближился день свадьбы брата. Я былъ шаферомъ у его вербной. За полчаса до пѣвчихъ пришелъ къ Тизенгаузену. Невѣста еще одѣвалась: Ю. А. была при ней. Мнѣ не удалось сказать ей ни слова. Послѣ вѣнчанья всѣ гости пришли къ намъ. Ю. А. была ужасно дика. Я не смѣлъ даже подступить къ ней. Наконецъ подѣлать, и успѣлъ вымочь ее изъ разговора. Теперь мы были уже родственниками. Я очень много шутилъ; она смѣялась. Такъ и кончился вечеръ. При прощаньи я подаль ей салютъ и поцѣловалъ руку. Она дружески простилась со мной. Я былъ въ восторгѣ. На другой день она обѣдала у насъ, — зашла въ мою комнату. — и потомъ опять ушла въ Погорьково. Подарила мнѣ сибирячнину и дала мнѣ альбомъ. Я написалъ ей стихи, которые заканчиваются такъ: „что вамъ, я знаю? такъ стихи молчать“ и пр. Въ то было въ городѣ, а я все мечталъ объ ней. Черезъ сестру она присылала мнѣ поклонъ и просила книгу. Я исполнилъ все немедленно. Наконецъ по первому зимнему пути она возвратилась въ городъ. Я началъ ухаживать за ней. Былъ всѣмъ отъ брата, его женой и съ сестрой К. у нихъ. Дурячились; но она все какъ-то какъ будто боялась меня, хотя глѣзъ моя вѣрно видѣла, что она любитъ меня. Попалъ подъ руку книга — немецкій переводъ Байрона. Я заставлялъ ее прочесть стихи — первый поцѣлуй любви. Она прочитала, зачеркнула карандашемъ и написала на полѣ: „очень глупо!“ Изъ этого уже ясно было, что ей хочется поцѣлуж. Книга эта была моя, и я хранилъ ее съ тѣхъ поръ какъ святыню. Зубовы, возвращаясь въ городъ, желали, чтобы и ходилъ къ нимъ чаще. Однажды III. А. пошла къ сестрѣ и просила, чтобы Петеромъ и я пришли туда. Я былъ очень радъ. Явился. Зубовы приняли меня очень ласково. Самъ Н. Н. З. видѣлъ меня прежде, во время свадьбы, и очень расхваливалъ меня. Жена его (молодая кокетка) и старшая дочь (отъ первой жены) желали непременно видѣть меня, чтобы лично убедиться — действительно ли я таковъ. Я сидѣлъ теперь съ ними внизу. Началъ прощаться. Зубова предложила, не угодно ли мнѣ зайти наверхъ къ роднымъ. Отправился. III. сидѣла въ боковой комнатѣ съ матерью, а я подѣлалъ къ Ю. А. Шутки, играли въ карты, гадали. По картамъ вышло, что она альбона въ черномъ королѣ. Хотя ясно было, что этотъ черномный король, но я непременно любилъ

шила, чтобы она призналась. Ю. А. молча соглашалась; наконец сообщила, что она скажет мне на акте. Акт в гимназии назначен быть дань через пять—я я просил ее теперь танцевать со мной на акте вторую картину. Увидела у ней тетрадь стихов и в числе их было несколько моих стихотворений. По поводу этого открыт также наговорено было много любезностей. Я предлагал, не угодно ли ей, чтобы я списал ей в эту тетрадь несколько стихотворений Бенедиктова. Она благодарила, просила приложить к книге для того, чтобы отсылить те стихи, какие ей понравятся. Книга была послана на другой же день, и в нее я вложил маленькую записочку. Через день Ю. А. возвратила мне книгу. Я раскрыл ее с трепетом.... В самом деле, на книге вложена была записочка, как следует, розовая бумага. Ю. А. благодарит за книгу, просит списать отмеченные стихи, бросить в огонь записку, и посылает 876514 и т. д. поклонов.... Я был в восторге. Хотя записка состояла из нескольких строк, но по тону ее видно было, что я любим.... В день акта я танцевал с ней, допрашивал ее—кто черномыш король? Но она никак не сказала. Разумеется, все эти допросы делались для того только, чтобы окотить ее в глаза и видеть как много она упрямится. Через день, кажется, я написал ей письмо по-нѣмецки, но не секретно однакож. Я просил только, чтобы она позволяла мне писать в ней по-нѣмецки для того, чтобы выучиться этому языку,—чтобы она поправляла мне в письмах ошибки и отсылала бы назад. Разумеется, это была штука; значить и не мог больше владеть сердцем, и хотел непременно высказать ей свои чувства и добиться от ней взаимности. В ответ на это письмо я получил от ней записку; но.... тут-то и начинаются все неприятности, которых испить и полную чашу. Нечером брат приходит в мою комнату и говорить: „поздравляю, брат, будь осторожен, не пиши к Ю. А.; наша маменька—Бог знает какие истории выводит уже об вас.“ Сердце мое сжалось. Ничего неясного, когда мы только что успели размяться, как вдруг обрывают крылья. Я, разумеется, отвечаю, что в письме моем не было ничего запрещенного. Конечно это так; по настоящему, не следовало бы выводить из этого историю; потому что я писал открыто. Не так. А когда сказали, чтобы этого не делать, тогда, разумеется, только больше подозревали меня и доказали до меня невозможности. Сказать мне этот дружеский совет, брат отдать мне ответ Ю. А., который должен быть в книге и попал в руки к Ш. В записке не было ничего особенного; но мое сердце чуством уже понимало истинный смысл этих строк, непонятный ни для кого больше. Я ясно видел уже, как разгораются мечты в моей душе. Между прочим она спрашивала меня, к кому в книге стихов моих. Написаны стихи под заглавием к Н. Н. Эти стихи написаны были на тему: *я обнимаю лавровое дерево и не сойдемся*

милости. Она сама подчеркивала эти слова въ книгѣ Бенедиктова. Я написала на нѣхъ стихи и сначала подъ ними 20 Ноября. Она очень хорошо понимала, что М. Н. значить Ю. А.; но оправдывала по той же причинѣ, почему и я допрашивала у ней—кто червонный король. Теперь два совершенно различных чувства волновали меня. Съ одной стороны я была въ полномъ восторгѣ, что умѣла занять собой сердце Ю. А.; съ другой стороны должно было безотвѣтно стоять подъ цѣлой бурей сплетней и всевозможныхъ несправедливостей.... Разъилась наконецъ окончательно объясниться съ Ю. А. Мнѣ вѣроятно было имѣть человека, которому бы я могла высказывать то, что должно было тѣнить отъ всѣхъ. Если бы меня не стерегли такъ, то безъ сомнѣнія моего бы и не было. Но теперь, не имѣя возможности часто видѣть ее, да и при свиданіи не могла не только много говорить съ нею, даже осмотрѣть попристальнѣе, я поневолѣ предавался мечтамъ, сидя въ своей комнатѣ. (Одиночество всего болѣе развиваетъ любовь. Я написала письмо, въ которомъ признался ей въ любви. Отвѣта не было дня три. Наконецъ однажды, возвратясь изъ школы, я нашла ее у насъ. Вовсе не стараясь шутить съ нею, но она еще болѣе давила меня. Наконецъ, перестъ прощались уже, услышавъ минутку стелкнувшись съ нею насильно въ передней. Тамъ было довольно темно. Она вынула изъ за корсета записку и сказала: „вотъ вамъ записка!“ Потомъ тотчасъ же ушла въ комнату къ III. и отправилась домой. Я какъ сумасшедшій прибыла въ свою комнату и развернула письмо. Нельзя описать моего восторга. Письмо заключало въ себѣ самое некрепкое признаніе. По обычаю всѣхъ влюбленныхъ, я перечитывала его нѣсколько разъ; всматривалась въ каждую букву; каждый черта, казалось, улыбались мнѣ. Это письмо отъ 1 Декабря. Два черезъ два я отправила съ братомъ и женою его къ 3-мъ. Тамъ была кое-кто. Мнѣ удалось передать Ю. отвѣтъ на ея признаніе. Начали пишавать. Я разумеется всталъ съ Ю. Слѣдовало бы, разумеется, оспориться, явля, что тутъ столько сплетничать; но и не могъ иначе поступить; пот. ч. не было больше дажъ. Слѣд. нѣ потому случилъ и не виноватъ. Разговаривая съ Ю. во время танцевъ, я былъ очень остороженъ; но вдругъ, кажется, за 8 фигуръ, Ю. говоритъ мнѣ: „пожалуйста не говорите со мной; сестра сердится.“ Меня какъ огнемъ обдало. Ю. объяснила мнѣ, что III. по второй фигурѣ шепнула ей: „полно вамъ любезничать; всѣ смотрятъ на васъ!“ Это было просто оцѣло пазъ самыхъ глупыхъ напризочъ III. Я объяснилъ ужасно, — и нехотѣ, но простившись ни съ кѣмъ, ушелъ домой. Я давалъ самъ себѣ самыя отчаянныя клятвы—не показываться никогда, какъ только придетъ къ пазъ Ю. Разумеется, это было ребячествомъ; но вѣдь если человѣкъ живетъ только чувствомъ, тогда онъ часто дѣлаетъ припродѣ. Чего мнѣ стоила эта сердечная буря—однаго Бога знаетъ. 6 Декабря Ю. обѣдала у насъ. Какъ только я увидѣлъ въ окно, что она пришла къ намъ, я ужасно расхлебался.

обидать. Въ продолженіи этого обѣда я не сказала ей ни слова: сидѣла какъ убитая. Послѣ обѣда тотъ-часъ же ушла въ свою комнату. Охитъ слезы и отчаяніе, пить, рѣвнчество. Ю. между тѣмъ, какъ я узнала послѣ, не посѣтою меня провелъ время. Она ушла въ комнату къ брату и проплакала тамъ до вечера. Сколько ни старался узнать, о чемъ она плачетъ, и сколько ни утѣшала ее братъ и Ш.—ничто не помогало. Часомъ въ 7 вечера братъ съ женой отправились въ гости, а Ю. домой. Я написала самое отчаянное письмо и отправила къ ней. Это облегчало меня. Я проклинала какъ самоваръ и успокоивая. Она опять приходила къ намъ. Я опять не отходила отъ нея: читала ей книги, пожимала руку и пр. 15 Декабря было какіе-то злополучный для меня день.... Вечеромъ я отправилась къ З-мъ. Прихожу наверхъ. Ю. сидитъ и пишетъ. Какъ только она увидѣла меня, тотчасъ же утѣшала. Я поговорилъ съ ее матерью. Она одѣвалась и хотѣла куда-то отправиться. Ю. вскорѣ вышла. Мы начали бесѣдовать съ нею; а мать между тѣмъ простилась со мной и ушла. Разумѣется, зная натуру З-хъ, мнѣ бы не слѣдовало оставаться; но въ то время я думалъ иначе. Мы сидѣли вдвоемъ и тихо разговаривали; а вѣзду между тѣмъ шныряли объ насъ. Совершенно счастливый, я возвратился домой. Между тѣмъ, на другой день З-ва призвала Ю. и начала ея выговаривать; потомъ послала за Ш. и жаловалась ей. Ш., вѣдого того чтобы утѣшить сестру, сѣла на нее и подбавляла.... Вышла такая кала. что Боже упаси. Я страдаю ужасно: единственныя утѣшенія было—писать стихи и письма къ ней. Приходилъ изъ Пет-га братъ ея Карлъ. Я очень полюбилъ его; потому что онъ похожъ былъ на нее. Черезъ него и могъ теперь легче передавать ей письма. К. ничего не понималъ; п. ч. былъ очень глупъ, но я и на него смотрѣлъ глазами жидовеннаго. Святки прошли нескучно: она была у насъ рѣзъ три, и я такъ же выходилъ въ нимъ въ первый годъ. Была по обыкновенію мѣна леконами, руко-пожатіями и пр. А шипеніи росли да росли.... 4 Января, когда я пропѣвалъ ее домой (она была выѣхавъ съ матерью, и поцѣловалъ ее въ щечу.... Это былъ первый поцѣлуй, сорванный украдкой, при сіяніи звѣздъ, въ морозную ночь.... Она сказала олеви окаяныя мнѣ: „ахъ, Н. И., чѣмъ все это кончится!“ „Неужели же вы считаете меня за какого нибудь негодяя? Вы обижаете меня!“ отв. я. Отвѣтъ конечно довольно мелкій. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣлъ я?... Но страсти не размыслилъ объ этомъ; чувство уже само по себѣ есть наслажденіе. Для ому цѣль, тогда оно потеряетъ всю цѣну; тогда уже нѣтъ будетъ предметъ наслажденія, а не самимъ живымъ, волненіемъ сердца.... Возвратился домой, я тотъ-часъ обдумалъ планъ. Я не зналъ мѣлѣрнее—могу или нѣтъ жениться на ней.... Нужно было спросить у какаго нибудь законника. Въ Вологдѣ мѣлѣи было этого сдѣлать; тотъ-часъ бы узналъ весь городъ. Я рѣшился написать въ Псковъ къ Б-му. Между тѣмъ на другой же день сообщилъ и Ю. мой планъ.

Отвѣтъ ея былъ самый искренній. Т. обр. и жилъ тенеръ надеждами, и не нѣдалъ и не оспыпалъ ничего болѣе. Глубокой было множество. Свѣдой только не имѣла бы, что я люблю ее страстно. Хотя каждое письмо Ю. дышало любовью, но въ поступкахъ она была довольно отравленнымъ существомъ: Ш. вертѣла ея какъ хотѣла.... Въ совершенномъ аду жить я тогда; но этого ада на-моя мнѣ раемъ; и страстно обнималъ моего демона-мучителя.... О, если бы можно было тогда порвать на бумагу всю эту бурную исторію сердца!.... Тысячи тысячъ отбѣды за мной, тысячи ямокъ слезыгичавъ обо мнѣ, тысячи неспрѣ-постой дѣлали мнѣ, миллионы мученій самъ я вызывалъ воображеніемъ изъ глу-бины сердца; но оради всей этой шивовщизны—какое наслажденіе чувствовать и знать, что есть существо, которое страстно любитъ меня, которое ежеминутно думаетъ обо мнѣ, которымъ я могу повѣлывать, хотя самъ лежу у ногъ его.... какое наслажденіе молъ батареми взглядовъ молать руку, сорвать, поцѣлуй, сжать: другъ мой!.... Боже мой! какъ я люблю ее!.... даже и теперь, еще,—когда столько событий произошло уже надо мной, когда столько пламеній должна была прожить душа моя, когда все, все должно было оттолкнуть меня отъ нее,—даже и теперь еще какая-то змѣя навелится въ сердцѣ.... Приблизился роковой срокъ: я получилъ письмо изъ Покина съ отказомъ.... Не знаю, какъ и не оо-нелъ съ ума!.... И началъ думать, хвататься за мысли, трепать самъ съ собой о законахъ природы.... было уже какое-то предчувствіе сумасшествія.... Вдругъ молый ударъ,—я не дальше какъ недѣля чертъ дѣтъ.... Она приходитъ къ намъ и сонорить, что уѣзжаетъ на днѣхъ нѣтъ В. въ О. Можно себя представить, съ какими чувствомъ выслушалъ и это извѣстіе, и, который любилъ ее такъ ре-шимо, такъ влугимо.... На другой день она написала мнѣ разные утѣшенія.... И дѣйствительно утѣшился нѣсколько, но потому только, что по случаю отъѣзда молъ въ эти послѣдніе дни тѣше выдаться съ немъ. 18 февраля—день ея рожде-нія. Мѣа были у ней весь вечеръ. Она была свободна въ обращеніи со мной, я и кажеиъ, какъ дѣта. На другой день она сидѣла у насъ цѣлый вечеръ и прѣмешаю.... И поцѣловалъ съ немъ при исхѣтъ.... что было немѣлнвй поцѣлуй!.... На другой день они уѣхали. Я писалъ ежеминутно, нигде не ходилъ; думалъ, что они перечеитаютъ эту исповѣдь сердца съ такимъ же чувствомъ, съ какимъ она была писана.... Черезъ кацѣлю получилъ отъ нее письмо, и отправилъ къ ней цѣлую тетрадъ моихъ горестныхъ похвѣствованій.... Мучене было цѣпано-нимое—письма отъ ней были рѣже, а я ждалъ ихъ ежеминутно; я пошлю ей ндруть лнотѣа десять, нмнчаннымъ самымъ малымъ почеркомъ, а получу отъ ней олимпъ листовъ.... Я слишкомъ многого требовалъ отъ женщины; я требовалъ отъ ней такой же безумной любви.... И нѣжности, и упрёки, и безумство любви, и мѣа ревности—все это бурно кипѣло въ сердцѣ, и все это описывалъ я ея гаммыи огненными красками. Она благодарила.... благодарила!.... женщины!

спасите ли вы это? Она меня благодарит!!! Я умираю, я распинаюсь, — а она меня благодарит, что я так прекрасно умью страдать и мучиться.... По самому последнему пути она пришла в В-ду на несколько дней. Не помню уж, как я встретился с ней.... Только, кажется, на другой же день разыгралась оспа, которая произвела во мнѣ страшный переполох.... К. была у пост. и видѣла нѣкій день в вонючѣ у Ш. Это терзало меня невыносимо. Если бы съ ней была хоть искра того пламени, который поджигалъ меня такъ мучительно, она не сдѣлала бы этого.... Положимъ, что Ш. не отпустила ее; но могла ли она такъ равнодушно выносить это?.... Цѣлый день я лежалъ въ своей комнатѣ, страдая ужасно. Къ чаю онѣ выпали наконецъ. Я успѣлъ сказать ей только нѣсколько словъ. После чаю она опять забралась въ комнату къ Ш. Какое быть для меня вечеръ! Я ходилъ по всей вѣкъ сумасшедшій.... А она раза два вышла только на минутку, чтобы объявить, какъ онѣ дурачатся тамъ и какъ ей весело! И мучился, умираю, а между тѣмъ всетаки безумно любилъ ее.... Успѣлъ шепнуть только: „я пойду нынѣ провожать!“ Она сказала: „хорошо!“ Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда она пойдетъ домой.... Смотрю—она идетъ уже, и братъ мой провожаетъ ее.... Она не хотѣла даже сдвинуться ни мѣ, ни сестрѣ моей.... Это даже глупо, а какое же было для меня!.... И она могла еще говорить, что любить меня!.... Какъ-то, вся внутренность моя повернулась.... Я бросился въ слѣдъ за ней; догналъ ее на бульварѣ и какъ сумасшедшій началъ молотъ какія-то глупости.... Въ самомъ дѣлѣ, я былъ жалокъ, истинно жалокъ; надобно быть не человѣкомъ, чтобы не тронутся такими отраженіями. Братъ началъ горько упрекать меня. Я бѣжалъ еще болѣе. Она говорила: „чего вы хотите отъ меня?.... Пожалуйста оставьте меня!“.... Искры!.... Положимъ, что при братѣ она не могла на безумствіе мое отвѣчать любвеобильно; но развѣ можно быть человѣкомъ и комать кликавъ въ самую глубину сердца и еще повернуть дважды?.... „Прощайте, Ю. А.“ сказалъ я, когда они пошли уже къ воротамъ, и протянулъ было ей руку.—„Прощайте!“ отв. она съ досадою и даже не взглянула на меня.... Все кончено! и быть убить совершенно!.... Возвратясь домой, имѣлъ довольно горячія разговоры съ братомъ. Но это было очень глупо, и невѣроятно потому только, что ужъ я не владѣлъ больше собой.... Въ какую секунду вдругъ упалъ и съ моего неба!.... Первою мыслію моею было—не видѣть ее болѣе!.... Не видѣть!.... Это легко промолвить теперь.... а каково было рѣшиться тогда!.... Однакожъ я рѣшился. Она прожила въ Н-дѣ еще дня три, была почти постоянно у насъ; но я не показывался ей. Я залепилъ въ свои коммѣ и не выходилъ.... Боже мой! но какъ мнѣ хотѣлось упасть къ ей ногамъ, налиться слезнымъ потокомъ слезъ и упрековъ, и еще огненнѣе полюбить ее!.... Однакожъ я не видѣть ее! Отъ гордости вспоминаю объ этой побѣдѣ духа—слабой блещетельной изъ всѣхъ побѣдъ въ мірѣ.... Я вымысалъ противъ

нез изъ самой глубины сердца ужасную больно невинности: я между тѣмъ каждое волненіе сердца, каждый вздохъ, каждая слеза говорили невольно, что я люблю ее безъ памяти.... Оъ первомъ же полученіи послать ей письмо: надъ каждою буквою рука дрожала и хотѣла написать—люблю тебя—а между тѣмъ я писалъ совсѣмъ не то.... Тонъ письма построенъ была фальшиво: я говорилъ, пошлѣмому, очень мѣлкимъ и холодно, просилъ возвратитъ мои письма и пр.; а между тѣмъ каждое слово дышало такою глубокою, искренною любовію.... Отвѣтъ получить былъ скоро. Видно, что много пробудилось въ душѣ ея; во не того ожидалъ я.... Разлука потухшая уже многое.... нелая было не замѣтить этого.... Я ожидалъ услышать голосъ минута безумства, а услышалъ само благо-разуміе родственницы.... Ужасно, ужасно! Я не отвѣчалъ.... Тысячи отвѣтовъ лаяло сердце: но я не отвѣчалъ. Вскорѣ получилъ другое писмо, въ которомъ заглавно уже была чувства: но я не отвѣчалъ.... Незыблосное молчаніе! Мысль моя торжествовала, попирая печальныя развалины сердца.... Такъ про-ходили дни и нѣбось: каждое слово, которое случалось иногда услышать объ ней, бросало меня въ лихорадку, но я молчалъ упрямо. Лѣто, проведенное у Ч-хъ, успокоило меня. Возвратясь оттуда, я нашелъ ее въ В-дѣ, даже у ниль въ домѣ, ко не показывался ея.... Молчаливо, очень молчаливо ико испытаніе, однакожъ я оживалъ.... Не могу сказать, чтобы и теперь даже не оставалась еще въ сердцѣ калта какого-то аду: но.... это ужъ жора въ пеплѣ!.... Итакъ я не выдалъ ее болѣе! Въ прошедшемъ году хотѣлъ было достать отъ ней нѣ мои письма, чтобы по нимъ написать всю исторію любви; во не удалось: полу-чить въ отвѣтъ отъ ней письмо, изъ котораго видно, что она уже забыла мѣ.... Однакожъ и непременно достану.

30 Мая. Кн. Салтыковъ живетъ на дачѣ. Я ѣзжу къ нему. Въ перныя рытъ еще видѣть аристократическую дачу. Она еще не совсемъ отдѣлана, но уже стѣитъ до 500 тысячъ. Одна комната, очень большая, вся убрана старин-ными саблями, кинжалами, ружьями: все это скопилось нѣками. Тутъ же поста-влены рыть въ паннохъ оружія. Мебель въ другихъ комнатахъ вся старин-ная, купленная въ Англіи и во Франціи,—вѣя доставившаяся отъ предковъ. Хорошо то, что все это достается человѣку достойному: дай Богъ побольше такихъ аристократовъ, какъ Кн. Николай Ивановичъ!

Софія Павловна очень любитъ меня. Истинное наслажденіе заниматься съ нѣю.... Вышесть и изъ жизни учителя счастливыя минуты! Дѣйствовать постоянно на душу умной, милой дѣвочки, быть—въ нѣкоторомъ смыслѣ—творцемъ ея будущаго, оставить въ этой прекрасной душѣ воспоминаніе по себѣ.... Грустно, правда, видѣть, что это милое созданіе отдѣлено отъ меня цѣлою безакою, что она аристократка.... Можетъ быть, не удастся послѣ и увидѣть ее.... Но зато сколько чистаго и опятаго въ дѣлѣ ея обрапанія!.... Какъ утѣшительно думать,

что и въ блестящихъ чертогахъ, въ сердцѣ великодушнаго графини есть утѣхъ, въ которомъ хранится память о тебѣ.... Плачь и торжество, мое бѣдное сердце!

Графиня Клейнмихель тоже очень любитъ меня! Каждый разъ послѣ урака помѣни чашечку. Миллионъ дѣвушки! Сама Гр. Клеопатра Петровна—премилая женщина: умна, добра и хороша собой. Все это надоръ, рѣшительно надоръ, что сплетаются о пей по всей Россіи. Аристократы завидуютъ кремпиту и готовы завалить даже на семейство его всѣ небывальщизны.... Однакожъ эти полѣные слухи передадутся потомству, воображеніе раскраситъ басню, и клепъ нибудь поэтъ создастъ изъ этого чудную драмму.... Матеріаль богатыя, хотя въ немъ нѣтъ ни капли истины! А жалъ, истинно жалъ, если эта добрая и милая женщина вообразитъ передъ потомствомъ въ такомъ гнусномъ образѣ!

Всю Отрастную недѣлю и Пасху лежалъ, страдая сильнѣйшимъ ревматизмомъ.

Прочиталъ верные выпуски Ист. Лиг-ры Руо-ой Шевырепа. Какъ упомъ этотъ человекъ! Спеціальная часть военнаго хорона: видно, что этотъ человекъ трудился. Но зато взгляды его, мнѣнія—не приведи Господи! Это что-то пахнетъ Мышьякомъ. Вотъ какимъ подоломъ мож. сдѣлаться человекъ хороній. А все чиновать наша духовная лиг-ра.....

4 Июня. Сегодня послѣ урока очень много дурачились съ маленькимъ Графиней Клейнмихель. Они засерли двери на ключъ и не выпускали меня. Потомъ утащили у меня шапку и возвратили, украшенную цвѣтами. Сколько было возна! Наконецъ подырили мнѣ прекрасный букетъ цвѣтовъ. Возвращаясь домой, встрѣтилъ очень миленькую дѣвушку, гдѣ 12-ти. Она шла должно быть съ матерью. „Ахъ, какіе прекрасные цвѣты!“ сказала она, обратившись къ матери. Я остановился и подарилъ ей половину изъ моего букета. Она очень была рада. Вообще я доволенъ сегодняшнимъ днемъ. Утромъ былъ на дачѣ у Ки. Олосовскаго. Они оставили меня обдавать; но мнѣ нельзя было: нужно было поспѣть. въ К. шваръ въ городъ. Послѣ урока пошелъ съ молодыми Княземъ иа Кушеничку.

7 Июня. Наконецъ подѣлю въ Юнесской книгашъ нынѣшняго года (От. Залисомъ) появивался, рецензія на книгу Бухтеева—*О приношаніи Русскаго языка*; и книга эта вышла еще въ 1843 г. Книга хороша: но видно, что авторъ молодой человекъ: много читалъ, но мало усвоилъ и переработалъ. А главное то, что подобныя книги у насъ являются еще не во время. Прежде нежели мы будемъ бросать философскіе взгляды, должны разработать матеріалы. Съ какими бы взглядами ни пріишелъ учитель въ классъ—ни у него, ни у учениковъ много нѣтъ пользы рукамъ. Главный недостатокъ въ хорошей хрестоматіи, въ грамматикѣ, въ словаряхъ.... Рецензія писателя человекаго, который не бывалъ учителемъ: слѣд. онъ упускаетъ изъ виду такія вещи, которыя чрезвычайно важны.

Простаясь сегодня съ моею милою Графиней Софией Павловной, Она ѣдетъ въ Галсаль на два мѣсяца. Добрая дѣвушка! встрѣтила меня еще въ швейцар-

своей, наговорила множество любезностей. Читала ей Гоголя, ей любимого писателя, дала ей книгу на дорогу. После урока М-ше Леджерет просила меня осыпать пить чай. Софья Павловна бросилась хлопотать об самоваре. Занимала меня čímъ только можно. Простилась: она проводила; опять выпила из шпешарскую, даже смотрела въ слѣдъ, пока я не зашторить дверей и не сойду съ крыльца.....

Сегодня весь городъ вскипѣлъ по случаю возвращенія изъ заграницы Императрицы съ Ольгой Ник-ой, помолвленной за наследнаго Принца Виртембергскаго. Есть чему радоваться! Императрица жила цѣлый годъ въ Палермо, все Русское золото ушло туда, а здѣсь цѣлыя губернии умираютъ съ голоду. Для радости опнистъ нипнистъ въ Палермо ассигновалось каждый мѣсяць 1800 червонцевъ. Для приданнаго взято изъ снуда 15 милліоновъ свѣтлой суммы, которая оберталась на жалованье духовенству. Крохъ того никому изъ чиновниковъ не можно дать, денежныя награды; если кто ѣдетъ въ отпускъ—не выдавать жалованья.... Прицѣпсе все дѣлалось заграницей: стало быть Русское купечество можетъ только обманываться... Одно подлинное платье изъ бисонъ съ бриллиантами стоитъ 3 мил. рублей!!! Вышли по этому случаю картинки: царикъ бросаетъ горстицы въ Палермо водото. Тамъ подбираютъ его нѣтъ, разодѣтая бисветально. Три русскія женщины подходятъ съ другой стороны къ царикѣ и просятъ милостыни. Онѣ истомлены голодомъ. Царина говоритъ: „сидите въ Палермо и попросите у тамонавнхъ кашки“.

16 Июня. Вчера былъ изъ Петергофа, на урокъ у Клейнмихельн. Отправился туда въ 10 часовъ утромъ на пароходѣ „Москва“. Пассажировъ было довольно много, между прочимъ ѣхала какая-то магазинщица, очень хорошенечка. Было ясно, но вѣтроно. Изъ Петергофа тотъ-часъ же на новшнѣ отправился изъ Михайловское (дѣла Мих. Николаевича, гдѣ живетъ Клейнмихель). Дѣти очень обрадовались. Видѣть и самое Графиню. Она вѣдила при мнѣ съ мѣшкою лючкой (9 мѣс.) къ ней крестной матери (Ольга Николаевна). Ольга Ник. подарила крестницѣ маленькой образокъ съ бриллиантами. Остальныя меня обѣдать, но я не оставлю. Дали мнѣ на дорогу цѣтотъ, и я отправился въ Петергофъ. Тамъ пообѣдать, съѣсть оцнъ на тогъ же пароходѣ и отправился домой. Вѣтеръ былъ страшный. Я все время просидѣлъ въ килотѣ.

22 Июня. Вчера опять былъ въ Петергофѣ мнѣ—върнѣ сказать—изъ Михайловскаго. Графиня пригласила меня обѣдать. Много гуляли, дурачились. На обѣдѣ сторонникъ не было. Въ 6 часовъ я отправился въ Петергофъ. Налюбуясь тамъ чаю и пошевъ изъ садъ. Погода прелестная; возъ фонтаны пудены; играютъ два оркестра музаны; народу гуляеть бедна. Очаровательно! Вотъ памятникъ времени Екатерины вѣчно велика, не то что нынѣшнне дворцы. Въ 9 часовъ отправился обратно на пароходѣ.

20 Июля. Сегодня утромъ быть въ Беклеиковъ у Никитки. Много говорили съ нимъ о невыносимости ослепленія Россіи. Въ самомъ дѣлѣ замѣчательно то, что народъ, который счастъ цѣлая столѣтія, начинаетъ выносить просыпаться и открывать глаза. Велюю сколько нибудь мыслящій человѣкъ ненормально задаетъ себя вопросы: „кто я? гражданинъ или рабъ? если гражданинъ, гдѣ мои права? Мнѣ горюжать—вогъ твои права.... Вадоръ! это дары деспотомъ, данные прешихъ моимъ за службу или просто за подлости.... Гдѣ права, купленные цѣною крови и страданій вѣковыхъ, права, за которыя я бы долженъ былъ стоять? Подарки ономъ деспотъ отниметь у меня завтра же, а то что я приобрести исторически, что моя собственности, моя слава, мое счастіе“..... Вогъ что горюжать довольно гласно въ народѣ. Это очень утѣшительно. Голосъ народа не можетъ умолкнуть—непрестанно будутъ какія нибудь послѣдствія. Не скоро, правда; русской народъ не вдругъ расшевелится: по крайней мѣрѣ есть начало.

22 Июля. Когда Царь (1 Июля) представлялъ въ Петерсбѣ съ балкона царшу жену и кнѣзю,—въ толпѣ были растылены солдаты, которые должны были кричать: ура! Надѣялись, что и народъ приставнетъ къ нимъ.... Не тутъ-то было! Солдаты врывались, а народъ молчалъ.... Иден въ народѣ бродятъ живы, хотя еще и не широко. Въ провинціяхъ все еще темно, и темнота.... Въ Волгѣ шир. нѣтъ ни одной живой големы, обѣ убажухъ и говорить вѣсело.... Все это люди, блаженствующіе въ работѣ. Въ самомъ дѣлѣ, они счастливы, потому что рабы; они такъ привыкли къ этому механизму, что пропадутъ, если хоть нѣшей переменится.... Слѣд. никакія иден и не могутъ привыкнуть къ ничу.... Правда, и они несогуютъ на многое; но это несогovanje есть ничто иное какъ брыканія коровы, которая замотаетъ головой, задытъ нозами, но если ее отлудъ хорошенько, то она будетъ еще послушнѣе и даже болѣе будетъ чувствовать прищипанности къ рамѣ.... Надежда только на чернѣ. Чернѣ дотого уже угнетена, что наконецъ должно же когда нибудъ топнуть ей терпѣніе. Это будетъ разумѣется не послѣдствіе высокаго убавленія ума, а просто кудыкичоскія нарывы.—взрывать страшный, какогъ можетъ-быть никогда не запоминить исторія; но послѣдствія благодѣтельными: говорить, на лавѣ гуще зеленѣетъ трава.... Петербургъ—молодець; онъ думнотъ и чувствуетъ за вѣжъ. Это не то что сплеткина Москва. Москва не только не движется впередъ, но въ послѣднее время пошла ракомъ назадъ.... Фактъ замѣчательный!

10 Августа. Не пройдетъ дня, чтобъ не слышно было о какихъ нибудъ новухъ подлостяхъ полиціи. Нѣтъ почти человѣка, который бы не говорилъ по опыту оль деспотизмѣ полиціи. Страшный вопіющій поправды! Если запоминать все это, не достанетъ времени. Самый лучшій, честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ совершенно уничтожается передъ адекою властью послѣднего мерзавца—авартачнѣмъ или джака пудочника.... Сердце готово повернуться отъ горькаго чувства....

Потомство (если только оно будет счастливым насъ) записывать насъ ужаснымъ именемъ.... Благородный человекъ! не смѣй произносить приговора. Переносимъ въ насъ всё душою и сердцемъ. Всмотрѣйся хорошенько въ механизмъ нашей жизни.... Посмотри: вотъ самъ. . . . окруженный легіонами рабовъ и подданныхъ. Большею частью это все иностранцы, которые прибѣгаютъ къ намъ дѣлами обоями набивать свои карманы и исвать почестей, блеску; потому что дома имъ нечего вѣтъ. Вотъ эта дикая орда варваровъ вооружая съ ногъ до головы. Они умираютъ на полтора мыльча воевка. Войска правдою нѣтъ; потому что солдату нѣтъ времени думать: онъ просто машина. Это основаніе военной дисциплины. А офицеры.... это не люди. Это дѣти дворянъ. Родители, очередавшие блескомъ военной службы, выкидывая царя къ этой службѣ, охотно отдають своихъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія, тѣмъ больше что дѣти воспитываются тамъ на казенный счетъ. Несчастные мальчички дѣлаются совершенными робками. Объ наукѣ имъ никто и не спрашиваетъ. Они должны знать только фрутъ. И вотъ они растутъ, мечтаю только о будущемъ, аполетать. Объ отличіяхъ (разумѣется, не на полѣ сраженія, а на парадѣ) и т. д. Изъ этого народа дѣлаются офицеры т. е. дураки, развратники, подлизы.... Разумѣется, они душевно предаются царю, потому что въ этой только сферѣ и могутъ они дышать.... Больше они ни къ чему не годятся. Вотъ намъ вышло классъ. Къ этому надобно еще прибавить дѣтей государственныхъ, занимающихъ высокія мѣста въ гражданской чести. Имъ предоставляется полная деспотизмъ; а деспотизмъ такъ полезенъ для деспота, что онъ, разумѣется, не захочетъ расстаться съ нимъ. За хвосты этихъ деспотовъ держится цѣлая клясса чиновниковъ, которые тоже лѣзутъ въ гору, одушевленные мыслию, что чѣмъ кто больше рабъ, тѣмъ тотъ скорѣе самъ попадетъ въ деспоты. Небольшое число людей, кончившихъ курсъ въ Училищѣ юнкеровъ и получившихъ лучшія понятія, пропадаютъ незамѣтно въ этой сволочи. Притомъ они служатъ только въ Петербургѣ, а въ губерніяхъ никто не идетъ. Черныя народы, т. е. крестьяне и мѣщане не имѣютъ никакихъ средствъ учиться: имъ закрыты все пути къ образованію и даже къ дѣятельности. Хотя они чувствуютъ всю тяжесть деспотизма, но съ одной стороны не знаютъ, чѣмъ замѣнить ее, съ другой стороны Рус. народъ несклоненъ сдѣлаться удивительнымъ терпѣливымъ. Много еще нужно, чтобы это горькое пошло. Аристократы, правда, образованные другія, но они помнятъ, что еще не переключена чаша терпѣнія народнаго, и потому живутъ каждый для себя. Что все можно стало быть сдѣлать теперь, при этой разрозненности сословій, при этихъ страшныхъ военныхъ смутахъ? Люди благородно мыслящіе должны молчать и выжидать, покаймется прошедшій часъ. Опытъ 1826 г. 14 Декабря показавъ, что можно только погнѣбать и ничего не исполнить. Раню еще, слишкомъ рано... Правда, послѣ 1826 года сдѣлано уже очень много: намъ обхватили уже большій кругъ народа, но все

еще рано, слишкомъ рано... Желать бы я дожить до конца нынѣшняго столѣтія,—что тогда будетъ? Вѣроятно, народъ большое почувствуетъ свои силы... Двадцатое столѣтіе разумѣется будетъ самое бурное и самое счастливое для Россіи.... Врѣмена обнимаю тебя, мой милый соотечественникъ,—ты, который увидѣлъ зарю новой жизни—зарю счастья и свободы.... Ты гордишься тѣмъ, что живешь въ эпоху великаго перенорота, когда открыты пути для равно-образной дѣятельности.... Но изюминки и масть, которые начали скопидить эту грозную силу негодованія—этотъ капиталъ, который достался тебѣ въ наслѣдство удвоенный, утроенный, удеситеренный, и который дашь тебѣ средство помянуться лучшемъ жанію... Да, народъ долженъ пройти сперва трудный путь страданія, и тогда только онъ оценитъ свободу.... Эта только мысль, и можешь поддерживать масть и не дать уласть духомъ.

16 Авгус. Вылазъ вчера у Одоевскаго. Книжкина наговорила мнѣ множество комплиментовъ вѣто, что племянникъ ея прекрасно выдержалъ экзаменъ въ Университетѣ. Ну и жато спасибо, что хмалѣтъ. Обѣдалъ у Никитенки. Онъ говорилъ о необыкновенномъ одушевленіемъ. Вышгородина человекъ! И все эти люди должны погибнуть подъ ярмомъ деспотизма, не оставивъ послѣ себя никакого слѣда въ мірѣ. Все эта конушал жизнь мысли и чувствъ должна глотнуть бѣсъ плодотвъ.... Проклятая Москва! ты оскуенила нашу Исторію, такъ что народу долго еще не выжить этого ладу изъ жаль и костей своихъ. Никитенко разсказывалъ между прочимъ еще одинъ интересный случай. Графиня Самойлова продавала изданіе свое *Смѣяныку*. Графъ Воронцовъ-Данковъ сторговать у ней дѣль задатки, оставалось только совершить актъ. Вдругъ прѣзвасаетъ къ Графу чиновникъ и говорить, что актъ совершить быти не можеть... Отъ чего? Отъ того, что Государь беретъ это изданіе себя. Видѣть новую рукопись Гоголя—*Выбранныя люди* эти переписки съ друзьями. И Гоголь, кажется, началъ обниматься съ толку. Утѣтъ онъ обзавѣтъ. Московскія литераторамъ. Прочтемъ—и тогда увидимъ.....

Авг. 20. Вчера зашелъ въ театръ. Давно ужъ не бывалъ. Играли три комедіи—*Жена и юрницъ*, *Осиротѣль-Осиротѣль*, *Приключеніе на искусственныхъ минеральныхъ водахъ*. Первая дѣль хороша. Разумѣется, въ новѣйшемъ французскомъ вкусѣ, т. е. много есть вѣдѣностей въ основѣ, но по крайней мѣрѣ—все это живо, лѣтко, шипуче, жаль шланжское, хотя въ головѣ останетъ пустота, какъ послѣ шампанскаго. Играли превосходно. Это неважно намолить опять грусть на сердце. Сколько истинныхъ талантовъ таится въ нашихъ актерѣхъ. И все это поддалоно властью.... Въ чемъ обнаружатъ нѣтъ свои таланты? Гдѣ пьесы, по которымъ бы онъ могъ обрыватьтсѣ? Кромѣ глупостей не имаютъ ничего ставить на сцену. Даже тѣ пьесы, которыя игрались при Александрѣ, теперь запрещены.... Какая боотрадная будущность!... Народъ цѣлитъ великихъ

силы—идея так и пробивается его чистой самородный умъ, и между тѣмъ надъ собой тѣготѣетъ желѣзное ядро деспотизма.... Грустно! грустно! Вотъ почему и могутъ держаться на опекѣ такія вещи, какъ напримеръ *Пироманіе на искусственныхъ минеральныхъ нотахъ*. Если бы подлѣ этихъ пьесъ стояли произведенія Шекспира, Шиллера, Гете, тогда суровыя поля бы сами собою, даже невозможно бы было и предполагать ихъ существованія. А теперь онѣ играютъ и публика хотѣ въѣзжать, а вѣстки смѣтрить. Плоскосты—и больше ничего.

24 Авг. Въ четвергъ, третьяго дня, былъ обѣдъ у Одоевскаго, по причинѣ поступленія въ Университетъ Кн. Сергія Ивановича. Были тѣ, которые пригласили его къ приемному экзамену; а жѣ постороннихъ Плетневъ и Николаево. Плетневъ я не видалъ уже почти годъ, и тутъ столкнулся съ нимъ. Онъ очень дружески помазъ мнѣ руку, и благодарилъ за статью—Гете и Грегель—которую я переналъ для Современника. Разумѣется болѣе и не вступалъ съ нимъ ни въ какія объясненія. Обѣдъ былъ подлѣ деревьями. Время проведено очень, очень пріятно. Маленькимъ Княжна Мар. Ин. Одоевская очаровала меня. Я дурачился съ нею какъ дѣти. Очень миленькая и умная дѣвушка.

8 Окт. Гоголь ужасительно, кажется, погнѣбъ для литературы; вѣдѣлъ въ страшный мистицизмъ. Страшная судьба нашихъ талантовъ! Впрочемъ и неудивительно: тамъ глѣ нѣтъ общей жизни духа, которая бы оживляла всю массу народа, гноны мысленія, чувствую свое одиночество, тоскуютъ и немощь, бросятъ на всевозможные пути—только бы жить и мыслить и забыть хоть въ чаду заблужденій своихъ плачешь. Страшно видѣть утопающаго, еще страшнѣе смотрѣть на костеръ, на которомъ погибаетъ таланты! Ахъ, Гоголь, Гоголь!...

Сходя Графиня Клейнхель была необыкновенно любезна; что за милая дама! Только въ аристократическомъ кругу женщины нѣкогда достигаютъ своего назначенія. Съ мужчинами не то: умъ мужчинъ, вѣдѣ извѣтъ плѣту, вѣдѣ пробѣжитъ и окружитъ себя лучами славы; но вкусъ и любезность женщины, имѣя главнымъ ея преимуществы, требуютъ много нѣжныхъ усдовій: только въ благовоющей атмосферѣ великодушныхъ гостинныхъ и будуаровъ, среди роскоши, женщина развиваетъ выхлѣ свои таланты, становится существомъ, передъ которымъ благоговѣть.

10 Окт. Третьяго дня, когда я жаловалъ о болѣзни Гоголя и шепталъ еще надежды, что онъ поправится, poeta уже не было на свѣтѣ: въ послѣдній разъ получилъ извѣстію, что Гоголь умеръ^{*)}. Я сегодня только узналъ объ этомъ. Трудно иностранцу, или челоуку другаго покодѣнія представить—жизнь велика наша литеры! Была жизнь—и нѣтъ ей; вотъ мое, что можно сказать. Но кто пони-

^{*)} Это была пустая слухъ. (Примѣч. автора.)

маеть и чувствует плесень поэзію, для кого она есть жемань, самая лучшая, благородная и высокая, тотъ понять всю цѣму, всю горечь этой простой фразы. Велики было скротство наше по смерти Пушкина, но тогда я мало еще могъ понимать это; да притомъ востанки оставались еще люди, къ которымъ съ любовью могло обращаться сердце, жаждущее истины и красоты; тогда Жуковский еще не устарѣлъ, Вяземскій хоть рѣдко, но востанки являлся въ печати; Гоголь былъ въ полномъ почти блескѣ; Лермонтовъ подымалъ большія надежды.... А теперь посмотрите кругомъ.... Сколько ни грубить журналы объ Соколовѣ и Достоевскомъ, но цѣлая беда отдѣлать этихъ подражателей отъ мнѣ родоначальника. Они схватили только вѣдшую сторону Гоголя, а никто еще не позналъ его духа; никто еще не въ винушихъ не позналъ, что Гоголь открылъ цѣлую міръ поэзіи, міръ совершенно новый и невиданный; никто еще не позналъ, что онъ пророчествовалъ о такой жизни, которая, проникнувъ сперва духомъ, охватитъ всю литературу, должна была совершенно отразиться и на быту политическомъ; никто еще не позналъ, что Гоголь не простой художникъ, но поэтъ, принесшій къ намъ началъ новой жизни.... И этотъ поэтъ, это сѣвилье, этотъ дуть, оживляющій насъ, вдругъ исчезъ.... Вы видите къ мастерской множество превосходныхъ картинъ, множество гениальныхъ начатковъ, — а художника-художника уже нѣтъ. Какими слезами закроете вы тогда?

26 Окт. Вчера былъ у Графини Клеймихаль. Никитенко измѣнилъ мнѣ ученицъ. Графиня осталась очень довольна. Пригласила мнѣ къ себѣ пить чай, — и показала всѣ комнаты, даже спальную. Боже мой, что за роскошь! Вообще вчера она была очень любезна; въ первый разъ еще стала называть меня по имени, и просила, чтобы я вѣлся учить и Руо. Исторія, что ученицы очень привыкли ко мнѣ и пр. Отказаться нельзя. А сегодня Никитенко говорилъ, что Графиня оказывала ему вчера, что ученицы мои просто обожаютъ меня. Пріятно слышать. Вчера же получилъ мѣсто въ V гимназіи. Теперь денегъ будетъ много, вато и работы кучи.

6 Ноября. Обдалъ у Графини Клеймихаль. Она была по обыкновенію очень любезна. Показывала разные ящп, привезенныя изъ Парижа и назначенныя къ продажу для детскихъ пригововъ. Есть очень много пріемлемыхъ вещей.

31 Дек. Въ послѣднее время я обдумать основательно вещи достойныя обдумавкы. Занялся изслѣдованіемъ методы преподаванія Рус. языка. Прежде я слѣдовалъ просто какому-то инстинкту; теперь началъ въѣзывать свои покатія и дѣйствія. Это поприще у насъ рѣзительно ново. Сколько можно, сдѣлать на немъ полезнаго. Глимазія принесла мнѣ пользу: она обратила меня къ началу преподаванія. Написать, по порученію Мусена-Пушкина, книгу преподаванія Рус. языка въ гимназіяхъ. Много тутъ еще незрѣлаго, дѣтскаго; но главное — важно; подобно только развить эти мысли и заняться кое-чѣмъ специально. Кетати

поручено было написать разбор на Половцова. Составленъ советъ изъ учителей Рус. языка подъ председательствомъ Бусе, директора 3-й гимназій. Первое засѣданіе было. Статья моя прочитана и принята хорошо. Очень радъ, что напелъ сочувствія. Есть надежда, что у насъ лучше наконецъ будутъ учить въ школахъ.

Гоголь живъ; но для литературы погребъ. Вышла его новая книга — *Выбранная писателя изъ переписки съ друзьями*. Что это за малый! мнотичникъ! Можно ли узнать Гоголя?

Наоткупаетъ монныя

1847-я годъ.

Что-то принесешь ты мнѣ, монныя подѣ?

§. Никитенко посылалъ меня (когда я пришелъ поздравить его съ новыми годами) за статью противъ Половцова. Ему Полечителю хлѣбать и се и меня. Обидалъ у Никитенки. Въ субботу (4 числа) было собраніе, въ которое прѣхалъ и Половцовъ. Глупый человекъ! Я прочталь ему статью, и онъ не напелся сказать ни одного слова. Сидѣть какъ дуракъ, — съ тѣмъ и уѣхалъ. Показали только плечами да улыбнулись.

9. Быть вчера въ театрѣ. Играли *Удальцо* (Поленаго). Драма сложена довольно пестро: но есть истина въ основѣ, логика въ дѣлѣ, чисто мѣланинскій. Каратыжничество. Сошникъ и Самодиловъ играли пречестно. На меня же особенно страннымъ образомъ подѣлывалъ самъ Нино. Въ общахъ является Вероника.... музыка.... тихія голоса существъ любящихъ, но уже отлетѣвшихъ отъ міра.... Какъ много тутъ истины! Столько напоминало мнѣ это! Такъ много шевеленулосъ въ душѣ.... Я запынналъ горько.... и было такъ грустно и больно и слатко на сердцѣ, что и до сихъ поръ не выхождъ изъ головы это нѣдвѣе, эти голоса, эти звуки.... Давно уже не таля такъ душа моя.... Я обмолделъ!....

Въ театрѣ были Порошини. Три года я не видѣлся съ ними: истрѣтился какъ съ близкими родными.... Позвалъ руку Адели....

11 Мая. Замѣчательное нѣмче время. Сверху притѣсненіе стритное: стерегутъ не только шаги, дажо взгляды, мыслѣнное движеніе мысли. А между тѣмъ востакъ есть въ народѣ какой-то осядакъ развѣности, и по временамъ что-то шепить въ видѣ пѣны. Правда, эта пѣда нечужаетъ быстро; но по крайней мѣрѣ пріятно видѣть, что долженъ же иногда просыпаться к чужотничать, что не всѣ считаютъ это за отца отечества. Пріятно видѣть и то, какъ онъ разочаривается по временамъ въ своихъ любящихъ. Въ послѣднее время человекъ б или в самыхъ величійхъ нелюбовъ униченъ въ *ворисетяхъ*. Это люди, осыпанные тѣлами, чинами, орденами. Графъ Левашонъ, Трипятиль, Дробиовинъ, Кленовскій — дружилъ не помню.... Между тѣмъ есть надежда (Богъ знаетъ, когда-то сбудется она), что народъ нашъ — понаесть на подвѣтъ. Татарщина такъ ополмича

вѣхъ, что, я думаю, мы въ силахъ еще пережить нѣблизко десятихъ лѣтъ Грозныхъ. Да, вѣкъ портилъ народъ, вѣкъ должны и исправить его. Наша доля (доля настоящихъ и учителей) еще самая плачевная: мы мѣшаем по крайней мѣрѣ дѣйствовать *мелочредетельно*, т. е. вносить истинныя понятія о вещахъ, дѣйствовать на развитіе разума; если къ кому придется это, тотъ самъ уже дойдетъ до приложенія.

18. Мая. Перочитываю снова исторію Грознаго, время самозванцевъ и междоусобицы. Что это за отравительная картина! Народъ лижетъ ноги тирана, когда тотъ пьетъ кровъ своихъ подданныхъ,—и хоть бы одна голова приподнялась.... только Курбскій обнаруживаетъ въ себѣ признаки жизни, да и то—герой безъ лица и физиогноміи. А другіе въ это время только сплетничаютъ и предаются другъ друга.... Это не невѣжество, нѣтъ, это подлость, остатокъ татарщины.... А время самозванцевъ: что это такое? Шумъ, громъ, и все въ за что? за свободу ли мысли? за права ли разума? за честь ли и славу народную?... Ничуть не бывало! За дѣнь формы, за глупые обычаи; нѣтъ и тѣхъ мысли и чувства.... То ли бывало въ Европѣ во времена самыхъ кровавыхъ распрій, буй и неволя? Нѣтъ, ничего подобнаго!.... Какая убійственная толика наполняетъ душу, какъ востришься въ исторію отечества.....

2 Августа. Чютныя мои отношенія къ людямъ (исключая нѣкоторыхъ изъ исключень) всегда хороши. Меня любятъ; можетъ быть изъ-за того, что нѣтъ причинъ не любить. О нѣтъ! я еще далекъ отъ такого разочарованія. Я вѣрю въ безкорыстную честность, дружбу и любовь. Во мнѣ даже развиты много откровенности и вѣропанія во все прекрасное. Часто колеблюсь и обманывался; но зато много испытываю и такихъ наслажденій, которыхъ не испытывать ни одинъ расчетливый жидовъ. Не понимаю только, за что Гр. Соф. Паян, такъ любить меня?

7 Авг. Вчера вечеромъ возвращался изъ Павловска пѣшкъ съ секретаремъ Бендрлакомъ. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ отмечать несчастное событіе 1841 года. Онъ возвращался тогда изъ Павловска съ двумя пріятелями. Они сидѣли въ 4 вагонѣ; а всѣхъ вагоновъ было 37. Въ Царскомъ Селѣ Н. Е. вышелъ закупать сигары; но возвратясь найти, что мѣсто его уже занято. Онъ обратился къ кондуктору и предлагаетъ билетъ. Кондукторъ говоритъ, что ужъ дѣлать нечего—сами купите другое мѣсто, что при такомъ множествѣ народу въ почти перепутались мѣстами, такъ что невозможно уже добраться толку. Н. Е. попытъ отыскать новое мѣсто и уступилъ свой въ 24 вагонъ; а пріятель его остался на прежнемъ мѣстѣ и смѣялся надъ нимъ. Поѣздъ тронулся. Это было уже въ 1-ю часу ночи; многие дремали. Н. Е. замѣчаетъ, что машина прошла уже то мѣсто, гдѣ бы слѣдовало остановиться для раздѣла съ другой машиной. Онъ обратился съ вопросами къ своему сосѣду; но сосѣдъ былъ вмѣстѣ—платье и

притомъ дремать. Вдругъ раздается страшный ударъ; такъ что стекла въ 24 вагона полетѣли дребезгами. И. Е. выглянулъ въ окно—впередъ пожаръ и вопли. Онъ и всѣ другіе выскочили изъ вагона, бѣгутъ—передній вагонъ горитъ, искроверженный такъ, что и узнать нельзя; 8 вагоновъ разбиты лежать по рау—группы, головы, ноги, руки валяются кучами. Онъ встрѣчаетъ одного изъ своихъ товарищей, отравленнаго. Тотъ говоритъ, что ударомъ придавило ихъ вагонъ, такъ что крыша раскололась, и онъ въ безпамятствѣ бросился въ ровъ; а другой товарищъ вѣроятно погибъ. И въ самомъ дѣлѣ они скоро нашли несчастнаго: у него голова была ввлечена въ грудь. Равные кричали отчаянно; оставшіеся въ живыхъ спѣшили подать имъ помощь. И. Е. наткнулся на дѣвушку, промочено одѣтую: она кричала и бѣдась. Онъ съ товарищемъ поднялъ ее; у несчастной въ шеѣ была гилья. Гильи вырвали, и ранку отнесли на рукахъ въ поле: распросили—кто она, достали карту-то лошади и отвезли въ городъ. Между тѣмъ мертвыхъ и раненыхъ складывали въ уцѣлѣвшіе вагоны. Дали опять въ городъ; пришла новая машина и довезла ихъ до города. Погибло всего—болѣе 100 человѣкъ, да переранено было до 150. Воображаю всея ужастъ этого событія!

7 Сент. На дняхъ купилъ и прочиталъ Тургенева и Головина. Нового ничего не нашелъ; но утѣшительно читать книгу, въ которой систематически налагается все, что самъ я передумалъ и перечувствовалъ въ разные минуты жизни. Со-чувствіе—вотъ что интересно. Головина, какъ человѣкъ молодой, говорить съ энергіей, съ желью; но мало убѣждаетъ; нѣтъ доказательствъ. Тургеневъ полновѣснѣе, богаче сѣдѣніемъ, основывается во всемъ на документахъ. Въ четвергъ 2 числа игралъ мою драму—*За короля*. Я былъ очень огорченъ: игралъ дурно, да и самая драма жестоко изуродована ея.... Подучилъ уроки у Книжника Долгорукова—учить 15-лѣтнюю Книжнику Марью Николаевну. Очень умная дѣвочка. Она любитъ меня и се.

21 Ноября. Грифиня Феразъ любитъ меня. Ея теперь 16-й годъ. Она каки-нигъ уже чувствовать не по дѣтски. По дѣльнымъ чловѣкъ и держу и ласкаю ея бархатную ручку. Это ей нравится; она такъ уже привыкла къ тому, что сама предупреждаетъ меня и подаетъ мнѣ ручку. Если бытъ Мефистофелемъ.... о, сохрани мени Боже! Но я, кажется, никогда не разстанусь съ нею; потому что когда она соверѣетъ вполнѣ, надѣюсь, будетъ не только любить, но и уважать меня.... Милая душа! Она доставляетъ мнѣ много минутъ истиннаго наслажденія.

28 Ноября. Обществу наше въ послѣднее время видимо растётъ и музаетъ. Можно сказать, въ каждомъ уже есть, если не ясное понятіе, то по крайней мѣрѣ темное чувство о правѣ чловѣка и гражданина,—о томъ великомъ правѣ, которое всегда и вездѣ у народовъ образованныхъ было источникомъ всякаго событія

жизни, достойных историй, и которое так позорно погрязло в России. Правда, это—если можно такъ выразиться—электризование общества можетъ продолжаться еще слишкомъ долго, но все же законы природы возьмуть наконецъ верхъ надъ правилами незаконнаго деспотизма, можетъ быть, отдаленное поколѣніе будетъ уже гораздо счастливѣе насъ. И теперь оцнмъ только непрерывный слепотъ кипитъ задушаетъ темный репотъ сердець. Однакоже всетаки жизнь продолжается то такъ, то адсь! вѣрнѣе видѣть это. Ночь только блдствіе: есть еще пропасть подлѣцовъ, которые находятъ выгоду въ доносахъ. Имена такихъ людей стоило бы обезсмертить, оными повѣрнмъ образомъ. Дашо ли студентъ Кіевского Университета (и кто же? студентъ!.....) донесъ на Гулака, Кудѣша, Шевченко—и несчастные страдалцы пьютъ теперь горькую чашу! А вотъ опять достойный воспитанникъ Горнаго Корпуса донесъ на Аффондиха, и блднѣва отправилъ солдатомъ на Кавказъ. Конечно, Аффондихъ—лицо неважное; невелика потеря для отечества, если и вовсе не будетъ; но все-таки подлѣцъ достоинъ безсмертія!

Говорятъ, на 20 число ночью ходили по городу патрули и даже солдатамъ ровданы были патроны. Это было въ отлѣдствіе того, что подброшены были какіе то пшвыма, въ которыхъ грозили свернуть ему шею. Угрозъ конечно вещь пустая; надо не грозить, а дѣйствовать; но все-таки не мѣшветъ, чтобы держать ухо востро. Новый законъ о правѣ заложанныхъ крестьянъ выкупатьсѣ на волю—наконъ пустой въ основаніи, виженъ тѣмъ, что онъ взводновалъ всю аристократію. Они оцнло зашумѣли, и если это пойдеть все такъ какъ теперь, то смѣху доставится на орѣхи. Я много толковалъ объ этомъ съ молодыми аристократами, и видно, что они слѣдали уже шагъ въ поватіятъ в права и свободу. Дая Богъ! Авось дѣта будутъ лучше оцнѣа. Утѣшительно ужъ и то, что они презирають службу и олушечиваются мыслію—жить и дѣйствовать для блага своихъ крестьянъ. Можно надѣяться, что рабство исчезнетъ наконецъ, и крестьяне будутъ имѣть свою собственность. Тогда дѣло пойдеть иначе!

Дек. 27. Она (Софя) меня любитъ, и мнѣ суждено еще разъ испытать упоеніе любовію, хотя совершенно въ яномъ родѣ. Чѣмъ любовь больше содрана отъ мощи характерамъ. Я лопотъ въ сердцѣ. Въ любви мнѣ очаровиваетъ эта безпредѣльность чувства, котораго, какъ небо, нельзя измѣрить даже мыслію. Всякая цѣпа, какъ бы она далека ни была, указываетъ уже на опредѣленную границу, за которой—чтожъ тамъ? какой-то новый порядокъ жизни—знаніе, можетъ быть, болѣе настоящее; но истинно довольно опредѣленная, не безъ скуки, не безъ непріятностей. Но безбрежность чувства, отъ его бурями и волненіями—вотъ гдѣ можетъ крѣпнуть и мучать душа моя. Я одинокъ и долженъ умереть одинокимъ. Такъ отъ чего же не дать воли сердцу упоениться въ самыя далекіиыя запредѣльные берега? Она меня любитъ—и я счастливъ, и я горжусь ея любовью.

1848 годъ.

25 Февр. Ночью голь взошелъ подъ счастливыми предзнаменованиями. Вся Европа въ волненіи: во всѣхъ головкахъ бродятъ мысли о свободѣ; тремъ неагъ колеблются. А во Франціи поступавъ рѣшительно: короля—къ черту, и—vive! republique! Молодцы! Люблю народъ, гдѣ мысль и дѣло всегда почти синонимы. Что будетъ изъ всего этого—еще неизвѣстно; впрочемъ потому, что мы пока-мѣстъ и не знаемъ еще ничего крѣпкого; а восторжъ потому, что самое дѣло еще только начинается. Первое извѣстіе сюда получено въ самую масляницу (третьего дня), и на другой день уже всѣ заговорили объ этомъ. Впечатлѣніе рѣзко и живо; покамѣстъ оно еще не приняло опредѣленнаго образа; но радуется уже то, что оно принято почти всѣми съ вѣднимымъ удовольствіемъ, какъ новость пріятная. Слава Богу, стало быть головы Рускія уже значительно измѣнились въ послѣднія 60 лѣтъ. Первая революція Франціи пробудила не только въ Россіи, но даже во всей Европѣ отвращеніе къ себѣ и негодованіе; а теперь—совсѣмъ не то! всадъ люди толкуютъ, потирая руки, какъ будто онѣ у нихъ чешутся.... Худо только то, что по характеру нашему это можетъ ограничиться одной только чешоткой! Но во всякомъ случаѣ дѣла Европейскія ускорятъ наше развитіе. Мысль не остановится никакой таможенной: она прокрадывается какъ тать; хоть медленно, зато прочно утверждается въ головкахъ и сердцахъ, такъ что вскорѣнъ ее можно только тогда, когда вышустимъ изъ кроетъ изъ человека съ преобразившей головой. На ноги и руки надвигаются оковы; для книгъ есть цензура; а для мысли и чувства нѣтъ оковъ: они улетаютъ изъ міра не иначе какъ възвѣтъ съ душою, нмн ошвенною.... Посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло. Теперь каждая дѣла надобно ожидать какихъ нибудь новостей. Люблю такую жизнь; потому что въ этомъ только, въ этихъ волненіяхъ, и есть жизнь. Половина столѣтія отмѣчаетъ себя въ исторіи; можно надѣяться, что конецъ выйдетъ ясное то, что заварилось въ этой огромной лабораторіи духа народовъ. Приѣздитъ тутъ тебѣ, 1848 годъ!

Марта 18. Европа устроиваетъ свои дѣла хорошо и спокойно: неагъ подписываютъ конституціи и народы торжествуютъ.... Незадолго перстъ ясно обозначилъ теперь восточную границу Европы: она идетъ по чертѣ Рус. владѣній. Такимъ образомъ, въ три недѣли, сидя на мѣстѣ, мы уѣхали въ Азію, вошли на одну доску съ турками, татарами и пр. Хвала тебѣ,....! Первая слона, которая пиравалась у него изъ устъ, при полученіи извѣстія о Французской республикѣ, были: „я теперь въ Азіи; ко чуть только дѣло коснется Австрія, я буду въ Европѣ!“ Ну вотъ, дѣло коснулось Австріи—ступай теперь въ Европу.... Кто уноситъ тебя? Что говорить объ тебѣ Европа? Всѣ государства обшались торжественно, чтобы ни одна русская нога не показывалась на ихъ границахъ; въ противномъ случаѣ—народная война! Ты сказалъ, что воздвигнешъ китайскую стѣну

манду Россію и Европоу: эту стѣну воздвигла сама Европа.... Горько намъ положиле. Давно ли начали обшаруживаться въ нашихъ журналахъ маленькіе принаки жизни, и вотъ—новое ярмо притиснуло ихъ снова. На дняхъ учреждень созвать изъ 6 человекъ: Гр. Орлова, Кн. Меншикова, Гр. Строганова, Бар. Корфа, Дуппелита и Дегаля. Привалили были третьяго дня съ этотъ соборъ всѣ редакторы журналовъ и газетъ. Объявлена была воля.... чтобы никто не смѣлъ выходить изъ определенныхъ рамокъ.... Каково! Въ то время, когда по всей Европѣ объявлена свобода книгопечатанія, у насъ удалены мѣры цензуры! Какъ это современно и благородно!!! А поддѣламъ зато полный просторъ. Букварияхъ полна, сколько душой угодно. Третьяго дня напечатано въ Печлѣ *Искымо изъ Франкфурта*—обращеніе въ этотъ родъ, и достойное безсмертія.... Гдѣ жъ наши надежды? Гдѣ наше будущее? Что оно? Приходимъсь тавастивная за-вѣса!.... Показывать не видно ничего; только тавастіе и тавастіе налетаетъ варварская тавастіа....

16 Марта. Новое извѣстіе. Говорятъ, третьяго дня дано знать по секрету...., что въ Пруссіи королю вѣтъ подѣ страху. Это все равно, что поднести ринку водки! Стало быть дѣла идутъ хорошо—долговъ всѣхъ деспотонъ и поддеспонъ! Поздравляю васъ, счастливые народы Европы! Праснуа день свободы, ругните хорошенько вѣсть, поздравите по уши въ рабствѣ, въ этомъ состояніи общества.... У, какъ черно намъ настоящее, да казается и будущее.... Хотѣ бы кошо отрады, хотѣ бы ваплю воздуха!.... Аристократство ошлито мавелится и щепинится. Оно чувствуетъ, что если проснется народъ, такъ пѣкъ влохо придется—полотерамъ, наперстникамъ тирама! Сегодня говорилъ объ этомъ съ Гр-ней Клефимидель; добрая женщина, а провиняда придворною жизнью. Книгъ Долгорукова такъ же съ ужасомъ отозвалась сегодня о дѣлахъ Европы; а въ субботу просто побралился съ молодымъ Гр. Фервеномъ. Одна только милая моя Гр-ня Фервентъ мыслить и чувствуетъ какъ должнѣ. Утѣшительно одно только: всѣ съ жадностью читають газеты; въ кондитерскихъ, просто толкуютъ съ утра до вечера: всѣхъ интересуютъ Европейскія событія. Истинниту много въ толпѣ, да нѣтъ еще убѣжденія и рѣшимости. Что дѣлать? Будемъ ждать. Ниче—что дѣла, то новостъ. Ручаться ни за что нельзя. видимо сконфужены: авось надѣлать такихъ промаховъ, что и поправить будетъ нельзя. На это онъ мастеръ. Вчера читали въ церкви манифестъ, гдѣ убѣждаютъ народъ стоять твердо за Вѣру, Царя и Отечество!

Марта 18. Дѣла въ Пруссіи были осязѣмъ не такъ, какъ я слышать. Еврейновъ (сауж при Министрѣ Иностр. Дѣлъ) передаетъ вотъ какими образомъ эти подробности. Король оражался съ народомъ около недѣли. Рѣзня была ужасная. Трупы защитниковъ-гвардейцовъ провали во дворахъ, чтобы показать, что никто не въ этихъ защитниковъ всѣхъ перебьютъ. Между тѣмъ Рейнска провинція прислала своего депутата. Онъ привезъ къ королю бумагу съ тѣмъ, что если

через 18 часов эта бумага не будет доставлена обратно съ подписью короля, то чтобы его величество не беспокоилось и не считалъ бы Рейнскія провинція своими. Медлить было некогда: онъ подписалъ конституцію. Гвардія народъ вѣдѣлъ удалиться изъ предѣловъ Пруссіи.... Король драгся съ народомъ за то, что народъ просилъ у него позволенія жить почеловѣчески—слышитъ ли ты это, дитя XX-го столѣтія? Берлинская газета теперь въ траурѣ. Говорятъ, одного студента было убито до 700 человекъ.... Въ Познань сформировался корпусъ Поляковъ въ 60 тысячъ. Въ Варшавѣ вѣроятно есть волненіе; потому что Рус. войско вышло изъ города и стоитъ въ окрестности, готовое отрубать по первому знаку. Нѣсколько молодцовъ людей пѣли на площади какую-то пѣню. Паскевичъ—достойное орудіе....—ведѣтъ охотить первыя появившихся подъ руку полиціи и почтъ.... Четверо тотъ-часъ же было повѣшено на фонаряхъ. Какое! Какой азіатскій деспотизмъ перепеволяетъ деспотизмъ Русскаго.... и кляветовъ его? Въ Киевѣ также безпокойно. Только дѣлы.... о мертвыя народы!.... алѣсь только фантомныя спокойныя и неподвижны.... голосъ человека умолкъ въ шумъ нонѣ говоръ чиновничьихъ страстей.... Не знаю, наберется ли въ цѣломъ Петербургѣ 10 тысячъ человекъ, сочувствующихъ ходу идей на Западѣ и болѣющихъ сердцемъ за угнетеніе всего прекраснаго и благороднаго.... Массы войскъ готовятся къ походу; но куда же пойдутъ онѣ—эти машины.... А впрочемъ дай Богъ! Половину дураковъ перебить, а другимъ воротится умире.... Но когда-то еще это будетъ, а между тѣмъ жгучее него гнететъ все болѣе и болѣе.... убивается не только всякая дѣятельность, но даже всякая мысль и чувство.... Горе вскрывается въ самыя кости и съдаваетъ человѣка безвременю.... сердце высыхаетъ.... Остается одна еще отрада—передавать сердечные стопы друзьямъ, которыхъ впрочемъ очень немного. Да и то нужно очень осторожно. Шпіеотство страшное. Вездѣ есть предатели; готовы подслушать даже сонный бредъ....

Марта 20. Городъ полонъ толками и слухами. Каждая встрѣча съ знакомымъ начинается словами: „ну что—нѣтъ ли чего новаго?“ И потому тотъ-часъ же отплынуто съ сторонами—же подслушивать ли изъ камыи и стѣны домовъ.... Въ кондитерскихъ всегда тѣсно. Каждый приходить, молча садится и беретъ газету, спросивъ только чашку кофе, трубку или сигару; да нѣрѣдка вылаживаетъ изъ за листа, чтобы убѣдиться, не подсмотрѣлъ ли кто на его лицѣ дружелюбной улыбки или другаго какого нибудь подозрительнаго выраженія. Въ обществахъ охотно, но разбредутся по угламъ и шепчутся; нѣтъ нѣмъ чувствъ и понятія,—отъ того рыщатъ въ голосахъ страшный: кто въ лѣсъ, кто по дрова.... понятія и мысли идутъ въ обществахъ какъ ни-то углами: вдругъ вылаются какое нибудь прекрасное мнѣніе и держится упрямо; какой предвѣсти, Богъ знаетъ какъ, вѣтливое сомнѣніе или курьезную наглость—хоть совершенный; а все потому, что въ обществахъ нѣтъ жизни соединяющей.... нѣтъ духа животворящаго.

Тоска! тоска! Ожаль бы, кажется, на край свѣта.... Между тѣмъ слышишь, что люди исчезаютъ—услужливые шпионы дѣлаютъ свое дѣло. И въ самомъ дѣлѣ, какое обширное поле открыто теперь всякой княжеской клеветѣ, всякому подлому доносу. Теперь только наступило полное торжество для журналовъ и газетъ, подобныхъ *Пчелѣ*, *Иллюстраціи*, *Москвитяину*, *Булгарину*, *Гречу*, *Вашутину*. Шпионы могутъ обезсмертить свои имена. Они впрочемъ и безъ того уже на пути къ бессмертію. Гречу только не посчастливилось: его, говорятъ, высѣкли въ Парижѣ (онъ тамъ былъ во время изгнанія короля). Кто-то изъ Русскихъ указываетъ на него толпѣ: „потъ Русскія, который постоянно пишетъ всякую мерзость объ насъ въ Петербургѣ“,—и толпа тотъ-часъ же распорядилась по своему. Такъ или иначе было это, только мнѣ пересказывали за вѣрное, что Гречъ вышелъ живъ. Зато Булгаринъ, достойный собрать его, торжествуетъ. Вотъ я на дняхъ онъ подаетъ доносъ на Современника и Отечественныя Записки. Его подкрѣпляетъ другой поддлецъ—Графъ Левашевъ, монашій староста, зато что эти журналы неуважительно отзывались о журналѣ Коннозаводства. Незнаю точно еще, чѣмъ это кончится; но покажьтесь уже и Современникъ и От. Записки валты въ свои рукавицы. А что дѣлаетъ? О, онъ торжествуетъ, по крайней мѣрѣ по наружности: веселъ, любвеобиленъ, живитъ и дѣтенышъ.... но сердце, не думаю, чтобы было спокойно. Иллминия беззаботность и увѣренность въ себѣ иногда бываетъ признакомъ внутренняго безпокойства и неувѣренности. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ недѣль онъ обѣдѣалъ почти всѣ учебныя заведенія, былъ даже и въ тѣхъ, гдѣ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ: ходилъ пѣшкомъ по толкучему рынку—первый разъ въ жизни; въ намекахъ говорить беспрестанно рѣчи къ солдатамъ; вездѣ хотѣлъ выказаться хвастомъ, молодцомъ. Это что-то подозрительно. Неужели онъ не понимаетъ, что въ случаѣ войны, чего кажется не можно, онъ долженъ бояться какъ огня, чтобы неприятель не проникъ въ предѣлы Россіи? Нынче вѣдь ужъ народъ не поднимется какъ въ 12-мъ году.... Неужели онъ не чувствуетъ, что не только Польша, но даже и Малороссія жалутъ, только слушая къ востанію?... Неужели онъ не думаетъ о томъ, что торіиіе черни скоро пако-нець допнутъ,—и тогда бѣда! тутъ надобно будетъ охотиться какъ противъ тигронтъ. Между тѣмъ въ среднемъ классѣ—это ужъ извѣстъ извѣрно—есть много, очень много наэлектризованныхъ головъ. Стоитъ только какому нибудь вѣликому событію слить эти элементы, и тогда дуна Русская проснется....

26 Марта. Польшинія и Шлезвигъ отдѣлились отъ Даніи. Миланъ въ полномъ востаніи: Австріяцы изгнаны. Венгрія и Галиція наготовѣ подняться. Въ Польшѣ, говорятъ, объявленъ князь Чарторижскій. Теперь, значитъ, Русская Польша въ такомъ точно положеніи, какъ собака, которой положили подъ нозъ кусокъ мяса и не велитъ трогать.... у бѣдняжки елочки текутъ. Чтотъ будетъ изъ этого?.... Теперь Польша наводнена войсками: тамъ стоитъ

около 400 тысяч; но что-то въ томъ толку? Тамъ вѣдь некая долго вѣствовать. Европа устроится; славянскія земли, можетъ быть, образуютъ отдѣльную конфедерацію, и тогда.... Сегодня заговорили о войнѣ за права Даніи. Очень нужно вмѣшиваться не въ свое дѣло! Ничего еще нельзя сказать теперь—что будетъ изъ этого пива: ядря хороша, какъ-то уходится.... Исторія влинула уже 1848 годъ въ свои окрики: кончена исторія государствъ, державшихся за хвосты своихъ правителей; начинается исторія народовъ; человекъ сбрасываетъ съ себя подлую кожу подданнаго; фаніоніи его выясняются омые и болѣе.... Франція теперь доказываетъ въ тѣни; интересы Германіи ближе въ сердцу и человечѣе; тутъ вопросъ—*быть* или *не быть*; жить имъ, какъ приятно человеку, или просматрывать въ рабствѣ? Слава Богу, вопросъ вездѣ рѣшенъ въ пользу человека,—исключая одного только любезнаго моего отечества.... ахъ, пока-мѣстъ живутъ еще вѣки Лдовика XI.... Спи, святая Руо, спи ономъ правдиницы; что-то снится тебѣ?

27 Марта. Ома (Гр. Ф.) меня любить! Ома такъ некремно сегодня показала мою руку, и не выпускала ее изъ своей руки до тѣхъ поръ, покамѣстъ не наговоривъ досыта, и покамѣстъ я не поцѣловалъ наконецъ ея миленькіе пальчики.... Я открытъ ей состояніе души моей, т. е. мои политическія понятія, или—лучше сказать—глубокую печаль мою о судьбѣ Россіи.... Въ этомъ сердцѣ говоритъ природа; она понимаетъ гомось человека, изъ какой бы демократической груди не выходилъ онъ.... Милая дѣвушка! анагословлю расцѣловать твои щеки, и желаю тебѣ возможнаго счастья....

А другіе! О, аристократіямъ мало по малу убиваетъ въ нихъ всѣ человѣческія чувства. Смѣшно наше аристократовъ! Эти люди называютъ себя аристократами; но развѣ они не такіе же рабы, какъ и я, какъ и всякія мужикъ? Развѣ ихъ графскіе и княжескіе титулы не такіе же дары....., какъ и чины чиновникъ? Гдѣ тѣ дома, которые ведутъ свой родъ отъ древнихъ владѣтельныхъ фамілій? Ихъ можно пересчитать по пальцамъ; а всѣ остальные—выслушавшіеся чиновники; а многіе еще и не совсѣмъ честные чиновники.... Такихъ аристократовъ можетъ быть каждый изъ насъ: стоитъ только быть взысканнымъ многими..... Пріемы ежегодно совершаются передъ глазами.... Чѣмъ же гордиться тутъ? Дѣлѣмъ ставить себя на одну доску съ аристократами Англіи? Жалкіе люди! какъ дорого жалатятъ они современнѣ за эти золотые сны, за эти алчкія заблужденія!.....

Ома меня любить! Я я могу еще мучиться съ живанію; есть еще въ мірѣ уголокъ для моего озорывающаго чувства.... Ома меня любить!

2 Апрель. Прочиталъ на этой недѣлѣ двѣ замѣчательныя статьи: одну въ фелетонѣ полицейской газеты отъ 27 Марта; другую—тамъ же отъ 31 Марта. Какое лицемеріе! То ли думаютъ Межевичъ и Солотубъ, что написали? Кака

подлость! Впрочемъ неудивительно: деспотизмъ гнететъ только благородныя чувства, зато даетъ полный просторъ воому низкому и презрѣнному. Эти статьи такъ оригинальны, что стоить даже ихъ списать. Объ фельетонахъ Сѣверной Пчелы ничего и говорить: теперь настало настоящее время для Вулгарина и его друзей: онъ можетъ обезсмертить себя; а о потопить его, не заботителъ: подлая душа не вѣрнѣе въ безсмертіе.

10 Апрѣля (ночь передъ Пасхой). Настоящіе обстоятельства раскрыли вѣчно негнѣнный характеръ нашей аристократіи во всей его наготѣ. Содрогнися, благородный потомокъ князь, и швынь на первое попавшееся тобѣ изображеніе аристократа нашего времени! Въ числѣ мѣръ, клонящихся къ подлержанію и еще болѣешему упроченію новѣйшаго народнаго (на чужь) зачѣтнѣмъ мимолетности— и дерзается всею деспотизмъ..... в годъ славы аристократіи) предложена была одна зфра, достойная безсмертія: *открытая* *есть* *университетамъ* разорить эти габазы, гдѣ полъ крыломъ материнская кое-какъ дѣлится еще малымъ народная..... Варвары! неужели вы ищете въ Бога? Провозгласителемъ этой мѣры былъ Вутур-зланъ, которому поручить теперь вышій надзоръ за цензурой—ловить и убивать каждую мысль, въ которой замѣтно будетъ хоть малѣйшее движеніе жизни. Къ счастью, самъ..... содрогнулся и не рѣшился такъ публично соорудить общественный мавзолей. Принимы мѣры страшныя, но безъ огласки. Онѣ отразились уже на Апрѣльскихъ книжкахъ нынѣхъ журналовъ. Современники убить или—вѣрнѣе сказать—перезаить въ самое сердце. Нѣтъ болѣе полнѣея впечатлительныхъ мыслей: опять, пошли въ ходъ сказки.... Читайте, почтеннѣйшая публика, читай и поучайся! Никитенко оставилъ редакторство. Теперь Современники за 1847 и первые три книжки 1848 года должны одѣваться рѣдкостью.... Удивительно безучаственная Рус. народъ! Много ли есть людей, которыхъ обдасть ужасомъ при одной мысли о такомъ положеніи дѣтъ? Большая часть совершенно равнодушны; а многіе еще радуются.... Громъ и молнія да разражать нашу пѣхъ, наше поколѣніе!....

1 Мая, Третьяго дня была въ Никитенкой у Графини Клейнмихель. Говорили о гоненіяхъ на современную литературу. „Какъ же тутъ быть? сказала Графиня: насъ застаютъ читать по-русски: хотѣть, чтобы дѣти наши учились и читали по-русски; но чтожь послѣ этого читать? Положимъ, и еще буду читать старыхъ писателей; но чтожь будутъ читать мои дочери? нѣтъ и пробавляться только старыми?“... Если бы подобныя мысли выражались почваще, порѣче и погромче,—такъ можно бы было хотя по крайней мѣрѣ питать надежды на лучшую будущность.... Никитенко говорить, что изъ всѣхъ современныхъ палачей..... обна-руживающъ еще большіе другіхъ чего-то человѣческаго. Когда принялся за журналы, потребовали къ отвѣту всѣхъ редакторовъ, Никитенко написалъ письмо къ Гр. Орлову, Главная мысль, выраженная имъ, была та, что прежде нежели

судить человека, надобно знать, кто онъ такой? какъ онъ жилъ? что онъ писалъ? и т. д. Письмо вѣроятно было написано умно и донка. Орлова показалъ его Государю. Государь велѣлъ объяснить Никитенку, что онъ благодаритъ его за благородныя чувства, что онъ никогда не сомнѣвался въ нихъ и увѣренъ, что и впредь онъ будетъ вести себя какъ прежде. Что можетъ быть лучше этихъ словъ въ устахъ.....? Но жетакъ дѣло нашего поколѣнія проиграно совершенно: слѣдующее поколѣніе должно оскорбиться; слѣдующее за нимъ родится уже одною огромною скотиною, а потомъ уже начнется реакція, и безъ сомнѣнія разыграется ужасно: нуженъ страшный огонь, чтобы скоты перегорѣли и вышли бы изъ нихъ люди.... Боже мой! къ чему жъ эти страданія?

16 Мая. Дѣло Европы такъ запутано, что нельзя даже и догадываться чѣмъ все это кончится. Конечно, мы знаемъ одни только отрывки, хвостикъ, а не видимъ, какъ выжуютъ эти ушлы; но не думаю однакожъ, чтобы и тамъ дѣло было ясно. Вѣрно только одно, что изъ всего этого возникнетъ лучшій порядокъ вещей. Жизнь спитить готова; но еще мало живцовъ, но крайней мѣрѣ не все еще проникнуто женой плыве: она показывается къ чувствамъ, въ пророческомъ инстинктѣ. Молотъба слишкомъ сильна; верна задеть и сюда, толкаю почва адскихъ силъ переработана.... Много, много еще нужно для Россіи событий, чтобы подготовить ее къ чему нибудь лучшему; можетъ быть, еще не одно поколѣніе пройдетъ по землѣ, какъ стадо синей, хрюкая и чивочивещая, на законныхъ основаніяхъ, полая то, что подъ ногами.... Мечты мои! мечты мои—моя избыточная гаданія! зачѣмъ же вы мучите меня?... К.... по дремлетъ; клеветы и пачачи его дѣлаютъ свое дѣло: какое поползновеніе къ мысли убито; даже книги нужно прятать; въ шкафахъ можно имѣть только сказки. Ужъ если страдать, такъ по крайней мѣрѣ страдать бы по-человѣчески—на крестахъ и когтяхъ....

26 Мая. Въ тотъ самый день, какъ я писалъ эти строки, 7. ч. 16 числа, въ Неаполѣ происходило первое дѣйствіе страшной драмы, которая кончилась только къ 18 числу. Господи! гдѣ мы живемъ? Король торжественно, парадъ глазами цѣлаго міра, разыгралъ превосходно роль разбойника.... Всякое человеческое чувство должно быть потушено до дна. Неужели это пройдетъ безъ названія? Боже мой! Боже мой! Если тамъ, гдѣ и наука, и искусство цѣлые вѣка дѣйствовали къ образованію всего человечества, если тамъ до сихъ поръ не могли дойти до этой простой истины, что человѣкъ не оселъ, что онъ долженъ искать закона и правъ въ самомъ себѣ, а не ожидать ихъ какъ милости отъ палачей,—такъ чего жъ ожидать намъ? Когда жъ мы дойдемъ до этой истины? Будущее съ каждымъ шагомъ нашлѣмъ впередъ становится чернѣе и чернѣе.... Гдѣ наши надежды? На грядущія поколѣнія? Напрасно! Мнѣры деспотизма таковы, что дѣти должны быть глуше отцовъ. Знаменитая мысль Бутурлина рано или поздно осуществится.... Чего жъ искать въ жизни? Во что же вѣрить? Что любить?

Чего надѣяться? Гдѣ тутъ Промыслъ, пекущійся объ мирѣ? Начѣмъ онъ создалъ человѣка такой свѣтлой-чиновникомъ? Глазѣ до этихъ вопросовъ; еще тяжѣе, когда расудокъ отказывается ихъ рѣшить.

27 Мая. Вотъ нѣкоторыя подробности объ верховномъ, вновь учрежденномъ цензурномъ комитетѣ. Его составляютъ трое: Бутурлинъ, Делай и Модестъ Корфъ. У нихъ нанято еще 6 человѣкъ помощниковъ съ платою каждому по 2 тысячи р. сер. Обязанность ихъ—читать книги уже напечатанныя и лопать въ нихъ мысли. Никитенко оставилъ цензурово. Передъ отставкой онъ сдѣлалъ одно доброе дѣло: подалъ Министру бумагу, въ которой объясняетъ, что въ послѣднее время ничѣмъ поступать съ цензурою множество сочиненій въ прозѣ и стихахъ, имѣющихъ содержаніемъ извѣстныя патріотическихкія чувствованія; такъ какъ цензура, по силѣ такой-то статьи устава, должна обращать вниманіе на то, чтобы предметы высокіе представлялись въ приличныхъ имъ формахъ,—и такъ какъ большая часть поступающихъ теперь въ цензуру сочиненій отличаютъ въ авторахъ совершенное незнакомство даже общими условіями языка,—то цензоры находятся теперь въ затрудненіи—какъ поступать съ подобными сочиненіями?... Министръ препроводилъ эту бумагу къ Орлову, и Орловъ вѣдѣлъ привести ее въ исполненіе, т. е. не пропускать подобныхъ сочиненій. Ну, слава Богу! востанъ хоть одною мерзостію менѣе. Никитенко для образца прочиталъ жѣ одно изъ этихъ сочиненій. Оно называется: *Лай Ееронац*,—и начинается стихомъ: „Европа даетъ гамъ, гамъ, гамъ!“ Какова Россія XIX вѣка!...

28 Мая. Вотъ образецъ нашей современной образованности. Сегодня и прихожу въ магазинъ въ Цинкопранку—купить шляпу. У прилавка стоитъ какой-то военный и другой статской. Я началъ примѣривать шляпу. Вдругъ военный беретъ съ сѣрдца за пазуху и уходя къ дверямъ говоритъ: „ну, пѣть.... прощайте! это ужъ изъ рукъ выль“.... Я подумалъ сначала, что можетъ быть его обманули приказчикъ. Но вдругъ военный остановился у дверей и, обращая ко всѣмъ намъ, говоритъ: „сколько ужъ лѣтъ живу въ Петербургѣ, а первый разъ еще вижу, что генералъ-аншефу не хотѣтъ привезти на квартиру шляпу“..... Мгновенное молчаніе. Мы всѣ невольно улыбнулись. Но генералъ-аншефу не удовлетворялось одною глупостію: онъ воображалъ, что всѣ люди его деньщики, и потому продолжалъ: „я генералъ-аншефу; и состою при Государыни“..... Зидете ли вы это, прибавилъ онъ съ гордостью, съ одушевленіемъ и съ сознаніемъ своего достоинства,—зидете ли вы это, что я состою при Государыни? Приказчики не отвѣчали ни слова, и придворный герой торжественно пыталъ. Всѣ захохотали. Я спросилъ у приказчика—кто этотъ дуракъ? Приказчикъ сказалъ, что это Графъ Апраксинъ. За что же такъ разгнѣвалось его генералъ-аншефское сердце? А вотъ за что: онъ купилъ шляпу и хотѣлъ, чтобы ее привесли къ нему на квартиру и тамъ бы получили деньги, а приказчикъ отвѣчалъ, что имъ не съ кѣмъ воевать:

у нихъ нѣтъ таланты свободныхъ людей. Конечно, для другаго они бы слѣдали это одолженіе; но Апраковъ имъ уже извѣстенъ: назадь тому нѣсколько мѣсяцевъ онъ тоже купилъ у нихъ шляпу и валѣтъ принести на квартиру: прикиньте доплатить быть нѣсколько разъ ходить къ нему, и насилу получилъ деньги. Вотъ какіе наши генераль-анипфы..... Какъ же говорить теперь такой нибудь чиновникъ перлъ мужиками, осмѣляясь на свое званіе и чинъ?... О Россія, Россія!....

2 Іюня. Дѣла Вѣнскаго Университета, кажется, гибельно отозвуча у насъ. Тучи уже сдвигаются, и слышеть глухой громъ. Дѣло наше проиграно—это ясно.... надежды никакихъ: а к..... сильнѣе и сильнѣе затягиваетъ бранды.... Университеты непремѣнно будутъ закрыты и вѣроятно скоро. Чтожь тогда?

Какая пустота въ журналахъ! А что еще въ дали?... Вѣлискій умеръ.... „Теперь я вижу, почему онъ умирая, что смерть его, благодѣйствіе“. Въ самомъ дѣлѣ, онъ умеръ во время. Смерть была для него благодѣяніемъ. Что еще осталось для него? Писать нельзя, а начинать служить поздно.

Подлецамъ полный просторъ! подличаютъ на славу. Имена Булгарина, Васуцкаго, отчасти Жуковскаго, Содогува, Иннокентія (Харитовскаго)—пореидутъ къ потопству. Вотъ вѣрная дорога къ безсмертію!.... А между тѣмъ, можетъ быть. Невидимый Перстъ выводитъ новыхъ пяти жидовъ или нѣдръ гнилаго въ работѣ ничтощества: можетъ быть въ великой моторической лабораторіи слагается уже событіе, которому подобнаго не видалъ еще міръ.... Вотъ когда хотѣлось бы быть безсмертнымъ или всевѣдущимъ!.... Напрасно.... еще разъ напрасно!....

„Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!“

11 Мая. Отъ чего большая часть такъ называемыхъ *водвилей* (хотя это названіе самое негнѣное), которыми постоянно наводняется наша сцена, нравятся публикѣ, несмотря на то, что въ нихъ нѣтъ ни искры поэзіи? Главная причина вотъ какая. Впереди, въ публикѣ нѣтъ ни малѣйшаго понятія о поэзіи. Спросите кого угодно, кто любитъ толковать безпрерывно о литературѣ, въ чемъ по его мнѣнію заключается поэзія. Онъ совершенно ошѣбаетъ; но въ основаніи оудеть сказать даже какой нибудь глупости. До такой степени вопросы науки еще новы у насъ и считаются совершенно лишними! Представьте же теперь, что такая публика сидитъ въ театрѣ: чѣмъ нельзя подчинять ее! Давая все, что на умъ въредеть; все прослушавъ она: не боится—не отяжкуютъ ни чьи глаза и не ахнутъ ни чье сердце. Вотъ-то, въ авторахъ пьесъ есть маленькая смысловая: они понимаютъ, что тутъ непремѣнно нужны сцены изъ жизни, и дѣлаютъ эти сценки довольно удачно: но какъ опосредовать изображаемую жизнь.—вотъ до этого она уже никакъ не могутъ дойти; потому что никто изъ нихъ не учивался порядочно. Навѣянности, нѣкоторая толстоа души, пробужденная тепломъ хорошихъ писателей, у нихъ признается уже за таланты, и горячія юноши рубить себя съ плеча что угодно..... Жаль, истинно жаль! Все благородное и прекрасное

оповорено такъ, что грустно смотрѣть! Тутъ нѣтъ даже и помощи: одна только образованность, развитая широко, можетъ смыть эту грязь съ нашей души; но.... образованность есть преступленіе! Можно заботиться только объ улучшеніи своего костюма, но не головы и сердца.....

27 Іюня. Около трехъ недѣль уже опирѣстуетъ въ городѣ холера. Болѣзнь страшная, потому что еще мало изучена медиками. Чернь по обыкновенію замутила: заговорили, что народъ отравляютъ дѣмья и поляны.... Какая величость!... Объ этомъ публиковано уже я довольно добросовѣстно. Между тѣмъ подобныя случаи всею выразительнѣе показывали, что народъ являть рѣшительно неподвиженъ: какъ бунтовалъ онъ въ 18 ст., такъ же точно бунтуешь и нынче—глухо и бессмысленно!... И тѣмъ же оканчивается всѣ эти бунты?....

28 Іюня. Вчера Эвальдъ говорить сыну Вутуркина: „скупное нынче время: раскрой Рус. журналъ—нечего читать“, и т. д. Молодой Вутуркинъ отпичалъ со вздохомъ: „стыдно мнѣ сказать, но долженъ сказать: этихъ вы обязаны больше всего моему отцу..... теперь я стыжусь своей фамиліи—не вѣдѣю могу громко сказать ее“. Вѣроятно хорошо отецъ, что сынъ стыдится носить его фамилію!

Въ Парижѣ опять была рѣзня. Чѣмъ же все это кончится? Неужели опять монархія? Если такъ, то значить человечество ничто иное какъ глѣба грязи.... И стоитъ ли посѣть послѣ этого кмп. человека? Гдѣ цѣль жизни? Гдѣ счастье гражданина?... Тоска!...

11 Іюля. Перебѣдь мой на дачу (а это еще первый разъ въ жизни) самый несчастный. Погода постоянно гадкая: дождь, холодъ, вѣтеръ. Холера рветъ свои жертвы. Я лился изъ двора изъ людей любимыхъ мною: нѣтъ больше на землѣ Е. И. Бисиковой и Мари Фервонъ.... Грустно! Бѣдная Софія Павловна! что будетъ съ ней, когда она узнаетъ о смерти брата?

21 Іюля. Вчера только узнать я, что у меня нѣтъ болѣе матери. Она кончила жизнь 3-го числа отъ холеры. Подробностей ея кончины еще не знаю. Вотъ первая утрата, которая глубоко отозвалась въ сердцѣ. Конечно, закона жизни не микуешь; нужно уже было ожидать этого, и во мнѣ, слава Богу, довольно силы и ума, чтобы не предаваться отчаянію; но отецъ, единственный отецъ!... Ему скоро 70 лѣтъ; онъ 35 лѣтъ былъ женатъ; онъ опился уже такъ съ своимъ положеніемъ, что смерть эта убьетъ его..... Последніе дни жизни его отравлены неизлѣчимою тоской..... Несчастный! Пусть слезы сына хоть къ минутѣ облегчатъ печаль твою.... Этотъ человекъ страдать цѣлую жизнь.... за каждую улыбку жизни расплачивается годами горя и кровавыхъ слезъ.... Отецъ мой, отецъ мой! я горжусь тобой: ты никогда не покрывалъ душой и не торговалъ своей совѣстью; ты отрадать за это постоянно; но зато передалъ дѣтямъ твоимъ неподкупное чувство чести.... Благословлю тебя, цѣлую сядины твои.... Неужели же нѣтъ безсмертія?

30 Июля. Вели бы можно было (не говорю—одному человеку, нѣтъ, тутъ нужно дѣйствовать цѣлымъ обществомъ) разобрать всѣ архивы въ нашихъ судахъ, палатахъ и сенатѣ,—какой огненной кровью облилось бы сердце всякаго благо-роднаго человѣка! Сколько вопіющихъ неправдъ хранился подъ пылью въ этихъ темныхъ подвалахъ! Заставили бы самою афрѣ дѣвинею, если бы открылась передъ ними такая отвратительная картина злѣ, подлости, корысти и обмана.... Миѣ скажутъ: это было, есть и будетъ вѣдѣ. Несогласенъ. Что было—это такъ; человѣкъ прожить впередъ всѣ пути подлости, покамѣстъ узналъ цѣну добра и правды. Но что есть и будетъ—тому не вѣрю. Почему жъ? Вопервыхъ потому, что въ Европѣ образованіе развито шире и глубже, чѣмъ у насъ; а образованіе и подлость—вещи несогласимыя, вторыхъ, какую судейскую подлость такъ можно сдѣлать тотъ-часъ гильюно: можно неправое дѣло расказывать въ романѣ, представить въ драмѣ, даже прямо распубликовать въ газетахъ; а подлость боится огласки. Эти двѣ причины значительно уже сжали въ берегахъ море зла, и главное—сужаютъ вѣрными залпами того, что современемъ совершенно уничтожитъ его. А у насъ? Нѣтъ въ настоящемъ ничего утѣшительнаго и никакаго, рѣшительно никакаго надежды на будущее. У насъ, можно сказать, нѣтъ ни одного дѣла, рѣшеннаго по совѣсти. Тѣ, которые рѣшаютъ закономъ, показываютъ только, что оуды могли тутъ взять что слѣдуетъ. „Но ждѣ правительство, скажутъ миѣ, несомнѣнно въ этомъ: законъ правъ, виноваты оуды!“ Совершенно согласенъ. Если судить о благосостояніи государства по слогу законовъ его, то можно бытъ ожидать, что нѣтъ государства благополучнѣе Россіи. Но, друзья мои, нужно создать почву, на которой бы могли укорениться законы и приносить плоды: нужно сперва просвѣтить умы и сердце людей, и потомъ требовать отъ нихъ исполненія законовъ. А безъ этого къ чему послужатъ самые мудрые законы? Они останутся мечтами законодателей—и больше ничего. Распекните миѣ: какой тутъ смыслъ, какая логика—держать народъ въ оковахъ работы и писать для него законы? Чистая безмыслица! Мудрыми законами можно гордиться тогда только, когда варелъ просвѣщенъ....

Безнадежность въ будущемъ—вотъ что ужасно!....

5 Декабря. Жизнь нашихъ университетовъ рѣшительно виситъ уже на волосѣхъ. Вотъ начинется преобразованіе гимназій, самое безмысленное. Теперь не остается уже ни одного заведенія, гдѣ бы можно было образоваться по-человѣчьи—ездѣ преобладаютъ специальность.... Чтожъ изъ всего этого будетъ? Ахъ вытъ тяжело, тяжело, тяжело.... Читатъ наконецъ рѣшительно ничего. Въ нынѣшнемъ году вышли только вотъ какія книги, которыя миѣ нужно было купить: О вліяніи христіанства на Славянскій языкъ—Буслаева; Начатки Рус. философіи—Максимовича; Систематическое описаніе Помпей—Классовскаго и двѣ книжки стихотвореній Жуковскаго. Четыре книги въ годъ—какая литература!

27 Декабря. Мысль—закрыть журналы не приведена въ исполненіе прямо, вѣроятно потому, чтобы не подать повода къ лишнимъ разговорамъ, которые во всякомъ случаѣ не могли быть полезны для правительства; но она вѣроятно придется въ исполненіе *хосефитскимъ образомъ*, именно вотъ какъ: статьи, назначенныя для журнала, поступаютъ въ цензурный комитетъ не въ рукописяхъ, а напечатанныя уже. Издатель журнала, разумеется для набѣжалія лишнихъ матерьяловъ, старается печатать только такіе статьи, которыми не могутъ быть запрещены. Но теперь, когда весь цензурный комитетъ состоитъ изъ чиновниковъ, надъ которыми вникать вникать, — дѣло дѣлается по-чиновнически. Цензоръ говоритъ: эта статья негодится; надобно набирать другую. Вотъ набираютъ другую. Цензоръ опять говоритъ: негодится, и т. д. Такимъ образомъ каждый листъ придется перепечатать можетъ быть 5 или 6 разъ, и потому журналъ, который прежде окупался 600 подписчиковъ, теперь едва-едва можетъ окупиться 2000 подписчиковъ. Кроме того никто не хочетъ писать; потому что никому не хочется за какую нибудь фразу, которую скажетъ Вутурманъ растолковать какъ ему угодно, улетѣть въ Сибирь. Издаваемыхъ журналовъ ничего не остается больше, какъ отшатываясь отъ казанія, бросать все.... Завидно была доля!....

31 Декабря. Изъ всего этого бурнаго года остается одна только отрада въ сердцѣ: это любовь къ моей милой С. П. Ферзевъ. Добрая дѣвушка! какъ она любитъ меня! Я никогда не забуду тебя. Третьяго дня она такъ мило простилась со мной.... Въ грустно безъ Манн. Въ сочиненіи своемъ она откровенно высказала печаль свою. Милая Софи! Поздравляю тебя съ новымъ годомъ и желаю тебѣ больше счастья!

Конецъ 1848 года.
